

Администрация г. Дубны Московской области
Дубненский городской Совет общественной организации
пенсионеров, ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил
и правоохранительных органов
Кафедра государственного и муниципального управления
факультета экономики Международного университета «Дубна»

Нам дороги эти позабывать нельзя

**Сборник воспоминаний дубненцев
о Великой Отечественной войне**

Часть II

Составитель и редактор Н.Н. Прислонов

Тверь

Издательство Волга
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
Н24

В оформлении обложки использована фотография Прислонова Н.Н.

В издании использованы фотоматериалы Ю.А. Туманова, семейных архивов В.И. Кравченко, А.М. Рыжова, Московского областного общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие», фонда городского Совета ветеранов войны и труда, фотоархива Н.Н. Прислонова.

Н24 Нам дороги эти позабыть нельзя: Сборник воспоминаний дубненцев о Великой Отечественной войне. – Часть II /Сост. и ред. Н.Н. Прислонов. – Тверь: Издательство Волга, 2015. – 304 с.

ISBN 978-5-904518-59-2

Сборник воспоминаний жителей города Дубны о Великой Отечественной войне издан к 70-летию великой Победы над фашизмом и содержит в себе полный объем воспоминаний, опубликованных в различные годы в отдельных изданиях и местной периодической печати, а также записанных со слов участников войны студентами Международного университета природы, общества и человека «Дубна» в рамках поисковой работы. Книга является хорошим источником по изучению истории нашей Родины и родного края в 1941–1942 гг., дает широкое представление о подвиге, совершенном нашим народом в этот героический период. Знакомство с ее материалами позволяет по-новому посмотреть на историю Великой Отечественной войны.

Для широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-904518-59-2

© Прислонов Н.Н., составление, 2015.
© ООО «Издательство Волга», 2015.

Женское лицо войны

*Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы – девчата,
Похожие на парней.
Нет, это горят не хаты –
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.*

Запас прочности

*До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.
И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать!— Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.*

Юлия Друнина

Андреанова Анастасия Сергеевна Блокадная жизнь

22 июня поехала в Пушкин, где по радио и услышала о войне. Приехав обратно в Ленинград, мы увидели кучу народа на вокзале, всех провожали, было много слез, криков. Нашу контору разбомбили, и нам пришлось установить дежурство на крыше. Запасов съестных не было, два дня кое-как питались, потом стали выдавать карточки, начался голод, мор. Молодых парней брали для того, чтобы они по ночам уносили покойников. Сама я жила за городом. Мы думали, что война продлится не больше четырех месяцев. Несколько раз получала повестку носить умерших по ночам, но так и не пошла. С голоду умер дядя, надо было ехать на другой конец города, а трамваи уже не ходили. Под Новый год отменили выдачу хлеба, так как все машины пошли под лед. Стали эвакуироваться в Алтайский край (сначала к Москве, но там начались бомбежки). Мне поставили диагноз: дистрофия первой степени, как после концлагеря. Приехали в город, нас накормили и отправили работать в колхоз. Чуть позже попросилась на фронт. Ленинградцев не брали, но я уговорила их и мне выписали повестку. Привезли в Москву, там заготавливали продукты для бойцов. Привезли на станцию Гжель, где стали учиться на радиста. Учились 6 месяцев. Утром подъем в 6 часов. Мне тогда был 21 год. 2-3 ночи дежурила на посту – это было мое первое боевое крещение. Позже нас отправили в Смоленск (там только что выбили немцев). Носили радиogramмы по ночам без пропусков, где-то месяц. Потом уехали в Польшу. Оттуда в Москву [1].

Артищева Клавдия Георгиевна Никаких отпусков, никаких выходных

1941

22 июня. Практика, Омская область. Война. Старики сказали: «С немцами добра не жди». А молодые в ответ засмеялись: «Да мы их шапками закидаем!»

3 июля. Речь Сталина: «Все силы народа на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» Сегодня я впервые услышала бабий вой.

Плачут все: жены, дочери, сестры, а больше всего матери. Страшно. Давно уже скрылись за горизонтом грузовики с ребятами, а звуки гармонии и песни еще доносятся издалека. Тишина. Каждое утро слушаем Левитана: немцы берут город за городом. Возвращаемся в техникум: весь курс – пять девушек, все мальчики на фронте.

Казахстан. Здание техникума отдано под госпиталь. Переехали в село Иртышское, учимся во вторую смену, днем помогаем колхозу.

1942

Голод. Все запасы в селе кончились. Стипендии хватает только на семечки. Иногда дают 500 г хлеба. Сгорело временное здание техникума, а вместе с ним и наши дипломные проекты. Все сгорело. Восстанавливаем все на тетрадных листах. Получаем свидетельства об окончании техникума.

Еду на первое место работы. Расписания поездов нет. На запад – эшелоны с военными и оружием, на восток – эвакуированные. Отдала любимую свою фотографию солдату, говорит, что будет всем товарищам показывать, какая у него красивая невеста. Пришлось дать и адрес, обещал писать... Моя конечная станция: Петропавловск. Спрашиваю на перроне, далеко ли до океана? На меня смотрят, как на сумасшедшую. Оказывается, я перепутала при распределении камчатский с казахстанским.

1943

Командировки по селам и колхозам. Ездить не на чем: две лошаденки, одна машина. Деревни далеко, 10-20 км. Часто добираться с попутными. Однажды встретила дедушку, старого казаха на хиленькой лошаденке.

– Дэвчка, куда пошла? ...Отр! (садись). – Едем. Старик сидит и поет, поет.

– Дедушка, о чем вы поете?

– Что вижу, о том пою. Стога увидел – о стогах пою, траву увидел – о траве пою, вот и о тебе пою...

– А о войне поете?

– Эх, и о войне пою...

Проверяю заводы, колхозы. Бедность и голод. Приду в семью, а там шесть пар глазенок смотрят на хлеб, выданный мне пред-

седателем колхоза. С каждой семьи – по 200 литров молока, 200 яиц и 2 килограмма шерсти в год. Ни овец, ни кур уже нет. Старик сеют, а женщины вместо лошадей впрягаются в плуг. Вести с фронта уже лучше. Есть надежда.

1944

Фронт, все для фронта!.. Строятся все новые и новые заводы. Крыш еще нет, а люди работают. Мальчишки по 13 лет еще не достают до станков и стоят на ящиках. Работают и в дождь, и в снег, по 14-15 часов в сутки, от усталости падают прямо на месте, потом просыпаются и снова работают. Никаких отпусков, никаких выходных, никто даже об этом не думает. Работают казахи, туркмены, ингуши, русские, поляки, чеченцы... Работают, работают, работают... Вера, огромная вера в Победу движет ими.

1945

Март. Наши уже далеко-далеко, в Германии. Командировка в Москву за оборудованием для завода. «Наш поезд подъезжает к столице нашей родины Москве». Выхожу на платформу и кричу: «Здравствуй, Москва!» Первый раз, первый раз в жизни я в Москве! Город грязный, вечером фонари горят тускло, затемнение. Театральные залы пестрят военной формой, солдаты, офицеры.

Май. Я уже дома. Победа! Победа! Победа! Крики, смех и плач вокруг... [2]

Березовская Клавдия Ивановна

Трудное время пришлось на конец войны

...Когда началась война, высшее руководство потребовало отправления на фронт. Пришла в военкомат, а на следующее утро отправили на фронт. Враг разбомбил линию города Калинина (ныне Тверь). Когда линия была восстановлена то прибыли в Торжок. Сюда приехали представители, которые определили меня служить в Москву. Молодых мужчин забирали на фронт, а оставшаяся в Москве 54-я зенитная дивизия была переформирована в пулеметную. Здесь в Москве приняла присягу и была определена на завод. На крышах

стояли зенитки, здесь же дежурили, сменяя друг друга. Ложились отдохнуть, тут же военная тревога – враг бомбил Москву.

Затем прислали прибор из Великобритании, который радаром ловил и распознавал фашистские самолёты, и меня отобрали для работы с прибором. Особенно трудное время пришлось на конец войны. Голод: питание плохое, приходилось щипать крапиву на щи у лаборатории... [3]

Быкова Евдокия Ивановна

Я всегда писала бодрые письма на фронт

Война меня застала в Ржевском авиагорнизоне, где мой муж, Быков Николай Федорович, служил в авиаполку техником самолета. Я тогда работала в военной столовой калькулятором бухгалтерии продотдела авиабазы.

В октябре 1941 года военные части из Ржевского гарнизона эвакуировались под Москву, в Серпуховской район, куда я тоже уехала вместе с ними и стала работать при воинской части 283 авиабазы 1 воздушной армии в интендантском хозяйстве по снабжению боеприпасами и продуктами для авиаполков. Потом часть опять эвакуировалась, но теперь в Каунас, а я с двумя маленькими детьми и матерью мужа уехала в Калинин. До войны я работала ткачихой. Но завод тоже эвакуировался, и я осталась без работы. Поэтому в 1945 году мне пришлось идти работать в колхоз, где я проработала 2 месяца. Потом я вернулась в Калинин.

Скоро приехал муж, и мы уехали в Германию, где прожили 3 года. В памяти навсегда остались эти пережитые ужасы войны, которые я увидела лично при бомбардировке нашего аэродрома, видела разрушения зданий и гибель людей. Раненым оказывали помощь и отвозили их в госпиталь. Из военачальников моего мужа могу выделить полковника Потапова Виктора Андреевича, который был хорошим и внимательным человеком. Он проявил заботу о сотнях фронтовиков.

Из своих однополчан хорошо помню семью военного врача гарнизона Николаева и других людей, с которыми служил мой муж и с которыми мы встречаемся в Москве на встречах однополчан.

Эти встречи очень нам дороги тем, что с этими людьми прошла наша молодость и боевые дни войны. Я всегда писала бодрые письма на фронт о своем житье-бытье с детьми для того, чтобы поднять настроение для победы над врагом, хотя сами мы жили в очень трудных условиях. Нашим девизом было «Все для фронта, все для Победы» и мы старались, не щадя своих сил, здоровья и жизни. Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и другими юбилейными медалями [4].

Васильева Валентина Николаевна
Войну выиграли раненые

В 1941 году Родина позвала на защиту Отечества. Я закончила медицинское училище, и Заволжским военкоматом была призвана на защиту родины операционной медицинской сестрой.

...На войну шли целыми семьями: отец, сын, сестра, брат. И тем ярче проступала жестокая правда войны, чем моложе были фронтовики. Для меня самое страшное в войну было то, что на глазах гибли молодые, здоровые люди. Их стоны, страдания помнятся до сих пор.

Четыре года в четырех шагах от смерти медицинской сестрой я помогала раненым облегчать их муки, обретать надежду и возвращаться в строй.

Начался тяжелый труд под свист снарядов и пуль, гибель людей на глазах, тысячи километров пройдено за эти 4 года. Мы, медицинские работники, спасали жизнь раненым в тяжелейших условиях. Есть такое высказывание – войну выиграли раненые. Каждый второй после двух-трех ранений возвращался в строй. Задумайтесь на одну минуту! Легко ли было снова вернуться на поле боя, на передний край!

Шли бои на Калининском фронте. Мы, медики, ночью с передовой на любом транспорте подвозили раненых к железнодорожному полотну, потом перегружали в товарные вагоны, где были сделаны нары в 3 яруса. Всё это делали бесшумно, под шинелью был маленький фонарик, чтобы записать фамилию, имя, отчество на листке бумаги и диагноз.

В суровый 1942 год я работала на «санлетучке», перевозили раненых с передней линии фронта в сортировочные эвакогоспитали. «Санлетучка» – это товарные вагоны, в которых были 2-х ярусные нары с каждой стороны вагона, в пульмановских вагонах нары были в три яруса, а в середине вагона – печурка, которая отапливала вагон, согревала раненых. Состав загружали ранеными ночью, без света, в полной тишине.

Совсем молодые девушки носили тяжелые носилки с ранеными. От 800 до 1000 раненых перевозила наша «летучка».

Маскировались тщательно. Немцы нарушали все правила международного Красного креста. Трудно было проскочить станцию Бологое – это сортировочная станция. Фашистские самолеты ожесточенно бомбили железную дорогу. В таких тяжелых условиях мы работали день и ночь, оказывали помощь раненым – перевязывали, останавливали кровотечение, старались спасти каждого раненого, порой лишь добрым словом, так как не хватало лекарств, перевязочного материала. На фронт бесконечно шли эшелоны с оружием и танками, и на фронт ехало пополнение, а с фронта ехали раненые солдаты и офицеры. Санлетучку поставили в резерв.

После этого перебросили медицинских работников на 1-ый Белорусский фронт, госпиталь передвижной, полевой № 3292, а 1-го марта перешли наши войска в наступление, настал наш звездный час! У операционного стола стояли сутками без отдыха.

Нам запомнился день, когда мы в предместье Берлина были в пути, был ясный, солнечный день. Нам навстречу ехали машины с шумом, криком, произнося – Победа! Кончилась война! Это была самая высокая награда!

Не стыдились своих слёз, это были слёзы радости и солдатской дружбы. Плакали и целовались! Обнимали друг друга! О наградах никто не думал. Награда была для всех нас – победить врага!

...На войне мало было радости. Мы стали свидетелями разрушения городов, крушения надежд, смерти своих друзей и близких. А если и бывали радостные минуты, то и горе было рядом. Сейчас я понимаю, что не было бы Победы, если б не крепкий тыл, где от мала до велика все встали на защиту Родины. Женщины в тылу шили обмундирование, обувь; делали снаряды, бомбы; отливали танки, пушки, пулеметы – без них мы не выиграли бы эту войну.

А письма женщин на фронт? Они возвращали к жизни солдат, вселяли в умирающих любовь и надежду. Низкий поклон этим женщинам! [5]

Вирясова Мария Сергеевна **Всегда хотелось спать**

Война началась для меня при следующих обстоятельствах. Мой отец Ющечкин Сергей Иванович был военный моряк, и я окончила 9 класс специальной военной школы (Амурская военная флотилия, на военной базе в за Хабаровском). 22 июня после обеда я вышла на улицу во двор, а кругом стояли тревожные люди, так как объявили о начале войны.

У нас в классе учились все мои соседи, и мы всегда становились в цепь в случае тревоги, и передавали друг другу. После данного известия мы с классом отправились в военкомат в Хабаровск, ведь у нас была особая подготовка. Мы были вожатыми-матросами, следовательно, были обучены в какой то степени морскому делу. Когда мы приехали в военкомат, то нам отказали со следующими словами: «Девочки, кончайте 10 класс и приходите с аттестатами». После этого нас в классе осталось 10 девочек и 1 парень, а всех остальных ребят призвали, они воевали на Западе. Погибли почти все, вернулись только 2, один из них Павел Макарев – десантник.

Нас отправили сначала на уборку урожая. До октября убирали картофель, а с октября начали учиться. Всю учебную программу прошли до 4 апреля 1942 года. Мы настояли, чтобы у нас приняли экзамены досрочно. В конце апреля мы снова пришли в военкомат. Мне было трудно попасть на службу, так как я была маленького роста (147 см), а надо, чтоб было 150, к тому же у меня была близорукость (-4). Все девочки просили, чтобы меня не оставляли в тылу, а призвали на службу.

Нас собрали за Хабаровском на «Черной речке» и начали распределять по военным частям. Меня сначала определили в школу флотилии и там проходила первую учебу по военным специальностям. Так как у меня был отличный слух, то меня определили в радисты. Была сначала тяжелая учеба, ведь мы должны были за

короткий промежуток времени выучить технику, радиотехнику, азбуку Морзе, а позже принимать ее на слух. К осени нас перевели на передающие центры, на мощные передатчики, в которых было слышно всё и Москву, и Тихоокеанский флот.

Позже меня перевели на приемный пункт, который находился под землей. Там 3 года несла вахту, связывалась даже с Москвой с Главным штабом ВМФ. Всем кораблям передавали связь. Служба моя была тяжелой, так как вахта 2 сменная, то есть один день 10 часов на вахте, а на следующий день стояла на вахте 14 часов, двое на приемнике на сутки. Кораблям, стоящим на границы можно было один раз передать информацию, а ты еще должен ее во время принять и ничего не пропустить.

Моя служба была очень ответственной. Я каждую неделю ходила на базу, так как на меня и на подругу была наложена большая ответственность, а между вахтами было расстояние в 9 км. Всегда хотелось спать, вечно голодные, а все делали во имя нашей Победы. Один раз был принят сигнал с границы, а радист проспал этот сигнал. Позже стало известно, что наши солдаты спасались на катере в море, но помочь им не успели. Так продолжался год за годом. Все равно это светлый период в жизни, несмотря на страшное горе.

В апреле 1945 г. я шла с базы. Бегут ручьи под настом, наступаешь на снег и ты тут же проваливаешься по колено. У меня до пояса промокли ноги, и портянки к ногам примерзли. Когда я пришла на базу, мне оказали первую помощь, но она не помогла, у меня отказали ноги, позже меня отправили в госпиталь. День победы я встретила в госпитале, из окна наблюдала, как празднуют эту Победу... [6]

Воронова Тамара Гавриловна
Была радистом

Я участвовала в боевых действиях с августа 1943 г. по 9 мая 1945 года, была радистом. Степной фронт. Курская дуга, далее 2-ой Украинский фронт, освобождение Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, форсирование Днепра, Днестра.

Однажды на Украине я была радистом на наблюдательном пункте. Мы перебрались на новое место. Командир заставил ребят заглубить окоп в человеческий рост. А я только успела включить рацию и войти в связь с полками, как начался артобстрел. Потом налетели немецкие самолеты и наши орудия так гремели, ну чисто ад. Напарник мой тоже был в окопе. Перетащить рацию (2 упаковки) я побоялась, могла загубить, да и далековато было, стрельба была ужасная. Я решила лежать, укрыла рацию плащпалаткой, но связь держала, так как знала, что на наблюдательный пункт пришло командование дивизии.

Когда самолеты отбомбились и улетели, оказалось, что наши сбили один немецкий самолет, было много раненых и убитых. Когда ко мне подошли, я вся была засыпана землей, но рация работала. Командир дивизии всем полкам дал указание о переброске орудий, а также отругал, что плохо работали, мало сбили. Мне же сказал: «Молодец!» А через некоторое время командир взвода сообщил, что меня представили к награде орденом Красной Звезды, и послали моей маме благодарное письмо, оно у меня и сейчас хранится. Было тогда мне 18 лет. И так с боями под бомбежками и обстрелами наша дивизия дошла до Чехословакии, до 9 мая 1945 года [7].

ВСЁ ЭТО БЫЛО НА ЗЕМЛЕ

Мария Степановна Павлова: Встретила День Победы в Красноярске, там жила и работала всю войну. Когда объявили о Победе – вывесили кругом знамена, народу очень много на улицы вышло. Был ясный день, все взялись за руки и шли по улице, кто с чем: кто плачет, кто смеется – это был наш день.

Нина Ивановна Варенцова: Во время войны работала фельдшером, обслуживала трудфронт на границе Калининской и Ярославской областей – там работали студенты МИФИ, работники фармзавода... День Победы встретили со слезами – трудно об этом говорить.

Анна Павловна Лоткова: Отец погиб во время войны, мать умерла, когда мне было 5 лет, я жила у соседки. Это было в деревне Перетрусово Калининской области. Я училась в школе за 5 км от

нашей деревни и, помню, в День Победы нас отпустили с занятий. Так что у нас радость двойная была в тот день: и война закончилась, и с уроков отпустили.

Нина Васильевна Кораблёва: В 43-м году я окончила медучилище и работала фельдшером в селе Заволжье. День победы был яркий, солнечный, все радовались, ликовали, никто не работал и первый раз за эти годы объявили, что дадут отпуск.

Анна Николаевна Полякова: Во время войны работала в колхозе счетоводом, инструктором сельсовета, приходилось и в поле работать, и аэродром расчищать зимой, а летом и пахали, и косили. В День Победы, помню, у нас в разгаре был сев, и мне пришлось бегать по деревне, объявлять, что война закончилась.

Фаина Всеволодовна Шадрухина: В войну училась и затем работала в Архангельске, в штабе Беломорских ледовых операций связисткой, дежурила ночами. Время было трудное. А День Победы был такой, что словами не опишешь.

Екатерина Ивановна Ключина: Я заведовала фельдшерско-акушерским пунктом в Кесовой Горе Калининской области, когда началась война, к нам стали присылать раненых на долечивание. Было такое время – лучше, чем сейчас. Может, просто мы молодые были, энтузиазм такой был, все хотелось делать хорошо, так, чтобы наша страна победила.

Татьяна Георгиевна Шлифертова: Жили мы в деревне, дети и до войны в колхозе работали, заставляли нас полоть, учебу поздно начинали, в октябре. Когда война началась, я в техникуме училась, после 1 курса приехала на каникулы, говорят, нужно дрова пилить, в колхозе некому. И в колхозе мы, дети, все делали, от и до. Бабушка, помню, мне говорила: «О, сколько ты заработала денег, сколько у тебя трудодней». А потом ничего не заплатили – «Все для фронта, все для победы».

Тамара Николаевна Баландина: Работала медсестрой на военном заводе в Казани и училась в фельдшерско-акушерской школе. Со второго курса нас отправили в госпиталь: принимали раненых, перевязки делали, помогали на операциях, на третьем курсе – в госпиталь военнопленных под Казанью. Там задержались – была сыпно-тифозная эпидемия, и пока ее не ликвидировали, мы уехать не могли. Праздник Победы встретила в Москве.

Александра Митрофановна Панькина: Начало войны меня застало в Белоруссии, войну всю помню – да только вспоминать не хочется. А День Победы встретила в Подмоскowie, здесь я училась. Узнали еще с ночи, началось празднование, ликование. А сейчас у меня большая горечь на душе за то, что случилось с нами, даже не передать. Ради чего мы терпели все те ужасы, потеряли близких, – тяжело говорить.

Мария Павловна Грехова: Войну я встретила будучи студенткой 2-го курса нефтяного техникума в Гурьеве, в Казахстане. Когда началась война, все хотели идти на фронт, но нас предупредили: парни пойдут в военкомат, а девчата – на эксплуатацию месторождений. В мае 43-го защитились по сокращенной программе, и нас отправили на нефтепромыслы. Там были переселенцы из Эстонии, Латвии, немцы с Поволжья, чеченцы, ингуши – но настолько люди были дружны между собой, все друг другу помогали! День Победы я встретила в Гурьеве, а в 49-ом мужа перевели в Дубну, и я переехала с ним.

Вера Онуфриевна Садовничева: Работала в войну в Дальневосточном морском пароходстве, на должности 4-го помощника капитана на пароходе (это счетный работник). День Победы мы встретили в Америке, в Портленде. Мы тогда собирались уже вернуться во Владивосток, уже трап начали убирать, вдруг к берегу подъехала машина, наши начальники засуетились: что такое? Оказывается – Победа! Мы и заплакали, и запрыгали..., потом разгрузили машину: коробки, фрукты и устроили празднество.

Анастасия Петровна Каманина: Когда началась война, я заканчивала сельхозинститут, нас досрочно выпустили. Муж мой был к тому времени на Дальнем Востоке (думали, война там начнется, на Востоке, а она началась на Западе). Два военных года мы прожили во Владивостоке, потом мужа перевели на Камчатку – Победу встретили там. Пережили многое, во многом нуждались, ходили голодные, жилье было плохое, но энтузиазма не теряли, верили в Победу. А когда объявили конец войны, радости не было предела: все корабли стреляли из пушек, все вышли на улицы, ликовали, пели, смеялись [8].

Ермолаева Любовь Петровна
**Нелёгкая задача –
вытаскивать с поля боя раненых бойцов**

В Польше закончила медицинский техникум. В 1940 году отправили работать, в качестве медика, но заболела и перенесла сложную операцию. Началась война. Многие жители спасались бегством: переплывали реку и находили пристанище на незахваченном немцами берегу. Никому не хотелось верить, что война действительно началась. Но она началась. Так как была после операции, то меня эвакуировали в глубь Украины вместе с тяжело больными.

Когда немцы начали наступление, то моего отца призвали в армию. Я тоже пошла в военкомат вместе с ним. Но меня не приняли, так как рана после операции еще не зажила, а больных в армию не берут. После этого начала свое собственное лечение. На берегу Азовского моря, в соленой воде промывала свои раны, после чего они начали заживать. Через несколько дней повторно пришла в военкомат. Вместе с отцом отправили служить.

Много пришлось отступать. Отца отозвали обратно в город. Он работал директором на рыбокомбинате. По причине того, что на заводе надо было решить какие-то неотложные дела, отозвали. Я осталась в армии. Затем нашу часть переформировали. Дошли до Одессы. Там перешла работать в Одесский военный госпиталь. По пути бомбили.

Дело медработников было: вытаскивать с поля боя раненых бойцов и отправлять их в госпиталь. Не легкой задачей это оказалось. За всю войну я вытащила на себе около 80 человек. И так же необходимо было, как женщине, вести себя в рамках приличия, иначе последствия могли быть разными.

Когда советские войска начали наступать, всем уже стало ясно, что победа за нами. Всех переполняли непередаваемые ощущения, испытывали чувства радости, но в тоже время и горе, ведь знали, что никто из родных уже не остался в живых, даже жилья не было. По окончании войны, вернувшись домой, я узнала, что моей семьи не осталось в живых. Отца немцы расстреляли, мать умерла, старшего брата увезли в Германию, а младший погиб в аварии.

Дойдя до Будапешта, мы узнали об окончании войны. После все начали разъезжаться по своим военкоматам. Жизнь после войны складывалась не лучшим образом [9].

Гакаме Людмила Ивановна
Нас, девушек, спасали ребята, рискуя своей жизнью

В первый год войны работала в госпитале г. Фурманова Ивановской области. 22 июля 1942 года нас, комсомольцев, вызвали в горвоенкомат для того, чтобы кто-то из нас поехал в блокадный Ленинград, на Краснознаменный Балтийский флот. Мы втроем согласились. Сбор был в Москве. Собрался целый железнодорожный состав молодежи.

И вот первый страх наш был, когда немцы стали бомбить наш состав. Самолет летел низко над нашим поездом, но ни одна бомба не попала в цель, т.к. поезд то ехал, то останавливался. Самолет улетел, а нам приказ: «Немедленно всем в лес». Самолет вернулся опять, покругил, покругил и улетел, а мы погрузились в состав и поехали дальше до Ладожского озера. Нас пересадили в катера. На озере был узкий проход, по которому можно было пройти катеру. Это было днем, мы попали под артобстрел. Два катера с людьми пошли ко дну, все, кто находился там, погибли.

После переправы посадили на поезд и мы поехали в Ленинград. Нас разместили на Рузовской улице, в Рузовских казармах. Сначала всех хотели отправить в Кронштадт, обмундировали в армейскую одежду, но потом половину оставили в Ленинграде. Первые месяцы нас обучали строевой подготовке, владению оружием, распределяли по разным работам. Почти каждый день были артобстрелы, каждую ночь бомбежки.

От непривычки было страшно. Однажды при артобстреле днем в наши казармы попал снаряд, который пролетел в 10 см над моей головой и врезался в стену. Вот где я больше всего пережила. К нам в часть присылали моряков с Дальнего Востока, которых мы переобмундировали в армейскую форму и сопровождали их на передовую со всеми документами. Шли пешком под пулями и

снарядами, если была возможность, мы где-нибудь прятались, но чаще нас, девушек, спасали ребята, рискуя своей жизнью, оставаясь под пулями и снарядами.

Нашим командиром части был капитан Фельдман Ушер Давыдович, начальником строевой части был капитан Козлов (имя не помню). Это были очень хорошие люди. Однажды я в чем-то провинилась, и капитан Козлов хотел меня наказать, но потом крикнул: «Я из огурчиков помидорчики сделаю» – и ушел.

Эта война была тяжелой и для военных и для мирного населения. Нам, четверым девушкам, было присвоено звание «старший краснофлотец» за хорошую службу. И как бы не было тяжело на войне, мы все равно победили [10].

Галактионова Клавдия Фёдоровна

Мы в атаку не ходили, но видели, ощущали смерть

...Когда началась война, я училась в Педтехникуме на 1-м курсе в г. Кропоткине Краснодарского края. В первые дни войны на фронт ушли трое моих братьев. Вскорости была получена нами похоронная от среднего брата. Враг приближался к Кубани. Время тревожное, напряженное. Все чаще стали налеты фашистских бомбардировщиков на города Кубани: Краснодар, Ростов, Тихорецк, Кропоткин, Армавир и т.д.

Все больше и больше было слышно о беспощадном злодеянии немецко-фашистской орды над нашим народом. Фашисты не щадили никого и ничего. Угоняли в Германию в концлагеря, где жгли живыми, убивали, вешали, не щадили детей и стариков. Во время очередного налета фашистских бомбардировщиков на гор. Тихорецк было сброшено стервятниками много разрушительных бомб на вокзал, на жилые дома. Я в это время ехала вместе с комсомольцами по призыву на уборку урожая и находилась на вокзале. Картину после такой страшной бомбежки трудно передать. Все смешалось: камни и тела людей...

На всю жизнь запомнился этот первый для меня страшный час войны, хотя впоследствии несколько раз приходилось бывать в таких переплетках. Впервые я тогда увидела убитых

осколками бомб детей и стариков. Выбираясь из руин, чудом уцелевшие, оставшиеся в живых, мы быстро бросились на помощь тем, кого можно было еще спасти, у кого еще хоть чуточку теплилась жизнь, билось сердечко. Мы видели перед собой разорванные тела с выпущенными внутренностями, то тут, то там лежали оторванные руки, ноги, части тела. Вокруг сплошная людская кровь... До сих пор чувствую эту первую липкую людскую кровь на своих руках. С этой минуты я возненавидела врага каждой частицей своего организма. Хотелось немедленно очутиться на передовой линии фронта и отомстить за пролитую кровь этих неповинных людей.

По молодости казалось, что без нас не будет победы. Очень много девушек добровольно пошли в военкомат. Шел 1941 год. Я ушла добровольно на фронт, хотя это с трудом удалось, т.к. и годами не подошла к призыву, и ростом была невелика, солидности никакой, худая... Сначала попала в рабочий батальон. Строили, копали противотанковые рвы, натягивали заграждения из колючей проволоки, устанавливали ежи и т.д. Это было под Крымской, Усть-Лабинской, Ладожской, Кропоткинским, станция Кавказская, затем Туапсе.

Наши девушки-солдаты не пасовали перед непосильной трудностью. С обветренными лицами, потрескавшимися губами, насквозь промокшие, с кровоточащими ссадинами на руках и ногах, мы, несмотря на это, старались как можно и сверх возможного быстрее строить эти ловушки-преграды для фашистов. Пусть знает фашизм, что мы его не хлебом-солью встречаем, а заранее вырытыми для него могилами – вот такой у нас был девиз.

В 1942 г. по призыву, прибавив себе годы, я пришла в военкомат вместе с другими подружками, которые были постарше меня. Прошли комиссию в военкомате, где военком, выявив мое лукавство, сделал мне замечание: «Ври, да в меру». Я ответила: «Что разве лучше быть угнанной немцами в Германию, в концлагерь?». Меня определили на фронт в связь. Вначале я возмутилась, по молодости думалось, что меня сразу определяют в снайпера. Тем более, я имела значок школьный «Ворошиловский стрелок», за просто попадала в мишень в восьмерку и девятку. И вдруг связь... Подружка меня ущипнула, прошептала: «Молчи! На фронте служ-

бу не выбирают!» Я не представляла роль фронтového почтальона. Нам объяснили, провели курсы два месяца, подготовили – и на фронт. Конечно, нам не приходилось в атаку ходить, но мы обслуживали и тех, кто шел в атаку. Весточка, доставленная с родных мест, для фронтовика – это вдохновляющий стимул, как глоток воды.

Итак, я попала в 56 армию, которая в то время наряду с другими армиями держала на Северном Кавказе при временном отступлении рубеж. После освобождения Северного Кавказа подошли к Крымской земле до Керченского пролива, и нас перевели в Отдельную Приморскую Армию, которая участвовала в освобождении Крыма от фашистского полчища.

Крым! Впереди Керченский пролив, и до Керчи надо было переправиться через Керченский пролив под огнем фашистских снарядов, ослепляющих прожекторов. Фашисты занимали выгодную позицию, и надо было все это преодолеть, сразить, жертвуя жизнью солдат. Война не бывает без жертв. Трудно было преодолеть нашим воинам переправу через пролив, и обойти было невозможно. Пролив с Керчи был виден как на ладошке.

Службу несла связисткой в военно-почтовом сортировочном пункте 19 (в\ч 61279), где прослужила до конца войны. Командиром воинской части был Глиняной С.Г., комиссаром – Гусев Я.Г., комсоргом – Година А.Я. Вкратце опишу задачу почтовой связи на фронте. Да, конечно, девушкам-связистам не приходилось в атаку ходить, но они обслуживали тех, кто шел в атаку. Весточка, доставленная с родных мест для фронтовика – это вдохновляющий стимул, мы все это понимали и выполняли свой солдатский долг, вкладывая все свои силы. Девушек в нашей части было около 300 человек. Обеспечивали мы почтовой связью все армии, входящие в Северокавказский фронт, Крым: 56 армия, 18 армия, отдельная Приморская, 4-я воздушная, 51 армия, стрелковые и танковые дивизии.

Служба была круглосуточная, требующая большого терпения, сплоченности, дисциплины строгой в исполнении, выносливости. Удобств для работы не было, все создавалось наскоро, попоходному, в полевых условиях. Надо было внимательно следить за дислокацией войск и безошибочно доставлять эту почту и газе-

ты (духовная пища) в срок, так как войска перемещались постоянно. Сведения о перемещениях совершенно секретно сообщались в специальный пункт, где работал (несли службу) большой особый отдел, военная цензура и т.д. Письма проверяли, сортировали, упаковывали в бумажные непромокаемые мешки, баулы, а затем доставляли в штабы, батальоны и т.д.

А при каких условиях приходилось доставлять эту корреспонденцию... По месту расположения частей уже почтальоны доставляли солдатам пешком, ползком, под свистящими пулями. Пули не щадили никого, даже почтальонов с письмами и медсестер, спасающих раненых на поле боя. В непогоду руки немели от холода и ноги подгибались от тяжести. Но слово «Надо»! Надо доставить, солдаты ждут! В армии на фронте дисциплина была железная, все надо исполнять в срок, точно и беспрекословно. Нас, связисток, было очень много. Каждая девушка-связистка знала свою задачу – доставить в срок весточку, тепло матерей, любимых, тепло родных мест солдату...

Как прекрасен юг в мирное время даже своим знойным летом, но как было тяжело во время войны на этом юге, особенно осенью и зимой...

Кто воевал на Северокавказском фронте, тот знает, какие были разбитые дороги, знойное лето, осенью – частые дожди и сильные холодные ветры, зимой дождь со снегом, а вместе с дождем сверху сыпались фашистские бомбы и свистели пули... Машины часто застревали, а вместе с ними и мы купались в этом месиве черноземной грязи, вытаскивая машину, или несли на своих плечах непосильный груз (мешки, баулы с почтой, газетами), погружаясь в это месиво. Сделаешь один шаг и думаешь, как сделать другой, но для этого надо было вытащить ногу. Руки и ноги коченели и немели от холода и тяжести.

В любую погоду, при любых обстоятельствах: поездом, машиной, пешком или ползком, лишь бы вовремя успеть к месту назначения – такова была наша повседневная задача.

Эту задачу выполняли мы – все девушки-связистки обменных пунктов, которые находились вдали от ядра нашей части, т.е. ближе к передовым линиям фронта. Эти пункты еще назывались перевалочными пунктами полевой почты. На этих пунктах всю войну

прослужила я с Аней Захаровой, Аней Климовой, Раей Рубахиной, Таней Васильевой и с нами были шофера: Походеев П., Худяков Н., Абрамов И. и другие.

Я считала и чувствовала всегда себя маленьким винтиком в огромном механизме. Это сравнение мною сделано потому, что летом 1941 г. по призыву комсомола, мне пришлось работать на комбайне в Выселковском районе Краснодарского края, и я уже знала, что такое маленький винтик для большой машины. Ясно понимала, что должна выполнять свой долг, чтобы это мне не стоило для тех, кто сейчас, сию минуту находился в схватке с врагом или готовился к ней. Твердо убеждена, что каждая девушка точно также понимала свой долг.

В полевых условиях невзирая на физическую и моральную усталость за годы войны, наши девушки были смелыми, волевыми, дружными, никогда не унывали, хотя, нечего греха таить, тосковали по дому, вспоминали школу, друзей, мирные поля, спокойный русский лес, музыку и т.д. От таких воспоминаний мы еще больше и лучше старались все свои силы отдать, а если надо, то и жизнь, чтобы быстрее прогнать врага, очистить нашу землю от черного полчища, чтобы быстрее осуществлялась наша мечта о мирной жизни. В нежное девичье сердце вместо страха вселялись: сила гнева, жажда мести к вероломному врагу, за павших в боях отцов, братьев, сестер, друзей и подруг, за нечеловеческие пытки, издевательства над мирным населением, находившимся на временно оккупированных территориях нашей Родины.

Мы все быстро повзрослели в эти тяжелые дни войны и ко всему относились серьезно.

Даже этим маленьким письмом хотелось донести бойцу на передовую линию фронта тепло матерей, любимых, тепло родных мест. Письма... Если на миг только представить, что человек лишен письменного общения с родными, близкими. Это тяжело! И как освещалась суровая жизнь солдата на фронте при чтении письма.

*Кто был на фронте, на переднем крае,
Там оправдает и поймет бойца,
Который смерть и пули презирая,
Готов плясать при виде письмаца*

*Морозом и жарой опаленный
Четыре года шел войной боец,
А следом фронтовые почтальоны
Несли приветы от родных сердец.*

Вот высказывания фронтовика: «Письма приходилось писать то чернилами, то карандашом и слова налезали друг на дружку, т.к. блиндаж или окоп ходит ходуном, гудит от взрыва земля, сыплется за ворот, на торопливое в полстранички письмо... Или: – «Письмо получишь в разгаре боя, прямо на передовой, на душе становится тепло, быстрее хочется прогнать эту нечисть, вернуться домой»...

Здесь каждое слово – свидетельство великой любви и мужества. Все письма с фронта были пронизаны большой мечтой о мирной работе, на мирной земле. Для фронтовиков она была ослепительным будущим, которое светило им вопреки всему аду войны. Для фронтовиков это будущее – сегодняшний день. Ради него умирали солдаты.

При доставке корреспонденции на фронт приходилось испытывать все невзгоды и страхи войны. Ежедневно были в длительных рейсах, не успевали высыхать, отогреваться, спать, зачастую впроголодь, развозили и разносили почту в определенные указанные точки, и надо было укладываться в назначенные сроки времени.

Бывало, только погрузишь почту в вагон, а тут вдруг налет фашистских стервятников. Особенно это было в Туапсе, в Краснодаре, в ст. Крымской. Наши девушки в этот период были награждены медалями «За боевые заслуги».

Да! Это так просто сказать: «Погрузить почту в вагон»... Фронтная полоса, а почту срочно надо доставлять. Железная дорога все время подвергалась бомбардировке, ее непрерывно ремонтировали инженерные войска. Вокзалы забиты составами, доставляющими танки на передовую линию фронта, почту было очень трудно даже к вагону доставить, плюс ко всему обстрел и бомбы зачастую летели сверху.

Однажды был такой случай (хотя подобных было много) особенно страшный для меня, который при воспоминании и сейчас в дрожь бросает. А это было так. Чтобы добраться до почтового

вагона, надо было перейти с грузом через 2 состава платформ, везущих танки на фронт. Составы длинные, их не обойдешь быстро, и мы подлазили под вагоны с грузом, чтобы быстрее и вовремя успеть. Оставался еще небольшой мешочек с письмами, а время погрузки было на исходе. Я решила рискнуть еще раз – пролезть под вагоном состава, чтобы успеть к своему времени, чтобы не оставить сегодня сотню солдат на самой линии фронта без долгожданной весточки, тем более эти письма шли на передовую линию бойцам, которые героически сражались под Крымской, Киевской, Молдаванской, Неберджаевской и на «голубой линии» (это сильно вооруженные узлы обороны), где проходили жесточайшие бои с фашистом, где земля кипела от взрыва снарядов. Был уже дан сигнал отправки этого состава, но я не слыхала толком, какой из составов должен отправляться. Только залезла под вагон, и состав тронулся. Я и осталась под вагоном с мешочком почты. Кто-то крикнул: «Прижмись к земле!» Затолкнула голову в мешочек с письмами, прижалась вся к земле, словно вошла в нее, а вокруг все гремит, земля гудит, дрожит и так страшно, невольно вспомнила маму. Прошел эшелон, а я все никак не могу подняться, ноги словно отказали, но вспомнила, что надо быстрее отнести почту, и так задержалась наверно долго (вечность показалось) вскочила, голова кружилась видно от пережитого. Девчата подхватили мешок с письмами и побежали к почтовому вагону. Успели. А мне помогли дойти до вагона.

У вагона не знали о случившемся и ждали, в спешке не разобравшись, немного поругали даже, а я не в силах была говорить и объяснить о пережитом страхе, да и побоялась, что накажут. Это было ночью, шел мелкий дождик, я подставила лицо дождю, и это как-то приводило в чувство. Болеть после такого нервного напряжения некогда было, и все это постепенно прошло в суете военной. Опять рейсы, рейсы, рейсы... и день и ночь, и день и ночь... И так до конца войны.

Еще случай был особенно памятный для меня потом, что это случилось не на земле, а на воде (я плавать не умела) и это именно впервые на воде, а потом были случаи такие еще и еще...

После освобождения Северного Кавказа, нашу часть перевели в отдельную Приморскую Армию. После освобождения Тамани,

наши пункты находились в Крымской, в ст. Варениковской, в Темрюке, на косе Чушка. Это пункты, где мне пришлось служить в 1943 г. Затем наша Отдельная Приморская армия (после освобождения Кавказа) активно участвовала в освобождении городов-героев Новороссийска, Керчи, Севастополя, и нам также пришлось доставлять в Крым почту, газеты и т.д. через Керченский пролив. Это было с ноября 1943 г. по июнь 1944 г. (до полного освобождения Крыма).

В нашей службе немало было страшных эпизодов, все не описать. Напишу один из эпизодов, тем более это было не на суше, а на море, где никуда не скроешься от обстрела, тем более я плавать не умела.

Наш обменный пункт находился в Темрюке, на косе Чушка. Наша задача – переправить почту в Крым, в частности в Керчь через пролив, где шли жесточайшие бои. Это было осенью 1943 года по июль 1944 года, до полного освобождения Крыма. Очень тяжело и сложно было переправиться через пролив в Керчь. Переправу обстреливали фашисты со стороны Керчи постоянно. В проливе во время боя кроме осеннего постоянного шторма от взрывов бомб и снарядов вода словно кипела. В воде много трупов людских и лошадей, даже вода краснела от крови после боя. Чтобы переправиться, необходимо было ставить дымовые завесы. Значит так. Нашей машине «Полевая почта» всегда давали зеленую дорогу, и, несмотря на это, мы с трудом добрались до Темрюка на косу Чушка, где была переправа на Керчь. В Керчинском проливе враг оставил много очень мин, так же как и на суше. Отступая, фашисты оставляли грозившую смерть еще на долгие годы и в воде, и на суше. Каждый стебелек, кустик – все было заминировали. На Сенной и косе Чушка было очень тесно от сосредоточения войск на переправе и было трудно добираться до нее. Погрузили мы с Аней Захаровой почту на понтон. Паром плыл вначале спокойно, только штормило очень, холодно, сыро, страшно. Доплыли почти до середины пролива (был шторм), как вдруг впереди раздался взрыв (мина взорвалась). Наш понтон обдало сильной холодной волной и чуть волна не слизнула всех в эту соленую бездну воды.

На понтоне были лошади, машины, солдаты. Все перемешалось, холодно, сыро, страшно... Я стояла почти рядом с лошадей,

дрожала от холода и страха. Во время взрыва лошадь встала на дыбы, глаза широко раскрыла, чуть из орбиты глаза не вылезли, и раздалось громкое грудное ржание... Не скрою, это было очень страшно, когда смерть рядом, да еще в воде, и испуганная лошадь перед глазами... Лошади громко ржали, дрожа, жались друг к другу и умоляющими глазами смотрели на людей... Страшно, нечего скрывать. Потом это было неоднократно. Так мы доставляли почту в Керчь (в Крым) нашим героически сражавшимся бойцам. До сих пор перед глазами эта страшная картина. После этого случая у меня появились седые волосы...

А после взятия Севастополя мы вошли в город, где кипело все: вода, плавилось железо, земля горела. Пахло трупами, гарью, стояла дымка в городе. Всё разрушалось в городе, питьевая вода отравлена. Вот такой ценой досталось освобождение крымских городов. Трудно было остаться в живых, да и никто не думал об этом. Нервы были до предела напряжены, даже уже не различали день или ночь, т.к. туман и дым. Все смешалось. Бушевал огненный смерч. После освобождения Севастополя помылись, привели себя в допустимую для того времени норму и вновь дальше на Запад до Дня Победы.

Да разве мало было за период войны тяжелых эпизодов у каждой из нас. Благородное дело – быть почтальоном, это безобидная и такая мирная должность. Но война есть война, и это не спасало нас от минных взрывов, артобстрелов, бомбовых разрывов. Служба была круглосуточная, требующая большой воли, терпения, выносливости, сплоченности. Ночью и днем письма проходили через определенные сортировочные операции. Удобства для работы не было, все создавалось наскоро, по-походному. Девушки наши день и ночь занимались обработкой корреспонденции, цензурой, сортировкой. Надо было строго следить за дислокацией войск и безошибочно направлять почту по назначению. День и ночь письма привозили и отвозили, приносили и относили и так до конца войны.

В июне 1944 г. после освобождения Крыма, Керчи, Севастополя, Новороссийска, где мы также обслуживали войска, наша часть была отправлена в резерв в г. Киев на дислокацию. Но мы и в Киеве сложа руки не сидели, принимали активное участие в шефстве над госпиталями – были почти все девушки наши донорами. Особенно много крови сдала сержант Маша Блажко.

Затем в сентябре 1944 г. нас перевели в г. Львов. Обменные пункты были вдали от основной части. Мы сопровождали почту из г. Львова через Стрий, Дрогобыч, Самбор, Перемышль, через Карпаты в Мишкольцы, в Меджилобарцы, в Словакию. При перевозке почты по этим маршрутам приходилось быть все время на чеку, в напряженной обстановке, т.к. были очень частые случаи нападения бендеровцев и других недобитых прихвостней фашистов, скрывающихся в лесах Закарпатья. Ведь почтовые машины перевозили письма, по которым можно определять передвижения воинских частей.

Вот в кратце боевой путь связистки военного времени – Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., участвовавшей в освобождении Кавказа и Крыма, рядовой Чуприной – ныне Галактионовой Клавдии Федоровны. Последнее время войны служила младшим приемщиком (на должности младшего сержанта). Во время войны на фронт были призваны четыре моих брата и я. Трое братьев погибли, четвертый вернулся инвалидом, и я вернулась с надорванным здоровьем.

Я описала нелегкую службу фронтовых почтальонов, которую несли девушки нашей Родины. Повторяю – мы в атаку не ходили, но видели, ощущали смерть, она шла рядом и не щадила нас, девчат.

Мы четко знали свою задачу – доставлять письма на фронт, которые делали солдат и генералов чуть-чуть сильнее и чуть-чуть счастливее, хотя бы немного при чтении теплых писем.

*А почестей мы не просили,
Не падали награды за дела!
Нам общая слава России
Солдатской наградой была! [11]*

***Галкина Елена Петровна
Мы выбивались из сил***

До войны жила в деревне Васино, Талдомского района. Я работала проводником, приехала на работу, и первым известием для меня стало то, что германские войска напали на СССР. Сначала мы

этому не поверили, но затем пришлось смириться. После этого мы прибыли в военкомат по месту жительства. Оттуда нас призвали в Вооруженные силы СССР (сразу как освободилось Бородино) и направили на ремонт разбитых после бомбежки железных дорог. Мы были в Вязьме, Смоленске, проезжали Польшу.

Этот день я никогда не забуду. Как мы укрывались от разрывов снарядов, как помогали вытаскивать раненых из-под обломков и доставлять их в безопасное убежище. После этой бомбежки нескольких наших подруг не стало в живых. Наша бригада шла следом за передовой довольно долго и мучительно.

Мы восстанавливали железные дороги, работа была трудная; и в дождь, и в грязь мы вынуждены были работать. Работали по 13-14 часов в день, не было достаточного отдыха. Мы выбивались из сил от постоянного тяжелого физического труда, недосыпа и недоедания. Мы, как солдаты, принимали присягу. Начальником бригады был Новиков, дважды Герой Советского Союза, неоднократно раненый, а остальные были молодые девушки. Мне тогда было 17 с половиной лет.

После очередной бомбежки, за 60 км от Берлина, меня тяжело ранило в ногу и я была госпитализирована.

Очень хотела дойти до победного и радостного дня окончания войны с захватчиками вместе с фронтовыми подругами. Но этому помешало ранение [12].

Гордиенко Зинаида Васильевна **Самое тяжёлое – ночи без сна**

Я училась на первом курсе Ивановского химико-технологического института. Летом 1941 года приехала домой. Услышав сообщение о нападении фашистов на нашу страну, конечно, уже не вернулась обратно. Сначала работала немного в начальной школе. Потом через райком комсомола получила повестку в военкомат. Поскольку там знали о моих способностях (я метко стреляла и имела 2-й взрослый разряд по стрельбе), меня сразу же отправили в Москву.

Месяц учебы: строевая, боевая, политическая подготовка... Направили в истребительный батальон под Серпухов. Все во-

оружие, которое нам выдали тогда,— гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Я плохо метала и все об этом знали. Представляете: через голову летят снаряды, мы лежим на животе, подползаем к объекту в любую погоду, не выбирая местности... Гранату так и не научилась метать, и меня отправили в зенитные войска, в артиллерию.

Сначала определили в разведку: бинокль и корабли – мои бесценные друзья. Задача заключалась в том, чтобы наблюдать за небом. При обнаружении самолетов врага – оповещать зенитчиков. Да еще и определить по звуку марку, направление, примерную высоту полета. Вскоре меня перевели на прибор, да так и прослужила всю войну от рядового до сержанта, командира отделения.

Наш прибор определял параметры полетов вражеской авиации при налетах. Мы выполняли 12 операций, наводили артиллеристов «в яблочко». В отделении было 12 девчат. Каждая знала свою задачу, а я как командир – все 12, в любую минуту могла заменить каждую из своих подчиненных.

...Длинные острые иглы зенитных орудий искали врага в небе. Они били бронебойными снарядами... Самолеты пикировали один за другим. Дымные высокие столбы разрывов закрывали собой все расположенные батареи. Но когда дым расходился и дождь взлетающих к небу камней опускался на землю, из пламени и пыли вновь брали под прицел фашистские самолеты... Так было днем и ночью. Так было в небе под Москвой. Заградительный огонь вели с помощью приборов прицеливания.

Ровно в одно и то же время самолеты пролетали над нами. Я велела всем спать до 23:00, знала: самолеты появятся как по будильнику, в это время, а после трех ночи будут возвращаться обратно. И нужно было быть бдительными. Самое тяжелое – ночи без сна. По 2-3 недели постоянных ночных дежурств. Но я никогда не позволяла себе расслабиться. Час-другой спала днем, а ночью... Не проспать, не пропустить, вовремя засечь и прицелиться. Правда, «рамы» летали и днем, а поскольку они засекались лишь приборами – и днем нельзя было снизить бдительность.

...Здесь, под Москвой, своей стойкой обороной защитники столицы подорвали техническую мощь врага, нанесли мощный удар по его армии. Здесь, на подступах к Москве, отличились артилле-

ристы. Днем и ночью содрогались земля и небо от воя и грохота моторов немецкой авиации, воздух гудел, как натянутая струна.

Мы жили в землянках и очень любили печь картошку. В столовой хоть и кормили, но перловка, которую мы называли «шрапнелью», нам надоела. Наберем в столовой картошку и печем в печурках. Комбат был, естественно, недоволен, отчитывал нас. Тогда мы пристроились по-другому. Снаружи землянки выходила труба – «грач». Мы нанизали картошку и свесили внутрь «грача». Комбат пришел: «Что такое? Снова картошка?» – искал-искал, но так ни разу не нашел. А мы ели, посмеивались. Я до сих пор помню этот вкус и очень люблю печеный картофель [13].

Гудкова Мария Петровна **Опознавала вражеские самолёты**

Родилась в городе Калинин. Война застала меня в Москве, как начались бомбежки – Москву эвакуировали, я уехала в деревню Рязанской области, там трудовой фронт: рыть противотанковые рвы в своем районе: 7 км. Туда и обратно пешком, летом разувшись. Дорогой пели песни и частушки. Потом под Тулу, тоже противотанковые рвы за 120 км от дома.

2 января 1942 года ночью принесли повестку в армию. Когда призвали на фронт, испытала чувство долга перед Родиной. Врачи быстро нас проверили и в путь-дорогу, ехали в объезд, т.к. пропускали эшелоны на фронт.

Вблизи ст. Клин враг нас встретил ураганным огнем, бомбежкой. Пришлось укрываться от бомбёжки в лесу. Под обстрелом врага погибали люди, с которыми, казалось, только что ты вместе направлялся на фронт.

Я была во многих городах в зенитной части 380, разведчица. Боролась с врагом, защищая Родину неподалёку от Рязанской области. Затем отправили исполнять свой боевой долг на п-ов Крым, затем освобождали Вильнюс... Мы двигались вслед за фронтом, охраняли железнодорожные мосты.

С биноклем и винтовкой стояла на посту, опознавала вражеские самолёты. Наша батарея опознавала, самолеты врага и объ-

являла тревогу. Были бомбежки, но я осталась жива, вернулась домой с победой, как и все 26.07.45г.

Весть о победе сообщили на фронте. Веселились, что война окончена, страх прекратился. Нелегко далась нам эта победа... некоторых ранило и убило [14].

Гусева Раиса Николаевна **Сутками стояли у операционных столов**

В январе 1942 года я добровольно вступила в ряды защитников Родины, будучи студенткой 2-го курса медицинского училища. Направили меня в эвакогоспиталь, который занимался эвакуацией раненых по железной дороге в тыл страны для дальнейшего лечения. Госпиталь был расположен на железнодорожной станции, погрузка производилась в товарные вагоны. На крышах вагонов были нарисованы крупные красные кресты – это означало, что здесь раненые, и мировой конвенцией запрещено и бомбить, и стрелять, но немцы этим пренебрегали.

Самолеты летали регулярно, мы спешили, чтобы успеть погрузить до следующего появления. И вот однажды станция оказалась в самом пекле. Бомбардировщики появились внезапно, сбрасывая фугасные бомбы. В один из вагонов, где находилось уже два тяжело раненых человека, попала бомба – вагон загорелся, как свечка. Подступиться было невозможно, пламя охватило весь вагон. Из вагона доносились крики о помощи, а мы, забыв обо всем, стояли и горько плакали от беспомощности. Это было первое крещение, где закалялся дух пришедших на жестокую войну.

Прошло время, и я научилась более квалифицированно оказывать медицинскую помощь. Меня перевели в полевой хирургический госпиталь в составе первой гвардейской танковой армии. Одна из воинских частей оказалась в окружении, кончились снаряды и патроны. К этому месту была направлена колонна автомашин с боеприпасами, а я должна была забрать раненых. Прорваться к ним можно было только через р. Днестр. Наводили понтонные переправы, но их бомбили, и нам само-

летом сбросили новый маршрут. На вторые сутки, не спавши, мы снова двинулись к Днестру. Начальник колонны предупредил меня, чтобы я не уснула, иначе водитель тоже уснет. Ехали утром, взошло солнце, пригрело – веки сами сомкнулись. Наша машина медленно наклонялась набок – водитель тоже не выдержал. По полю разлетелись ящики со снарядами, тут же были и детонаторы от гранат – взрыв был неминуем. Разнеслась команда всем рассредоточиться. Начальник колонны и несколько солдат подбежали к нам, мы не могли выйти: дверцы покорежило. Нас освободили, и взрыва мы ждали уже в кювете. Но и на войне бывают исключения, хотя страшно было всем.

Нашу армию перебросили к Курску, но в бои не вводили. Мы не знали к чему готовимся, но тщательно проверялась техника, готовились и мы – медики. И вот настал день, все пришло в движение. После артподготовки в дело пошли танки – началось сражение, которому не было равных. Пошли раненые, их везли на машинах или они шли своим ходом. Сутками стояли у операционных столов: оперировали, удаляли осколки и отправляли дальше. Меня отпустили немного передохнуть, и я пошла взглянуть в ту сторону, где шла битва. Стоял страшный гул от взрывов и скрежет металла: танк шел на танк. А в небе было черно от самолетов: сбитые падали вниз на землю, оставляя за собой черный дым, стоял сплошной гул. Но немцы отступили, не выдержав такого натиска [15].

Дедюхина Софья Александровна **Крашенные ногти**

Война! Сколько о ней сказано и не сказано еще! Что говорить, девчонки – и война! Страшно – это не то слово... Было все: изнурительные походы, холода, ранения, потери друзей, их безымянные могилы сняты и сейчас по ночам, и всегда хотелось поесть – это тоже страшно.

...Служила я тогда в 14-ом фронтовом батальоне связи. Нас было несколько отделений и обслуживали мы штаб фронта. И вот однажды был такой казус: у одной из девчат в рюкзаке был фла-

кончик лака для ногтей. Мы все давай ногти красить – рады. На вечерней поверке старшина заметил крашенные ногти и... команда: «Два шага вперед у кого крашенные ногти». И отправил нас после отбоя на всю ночь на кухню чистить картошку! «Есть чистить картошку!» Жалко было наших красивых ногтей. Взяли свои аптечки и забинтовали все пальцы, так вот и чистили картошку. А утром нам заступать на смену.

И надо же было быть такому, приходит на переговоры с Москвой командующий Жигарев! Мы все стоим по стойке «смирно», а колени дрожат – вот увидит маникюр. Он такой властный, а глаза добрые, улыбается. Сел у аппарата, пока наладили связь, осмотрелся, явно заметил наши руки и сказал: «Как приятно посмотреть на опрятные руки». Ну а мы прямо в один голос: «Знали бы вы, чего нам стоили эти ногти» и рассказали, как чистили картошку. Он пошутил с нами. А на другой день вышел приказ по фронту, чтобы девушки имели облик девушек, а не солдафонов, разрешили делать перманент.

Это была наша маленькая победа. Воевали мы долго с 28-й отдельной корректировочной авиаэскадрильей. Для меня война закончилась на подступах к Харбину с днем победы 2 сентября 1945 года [16].

Елисева Нина Афанасьевна **Страшные ночи бомбардировок**

Войну встретила в Ленинграде студенткой института. На редкость сентябрь 1941 года оказался теплым. Но мы не замечали дней золотой осени, в душе все клекотало и возматывала ненависть к врагу.

Не забыть особенно тяжелых испытаний, которые выпали на долю раненых в госпитале. От бомбежки обрушились перекрытия верхних этажей, и они оказались под их тяжестью. Мы всеми усилиями вытаскивали из огня и из-под завалов раненых. В воздухе стоял душераздирающий стон и крик. И здесь проявлялись нужные качества: высокая мужественность и непреклонная стойкость.

Очень опасными, на первых порах, были бомбы замедленного действия, так как не знали, как их обезвредить. Начиная с 4-го

сентября 1941 года враг сбрасывал с воздуха на город сотни зажигательных и фугасных бомб большой взрывной силы.

Тяжело вспоминать страшные ночи бомбардировок, ужас разрушения жилых домов, гибель близких и родных людей. Часами приходилось выстаивать на крышах домов на случай зажигательных бомб. С тысячами людей выезжала на сооружение оборонительных укреплений. В любую погоду приходилось рыть противотанковые рвы, делать лесные завалы, доты, дзоты. Об усталости не было и речи [17].

Жаркова Ирина Сергеевна

Выполняли свою задачу, не думая о подвиге и славе

Сначала работала военпредом на складах. Принимали снаряды, мины и грузили их в составы – отправляли на фронт. Мне было неполных шестнадцать лет, поэтому, как я ни просила, на передовую не вяли. Затем направили в Москву. Там при Объединенном флотском экипаже я училась на телеграфиста. Закончив учебу, приняла присягу, и в марте 1943 года меня направляют в Ленинград. Запомнилась Дорога жизни, по которой нас переправляли. Грохот разрывов не пугал нас, мы – в защитной военной форме, а значит, надо было мучаться, все-таки, уже стали бойцами.

Была зачислена матросом отделения связи флотского экипажа. Изнурительные дежурства, мало сна, предельная внимательность – вот что требовалось от неё в те дни. Через 6 месяцев переводят в Кронштадт. И снова – дежурства по связи, прием и передача телеграмм. От умения и сосредоточенности зависела порой жизнь многих экипажей транспортных судов, военных катеров, десантников, морских охотников. Даже мысли не было, что Ленинград сдадут. И работали, не жалея сил, каждый на своем участке.

Из Кронштадта нас перебросили на Ладогу. Здесь мне уже пришлось обеспечивать связь с автомобилями, сопровождающих пехоту. Участвовала в операции по взятию Либавы. Это было в августе 1944 года. Вот по май 1946 года я была уже телеграфисткой 1-го Балтийского флотского экипажа Либавской военно-морской базы.

О чем вспоминаю 9 Мая? О той дружбе между людьми всех национальностей, что входили в состав Союза, их общем долге.

День Победы встретила с литовскими и латышскими друзьями в Прибалтике. До сих пор встречаемся в Ленинграде. Мой муж был радистом на бронепоезде, пережил блокаду. Так что ездим на эти встречи вместе [18].

Жижерина Тамара Ивановна

Армия была дружной многонациональной семьей

Трудно писать о войне, кажется легче рассказывать, но чтобы ты не делал, тяжкие воспоминания уносят тебя в те далекие грозные 1941-45 годы. Я была врачом в 49 танковой бригаде, входящей в 19 танковый корпус. Принимали участие в битвах на Орловско-Курской дуге, в освобождении Украины, Крыма, побывали на 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах.

В мои обязанности входило своевременное оказание медпомощи раненым и их эвакуация с передовой линии. Работали под огнем противника. Неоднократно случалось, когда подготовленных раненых при бомбежке или артобстреле снова ранило, а в худшем случае и убивало. Эвакуация тоже была нелегкой. Нередко, когда в светлое время дня из-за обстрела невозможна была эвакуация. Как нам было страшно и тяжело, знаем только мы, участники, но дружная, сплоченная небольшая группа, безотказно трудясь, помогала и выжить.

Во время войны армия была дружной многонациональной семьей. Я не помню случая, чтобы кто-то не выполнил указания или сказал, что ему трудно. Помогали, друг другу как могли и всячески поддерживали друг друга, что давало нам силы выжить и преодолеть трудности, а их то было предостаточно. Например: на пятый день жесточайших боев на Орловско-Курской дуге, ночью не доставали снаряды и патроны, дорога простреливалась. Утро мы кое-как продержались, собирали патроны. А дальше, о ужас... Немцы пошли на нас, положение критическое. Вдруг сообщили с КП: «Нам будет помогать корпусная артиллерия. Нужно корректировать огонь». Получив ценное указание от радиста, поползла на возвышенность, и с помощью моих указаний снаряды летели в цель. Я была ранена. После лечения попала в свою часть [19].

Занкисова Александра Александровна
На турецкой стороне

Вспоминается время, когда предполагалось открытие фронта с Турецкой стороны. Ими, совместно с немецкими фашистами, был зажжен лес на турецкой границе на расстоянии 3-5 км, в это время перешли границу диверсанты. Языки огня пылали над нашим расчетом.

Наша задача была – помочь погранчастям ликвидировать диверсионный отряд, ликвидировать пожары, с чем мы справились. На второй день обнаружили подводную лодку, совместно с морскими отделениями установили координаты и ликвидировали лодку – потопили. Затем неоднократно обнаруживали фашистские самолеты со стороны турецкой границы, давали координаты, совместно с артиллерийскими батареями сбивали и сажали на воду, а летчиков моряки брали в плен [20].

Игнатова Валентина Николаевна
Помогло нам выстоять мужество

Я ленинградка, родилась и выросла в этом прекрасном городе на Неве. Ленинград один из прекраснейших городов мира. Город музей. Золотой шпиль Адмиралтейства, ажурный узор решеток и белый мрамор скульптур в зелени Летнего сада, вечно оживленный, бурлящий Невский и, чуть шагни в сторону, – неожиданная тишина и строгая красота улицы России... В памяти этот город, родной город, возникает другим – застывшим, словно в стоп-кадре черно-белого кино. Обледенелые, в завалах сугробов улицы, где только тропки вдоль домов подсказывают, что жизнь есть. Наполненные мертвой тишиной дворы и черные провалы окон в домах-развалинах. Молчаливая цепочка людей, тянущаяся к Неве, – с чайниками, ведрами, кастрюлями. И грохот взрывов. И еще несколько минут назад живые, теплые, а сейчас разорванные в клочья старики, женщины, дети, которых мы, 17-20-летние девочки в защитной форме, выкапывали из-под развалин, забыв о голоде и усталости, о холоде и сбитых в кровь ладонях, – в одной надежде: быть может, там,

под обломками, кто-то еще живет в последнем вздохе, в последнем проблеске сознания. И опустевшие квартиры, которые обходили они, чтобы похоронить умерших, отдавая им этот долг за близких, потому что близких уже не было... В нашем доме было 12 квартир по 4-5 комнат в каждой. И в каждой побывала смерть. В квартире на первом этаже жила семья из пяти человек. В живых осталась одна, самая младшая...

Войну встретила студенткой техникума физкультуры. Когда техникум эвакуировался, осталась в городе, вокруг которого уже смыкалось кольцо вражеской блокады. Работать пошла на завод «Большевик» на Невской заставе. Началась война, и наш завод стал работать для фронта, многие заводские рабочие ушли защищать Родину.

Наступило суровое испытание и для нас, оставшихся в городе. Враг был уже у стен города, и все ужасы блокады обрушились па его жителей. Но завод жил, работал, сражался. Особенно запомнились артиллерийские налеты на завод. Я часто дежурила на вышке, сообщая в штаб ПВО, откуда, в каком направлении враг обстреливает завод, где врутся снаряды. Это помогло нашим частям, Военно-Морскому Флоту вести ответный огонь.

А в 42-м, самом страшном блокадном году, мне едва исполнилось 17, вызвали в военкомат. Меня мобилизовали в войска ПВО города. Была направлена в 10-ый батальон МПВО Володарского района. На батарее я была в должности командира отделения. Здесь же получила легкое ранение во время одного из налетов немецкой авиации.

Главной нашей задачей было дежурство на вышках предприятий, крышах высотных домов – наблюдали за огневыми точками противника, засекали их местонахождение и сообщали в штаб. Дежурили каждый день, по 5-6, а часто и по 12 часов, потому что потери были большими, а заменить погибших некому...

Как и рабочие «горячих» литейных цехов, мы защищавшие свой город в рядах МПВО, получали увеличенную норму хлеба – 600 граммов. Но их «производство» было не просто горячим – оно обжигало смертью. Никогда не забыть ту вышку на территории завода «Большевик», высоченную, с обледеневшей пожарной лестницей. Не раз приходилось отдыхать, пока взберешься наверх или

спустишься вниз, когда пронизывающий ветер, кажется, вот-вот оторвет тебя от промерзшей вертикали стены, к которой невольно прижимаешься, ища защиты. В тот день я, сдав дежурство, едва успела спуститься вниз, как снаряд начисто снес верхушку вышки. Осколок от него поцарапал лицо, попал в руку – «родилась в рубашке».

И еще раз точно так же в самое лицо дохнула смерть. Впрочем, в эти дни она всегда бала рядом. Помню, пришла как-то навестить маму. Сварила она «праздничный» обед: на первое – суп из дуранды (из жмыха – если он был гороховым, так это считалось деликатесом, чаще он был семечковым – колючий, жесткий), второго, конечно, никакого, а на третье – чай и к нему – по кусочку хлеба «на десерт». Хлеб был как пирожное...

Весной 1943 года руководство завода «Большевик» обратилось с просьбой к командованию отозвать из войск ПВО часть своих кадров. Заводу нужны были рабочие руки. И вот снова родной прокатный цех. Меня назначили помощником начальника штаба Заводской службы ПВО.

И все-таки жизнь в городе не умирала. Едва сошел снег, городские сады, скверы, каждый свободный клочок земли в осажденном городе стали раскапываться под грядки. Выращенные в блокадном Ленинграде картофель, лук, морковь стали весомой прибавкой к рациону его жителей. Чище стали улицы, дворы – за порядком следили сами жильцы. В затемненном пустынном городе звучала музыка – Театр музкомедии продолжал работу, переехав в здание Театра имени Пушкина. И хоть не часто – с подругами по батальону я попадала на эти представления, ставшие сейчас легендарными. Изредка ходили в кино – в клуб завода «Большевик», на танцы в соседнюю школу курсантов. Жизнь и молодость брали свое.

Когда думаю, что же помогло нам выстоять, выстоять через самое горькое – голод, разрушения, гибель людей, ответ приходит один: мужество. Мужество сотен и тысяч ленинградцев, которые не считались ни со временем, ни со здоровьем, зная только одно слово – надо. Часто не успеешь вернуться домой с дежурства в казарму, как раздается звонок: разрушен дом, надо идти разбирать развалины. И шли без возражений. Даже мысли не было, что можно отказаться – ведь устали и промерзли после многочасово-

го дежурства, рядом с опасностью. И не надо сегодня сглаживать пережитое, не надо прятать всю боль и ужас тех дней – потому что среди этой боли и ужаса ленинградцы выстояли. Выстояли и победили.

...Никогда не забыть ликующий Ленинград в день снятия блокады. Невский проспект полон народу – пение, радостные крики, объятия, слезы на глазах людей. Большой и светлый день победы навсегда останется в памяти каждого ленинградца. Вечная слава тебе, Ленинград! [21]

Ивлева Нина Александровна **Слёзы как приправа к каше были**

Жестоко прошла по нашей жизни война. И самым бесчеловечным, противоестественным стало то, что водоворотом войны затянуло и женщин. Надо было – и они становились связистками, снайперами, медсестрами. Велик вклад в Победу и тех, кто в действующей армии выполнял работу повара, прачки, их обыденный труд в те дни вырастал до размеров подвига.

Обычно наша поварская команда шла вслед за наступающими частями. До сих пор не понимаю, откуда на все силы брались, как мне удалось выжить...

Уже в 1942 году ехала на фронт в составе большой группы девушек из Вологодской области, ехала с песнями и со слезами. Со слезами потому, что дома оставались родители, младшие братья, сестры, а песни... – песни помогали не падать духом. На фронте сложилась тяжелая обстановка. Хотя фашистов и отогнали от Москвы, они зверствовали в Белоруссии, на Украине, в Крыму...

Направили на Ленинградский фронт. Новобранцам была отведена неделя на строевую подготовку – маршировали, учились стрелять. Еще месяц учебы на курсах – и стала поваром 85-й стрелковой Павловской дивизии.

Ох, и намучилась же я в первое время. Слезы как приправа к каше были. Очень боялась плохо приготовить. И посоветоваться было не с кем, шеф-повара ранило, он лежал в госпитале. Готовить на 300 человек – не то, что на семью. Попробуй, угадай, сколько

соли бросать: пачку или две? А котлы здоровенные, я таких и не видела прежде.

Но, как говорится, «глаза боятся, а руки делают». Варила обеда, и даже благодарности получала от солдат и командования. Стало полегче, когда через несколько недель дали шеф-повара. Работницей была безотказной, делала все, что поручат. Правда, проявлять инициативу после одного случая побаивалась, причиной всего случившегося было отсутствие военного опыта. А произошло вот что. Сварив обед, обнаружила, что вода кончилась. Взяла ведро и пошла к речушке. Идти нужно было всего минут десять, но по участку, обстреливаемому противником. Ни дерева, ни пригорка, чтобы укрыться. Набрала ведро и скорее назад. Вот здесь фашистский снайпер и решил позабавиться: стрелял, не целясь, пули пролетали то слева, то справа. Со страха ничего не придумала лучше, чем отклоняться то в одну, то в другую сторону, а ползком добираться не сообразила. После этого за водой ходила только в сумерках.

Вообще, самым трудным в поварском деле на войне было достать воду. Много горького и страшного видели женские глаза на войне, но так и не привыкли к человеческим страданиям.

И сегодня тяжело вспоминать, как выглядели раненые на войне. Мы по мере сил и возможностей старались помогать им. Как ни быстро продвигались войска, но на несколько минут успевали остановиться, если надо было перевязать раненого. Нет бинтов или запасной рубашки, оторвешь рукав своей, сделаешь повязку и скорее догонять бойцов.

Три фронтовых года за плечами. Войну закончила ефрейтором, с медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Берлина» [22].

Кирсанова Мария Ивановна
**Мы очень хорошо общались
с немецкими ребятишками**

Родом я из Оренбургской области. Росла в Туркмении, там я и училась. Шел 42-ой год... Сталин обратился «Девушки-

комсомольцы, страна наша в опасности, кто хочет защищать Родину?» Девушки-комсомольцы пришли домой, а у нас уже повестки. Погрузили девушек в «телячьи вагоны», и паровоз пф-пф-пф, тот, у которого дым черный, ни то, что сейчас. И повезли нас. Женщины все ревут, плачут, что парней постреляли, и теперь добрались и до девочек. Женщины везде плачут, а мы- то поем в «телячьих вагонах»: «Прощай любимый город!» Вот так-то... А потом поем-поем, а ночью заплачем. Куда мы едем? – На убой.

И повезли нас до самой Элисты, там нас высадили, направо, налево, потом учили, как винтовку держать, как заряжать. И нас, даже, провожал сам Константин Симонов. Какие он нам стихи сочинял, как он нас провожал, да как он говорил хорошо! И погрузили нас опять в «телячьи вагоны», и покатали нас. Вот так на первом Украинском я оказалась...

А потом было организовано, что-то вроде курсов, по изучению азбуки Морзе. У меня слух был музыкальный... Ну и так я прослужила в противовоздушной обороне. В нашей части были, в основном, девчонки. Я была радиотелеграфист. У нас были большие радиостанции, и мы работали на ключе. Какие самолеты, их марка, на какой высоте они летят, по какому направлению, и все это мы передаем «перестуками». И поднимаем свою авиацию, а там уже немецкие самолеты встречаются. Вот такая служба у нас была... И так от Сталинграда до Берлина... Вначале нас немцы гнали до самой Волги бегом. Ночью мы бежим по 25 километров в час, а днем спрячемся от немецких танков... Страшно было...

Это было горе для всех, а мы патриотами были, да еще Сталин нас подбодрил.

Воевала я на первом Украинском фронте, в основном в Харькове. Видела, как людей вешают. Это жуткое зрелище было. Видели мы и овраги, заполненные трупами, но среди них могли оставаться еще и живые люди...

У нас старшина хороший был, такой он простой мужик, сильный, справедливый, хозяйственный. Заботился о нас, чтобы сыты были. Иногда девчонки кукурузу прокручивали, хоть кашу кукурузную сварят. И вот он после боя скажет: «Девчонки пройдите по полю, там, где бои шли, там много мертвецов лежит, и, посмотрите, может,

есть кто живой». И мы шли... И пощупаешь – тепленький. А мальчишки местные, по 14-15 лет, уже покойников относят, складывают их штабелями, а потом выкопают где-нибудь яму, и отвозят туда.

Сижу я около радиостанции... И вот на всех языках передают: Война закончилась! Наш Левитан молчит... Москва молчит... Мы уж не спали всю ночь, все ждут, когда Москва скажет, что война закончилась. И, наконец, настал тот долгожданный момент: «Внимание! Внимание! Внимание! Говорит Москва! Слушайте важное сообщение!» Все затаились... Всё внутри переворачивается... и читает, что подписали капитуляцию. Тут мы все как запрыгали, друг на друга мы вешаемся, целуем знакомых и незнакомых. Весь город светится от пуль, от ракет, все стреляют в небо от радости.

Мы очень хорошо общались с немецкими ребятами, готовили им покушать, например, плов. Отдавала им хлеб, отламывала от своего пайка, а они мне взамен стишки читали, песни поют, на гармошке играют. У меня там была одна соседка, очень вредная. Все время говорила «Опять она этих фашистят кормит». А я ей и говорю: «Да это же дети, все кушать хотят!». Вот так и жили.

Жители, простой немецкий народ, разговаривали между собой, мол зачем Гитлер пошел на Россию. Ведь в этой войне погибло много родственников. На войне прострелили мне грудь, я всю ночь проскулила от боли... [23]

Кобер Вера Николаевна **Вместе с 53-й армией**

В первые дни войны многие девушки и молодые женщины шли в военкоматы и были направлены в разные войсковые части. Это не миновало и меня.

В начале 1943 года один из военкоматов г. Челябинска комплектовал медицинскими работниками три госпиталя. Это были хирургические полевые передвижные госпитали. В один из этих госпиталей я была зачислена в список личного состава. К тому времени личный состав госпиталя был укомплектован и мне предложили войти в него санитаркой. Это был госпиталь ХГШГ №5153 полевая почта №03780, который вошел в состав 53-й армии 2-го Украинского фронта.

В конце июля 1943 года госпиталь был направлен в район г. Курска. За многие города шли жестокие бои на земле Украины: Полтаву, Харьков, Кременчуг и другие. Наше первое задание было – в кратчайший срок развернуть госпиталь для приема раненных. В этом направлении армия вела тяжелые бои. В несколько дней госпиталь был развернут и готов к работе. Вскоре мы все ощутили, насколько трудной была эта работа. Днем и ночью прибывали машины и привозили раненных из медсанбатов.

Поток машин, казалось, был нескончаем. Профиль нашего госпиталя – ранение верхних и нижних конечностей. Но в эти дни привозили тяжелораненных в живот, грудь, голову. Весь личный состав работал с большой отдачей – дни и ночи без перерыва – врачи, хирурги, старшие сестры, санитары и санитарки. Глядя на тяжелораненных, в душе каждого из нас происходило осознание страшного значения слова «война». Здесь впервые весь личный состав госпиталя принял боевое крещение.

53-я армия шла с боями вперед на запад, а наш госпиталь еще некоторое время оставался на месте заканчивать работу. Легкораненных, оказав им необходимую медицинскую помощь, отправляли в батальоны, где формировались новые части для отправки на фронт. Тяжелораненных самолетами отправляли в тыловые госпитали для продолжения лечения. Закончив работу, госпиталь сворачивался и двигался вслед за армией... [24]

Колосова Вера Ивановна **Командир орудия**

Закончив 7 классов, поступила на работу на Запрудненский стекольный завод рабочей. В июне 1941 года началась Великая Отечественная война. Завод эвакуировали в Люберцы, где группу комсомольцев, в том числе и меня, направили на завод по изготовлению оружия для фронта. Но вскоре этот завод тоже эвакуировали. Тогда я с группой девушек-добровольцев ушла на фронт. Вначале нас направили на учебу в город Касторная на курсы сержантов. После учебы нас направили на 2-й Украинский фронт. Там я была командиром артиллерийского орудия,

в 1942 году освобождала город Сталинград, где была ранена. После госпиталя служила в запасном санитарном батальоне. Далее освобождали Украину, Бессарабию, Прикарпатье, Румынию, Венгрию. В 1944 году была контужена на реке Дунай в городе Будапеште. День Победы встретила в госпитале города Будапешта [25].

Кудряшова Антонина Яковлевна
Так мы отстояли свой склад

В 1941 году окончила школу, началась война. Нас, молодежь, отправили на трудовой фронт, копать окопы и так всю зиму работали для фронта. Потом, в 1942 году, нас, молодежь, отправили на 6 месяцев в Ивановскую область на заготовку торфа и леса. В ноябре мы вернулись домой и 2 декабря нас призвали в военкомат, где признали годными к военной службе.

Так 31 декабря 1942 года нас привезли в г. Новозыбков, где обучали военному делу, потом расставили по постам, где мы обслуживали воинские части своими донесениями. Продвигались за фронтом Рокоссовского, и в городе Барановичи наша часть стала учиться на радистов. И вот однажды меня поставили на отдаленный пост в лесу. Охранять склад ПФС и на меня было совершено покушение: напали двое неизвестных из-за кустов, чтобы забрать склад и отобрать у меня винтовку. Но я не растерялась, сначала крикнула: «Стой! Кто идет?!». Они продолжают идти в наступление, но я вновь не растерялась: даю три выстрела, наш караул быстро отозвался и дал подмогу. Так мы отстояли свой склад [26].

Кузнецова Вера Михайловна
Спасая жизнь бойцов

Свою врачебную деятельность начала в армии. Сразу после окончания Новосибирского медицинского института в 1944 году она была направлена врачом хирургом в эвакогоспиталь второго Белорусского Фронта. Направляясь к месту назначения на терри-

торию Польши с группой таких же молодых врачей – выпускников одного института, довелось проезжать места, только что освобожденные нашими войсками. Города Вязьма, Орша, Смоленск, Минск, были разрушены. Это была груда развалин с единичными уцелевшими зданиями. Душа болела за родную землю.

Госпиталь, где стала работать, двигался вместе с фронтом. Работать приходилось в тяжелых, условиях: госпиталь располагался в бараках, освещались помещения керосиновыми лампами, вместо кроватей в палатах были двухэтажные деревянные нары, нередко оперировать приходилось при бомбежках. На каждого врача приходилось по 80–120 раненых. При большом поступлении раненых врачам приходилось, кроме того, по 18 часов дежурить в перевязочной. Наши войска двигались быстро, и иногда материальная база отставала от госпиталя. Тогда не хватало медикаментов, перевязочного материала, крови. Врачи отдавали все свои силы, чтобы спасти людей. Как и другие, не раз давала свою кровь тяжело раненым бойцам.

Много лет прошло со времени окончания войны, но такое не забывается. Трудности, которые встречаются сейчас в повседневной работе, даже не назовешь трудностями – так тяжело было работать в войну [27].

Кузнецова Ирина Петровна
**Военная обстановка воспитала нас стойкими,
мужественными**

...1 мая 1941 года мне 15 лет. Я студентка Воронежского авиационного техникума – увлечена подвигом летчиц – В. Гризодубовой, М.Расковой и П. Осипенко. Началась Война. Бомбежки, эвакуация. Через год я служу в кадровой воинской части авиационного оборудования и вооружения, тогда 5-ой Воздушной Армии. Мы стоим под Тамбовом. В лесу, разгружаем из товарных вагонов авиабомбы, ремонтируем их укупорку, катаем на подготовленные в лесу площадки, складываем в штабеля. Бойцы в ротках по возрасту годятся мне в отцы и часто называют меня дочкой. Подходит новый состав «порожняка» и мы загружаем вагоны авиабомбами.

Проводим эту работу быстро и оперативно, так как железнодорожные пути на нашей территории идут под уклон и в период разгрузки-погрузки паровоз держит вагоны, стоит под парами и расходует уголь, а уголь стратегический материал и его надо экономить. Мы пилим и рубим деревья, обкладывая ими штабеля, маскируя места хранения бомб.

...Как сейчас помню: июнь 1942 года, наши войска отступают, а мы в составе рабочих военскладов – вслед за ними. Двигались как второй эшелон. Нас одели в летно-техническую форму – унты, куртка, шлем. От самого Воронежа до Курска, Белгорода, а затем и до Харьковской области мы выполняли свою задачу: готовили авиабомбы для отправки на аэродромы и загрузки в самолеты. Сколько радости было у нас, девчонок, когда 7 ноября 1942 года пришло сообщение с фронта, что все бомбы, подготовленные нами, взорвались. Это свидетельство качественно выполненной работы.

А еще мы разгружали вагоны с авиабомбами. Помню один момент, когда мы спускали «голыши» без укупорки. Ставили две доски возле вагона и катили. Но ведь «голыши» нельзя было стукнуть! А мы и не боялись. Мама тогда мне сшила красивый фартук с карманами. В них я хранила деревянные молоточки, чтобы сразу же вывинчивать пробку из головки бомбы. Было очень удобно так работать.

Однажды в Тамбовской области был такой случай. Стали поступать первые пленные. Мы не успели разгрузить один состав, пришел второй. Наше командование обратилось к пленным мадьярам с просьбой о помощи. А был жуткий холод, они в ботинках, топают, сложа руки, – но не двинулись с места. Девчонки побежали в госпиталь к раненым, обратились с просьбой к тем, кто может встать и помочь. Наши ребята, полураздетые, больные, искалеченные, согласились, и мы успели вовремя разгрузить дополнительный состав.

...Осень 1942 года снежная, морозная. Иногда не хватает сил, и привлекаются женщины из поселка и соседних деревень. Я – рослая, спортивная, городская девица и мне поручается проверка запальных стаканов каждой бомбы, в который вставляется и ввинчивается взрыватель. Взрыватели устанавливаются уже на аэродроме, когда бомба подвешена к самолету. Эта операция на особом контроле и учете.

Время идет, а я еще не комсомолка. Это меня волнует, и комиссар части знает об этом. 7 ноября 1942 года в часть прибывает представитель штаба фронта с письмом, где выражается благодарность за хорошую подготовку груза. Все авиабомбы, поступившие от нас, взрывались. Проводится заседание штаба в новой землянке. Здесь меня приняли в комсомол. Странно, но до сих пор я помню полумрак землянки, запах свежей земли и смолистый запах сосенок.

Новый 1943 год, меня направляют в другую часть в небольшой, северный, обледенелый городок Пензенской области связисткой при штабе. Я часто подменяю заболевшего телефониста на коммутаторе. Мне всегда хотелось учиться. Изучаю новое прибывшее вооружение самолетов – синхронный пулемет. Как-то так вышло, что в механических мастерских я быстрее других научилась их разбирать и собирать. Строевой подготовкой занимались ежедневно с шести часов утра и нельзя было опаздывать. А как быть, не имея часов?

Лето 1943 года. После битвы на Курской дуге мы начали перемещаться на Запад. Мы шли и ехали по нашей освобожденной от врага земле по Украине. Все ближе к фронту. Встречаемся с воинами штурмовых частей. Были удачи и потери. Особенно тяжело переживали потери бойцов и командиров нашей части. Прощались с ними как с родными. Уже появились погоны, но слово «офицер» медленно приживалось.

...Сейчас даже трудно представить, как мы, молоденькие девчата, возились с 50-килограммовыми бомбами, разгружали, помещали их в укупорку и подготавливали запальные стаканы, чтобы на аэродромах в них легко вошли взрыватели. Это была повседневная работа, к.п.д. которой в сумме приближал день Победы. Степень ответственности и сложности работы не отпугивала девушек от авиабомб.

Я никогда не спрашивала: «Зачем?». Военная обстановка воспитала нас стойкими, мужественными, умеющими подчинить свои собственные интересы общей цели – освободить страну от фашистов.

...У каждого был внутренний подъем. Всех охватывало чувство сострадания к окружающим, оказать помощь, хотелось сделать доброе, хорошее. Нужна срочная связь штаба с аэродромом, и я спешу с катушкой телефонного провода, тяну линию от штаба к аэродрому. Лазаю в кошках на сохранившиеся телеграфные стол-

бы. Прибывают новые составы оборудования, уже трофейного. Сортируем патроны, порох, складуем их в ящики. Строгий учет ведут представители «Смерша».

А люди есть люди – они тоже всякие. Да-а-а, полтора года в Армии и ничего особенного, все было штатно и обыденно, а это просто была работа. И каждый из нас, прошедший горнило Великой Отечественной делал ее хорошо и ответственно [28].

Малинова Татьяна Ивановна **Война – это ужасно!**

После училища нас, 12 человек, привезли на какую-то станцию под Волховом, а в это время налет немецкой авиации на эшелон. Мы быстро убежали в лес и стали лесом, по глубокому снегу, пробираясь к штабу армии. Устали очень. Нашли землянку без окна и дверей, наломали веток ели и улеглись спать, прижавшись друг к другу.

О связистах не пишут, о них нет фильмов, а ведь иной раз и по двое суток приходилось не спать. Часть уйдет вперед, а здесь на месте остается горстка, которая держит связь с соединениями, а смены все нет.

Помню, под Ленинградом, когда мы вошли в Красное село, жителей не встретили. Они все были расстреляны. Передовые части сделали гробы и поставили их в ряд. Сейчас не помню, сколько их было, но очень много стариков, женщин, детей.

Довелось держать связь на наблюдательном пункте командующего при наступлении нашей армии. Через этот наблюдательный пункт при артподготовке летит сплошной огонь с нашей стороны и со стороны противника. Это бьют минометы – и наши, и вражеские. Война – это ужасно! Воспоминания о ней неприятные, тяжелые [29].

Малькова Наталья Ивановна **Шла война, но детей не бросали**

Двадцатилетней выпускницей Волоколамской школы медсестер, в 1938 году была направлена на работу в Теряевский

детский городок, располагавшийся на территории Иосифо-Волоколамского монастыря в 30 километрах от Волоколамска. Там находилось три детдома. В каждом из них насчитывалось 120-130 детей. Ребята были всякие. Привозили туда беспризорников, воришек – они были грязные, неухоженные, завшивевшие, больные гайморитом, трахомой, чесоткой, глистами, сифилисом. Таких сразу же отмывали, выдавали им чистую одежду и, если требовалось лечение, отправляли в свою же больницу. Условия для проживания детей были неплохие: красивейшие места, близлежащий колхоз обеспечивал детские дома продуктами в достаточном количестве, всем выдавали одежду, обувь. Все до единого обучались в средней школе. Медицинской сестре хлопот в детдоме хватало.

В июне 1941 года вышла замуж за Константина Малькова, работавшего в Москве на заводе №20. 22 июня намеревались отпраздновать свадьбу, а тут – война.

В городе чувствовалось волнение. По мере поступления все более грустных сообщений от Совинформбюро оно нарастало. Немцы подходили к Москве. Говорили, что они уже в Истре. И вот утром 12 октября поступила команда все три детдома эвакуировать в г. Челябинск. Упорно бродили слухи, что Москву будут сдавать. Иностранные посольства, некоторые организации, правительство Москву оставили. В то же время якобы Сталин оставался в Кремле. Это придавало уверенность, однако...

В течение дня все воспитатели, ребята постарше сшили рюкзаки. Положили туда пару белья, хлеб, кое-какую еду и стали ждать обещанных автобусов, которые должны были отвезти детей в Волоколамск. Приближался вечер, а транспорта не было. Стало ясно, что ждать нечего. Было принято решение идти пешком до станции Чисмено. Это около 20 километров. Часов в 18-19 огромный отряд – около 400 человек в возрасте 7-17 лет – тронулся в путь. Провожать вышло все Теряево. Духовой оркестр играл марш. Почти все плакали. Проводы были очень грустными. Быстро стемнело. Пошел густой мокрый снег. Дорога оказалась трудной. У ребят промокли ноги. Некоторые дети не могли идти. Их по очереди несли воспитатели, старшекласники.

Около полуночи вышли на какую-то большую деревню. Подошли к школе. В классах было холодно, но дети все же немного согрелись, подремали, а утром тронулись в путь.

Днем выглянуло солнышко. Снег начал таять, жижа хлюпала под мокрыми ботинками. К вечеру добрались до Чисмено. Там детей ждали. Завели всех в столовую, теплую и уютную, накормили.

В двенадцать часов ночи в сплошной темноте ждали эшелон. Посадили ребят по вагонам и поехали в Москву. Ехали беспокойно. Несколько раз над поездом пролетали самолеты, но это, как говорили, состав охраняли наши истребители. Утром приехали на Рижский (Ржевский) вокзал. Поданные автобусы перевезли детей на Ярославский вокзал. Там просидели в ожидании специального состава три дня, хотя его обещали каждый день. Когда были налеты немецкой авиации и на крыши падали зажигалки, людей переводили из зала в зал.

И вот состав подошел, но он был забит людьми и их вещами. Детей приходилось заталкивать по вагонам. Вещи, которые ребята взяли с собой, пришлось бросить. До Челябинска доехали благополучно. Состав нигде не задерживали. По прибытии детей распределили в детские дома, окружили ребят вниманием, а потом определились и со: школой... [30]

Мамаева Екатерина Петровна **Мы охраняли заводы**

Наш полк на 80% состоял из молодых женщин, в возрасте от 18 до 25 лет. Это были студентки, молодые колхозницы, в основном физически здоровые и очень сильные духом.

Мы охраняли заводы, изготавливающие снаряды, в том числе завод, изготавливающий снаряды для легендарных «Катюш». Немцы охотились за этим заводом, несколько раз пытались бомбить, но завод был расположен в лесу и под землей, причем цеха-землянки были расположены далеко друг от друга, поэтому обнаружить его было трудно.

Охраняли авиационный завод, электростанцию, аэродром, радиостанцию. Особо тяжелой была служба охраны радиостанции.

Расположенная в 60 км от города, в степи, продуваемой всеми ветрами...

Работала (вещала) эта радиостанция на границу. С помощью ее наше правительство поддерживало связь с союзниками, с командованием «Сопротивления». Немцы, конечно, о ней знали и пытались ее уничтожить. На эти посты подбирались самые выносливые, здоровые, самые преданные комсомолки [31].

Могинская Валентина Карповна **Просто старалась восполнить свой долг**

Мне было 16 лет, когда началась Великая Отечественная война. Проживала я с семьей в г. Сланцы Ленинградской обл. С первых дней войны враг рвался к городу Ленина и поэтому вскоре началась эвакуация населения в городе на Восток. Ровно месяц добирались мы до города Сызрань на Волге. Часами, и даже днями и неделями простаивали на узловых станциях. Однажды на одной из остановок я увидела, как в товарных вагонах везли раненых с передовой. Они лежали тесной кучей, стонали и бредили, вспоминали родной дом и свою мать. Мне стало страшно, и тогда я отчетливо поняла, что такое война, и какая страшная ответственность за судьбу Родины легла на нас, на весь Советский народ! В городе Сызрани я начала свою трудовую деятельность. Сначала я вместе с другой молодежью рыла окопы и строила различные укрепления для того, чтобы преградить путь фашистам к Волге.

Когда же наша героическая армия разгромила фашистские полчища у стен Москвы, я уже работала на стройке. Мы ударными темпами строили шахту №5, которая вскоре стала давать сланец, из которого вырабатывали различные горючие вещества. Рабочих рук было мало и приходилось работать «за двоих», а иногда и по две-три смены подряд.

Но мы не ограничивались только своей основной работой. В короткие часы передышки мы, чем могли, помогали фронту: вязали носки, шили кисеты, отчисляли из своей зарплаты деньги в фонд Советской Армии. В 1943 году я вступила в комсомол, а в 1944 году как активная комсомолка была призвана в ряды

Красной Армии и направлена в г. Казань, где проходила первоначальное воинское обучение. После его завершения мне было присвоено звание старшего сержанта, и в должности старшего повара в составе всего батальона девушек я была направлена на фронт в действующую армию. Действительную службу я проходила в 257 стрелковой дивизии в 793 артиллерийском полку. С боями наша армия прошла до стен Кенигсберга – этого фашистского оплота...

Мне хотелось бы сказать в своих воспоминаниях, что никаких героических подвигов я не совершала, просто старалась восполнить свой долг «от первого мгновения до последнего», а именно сытно и вкусно кормить бойцов и командиров нашего артполка в любых условиях. По окончании войны мне 2 года пришлось поработать на восстановлении г. Сланцы, который был весь в руинах. В 1946 г. я была награждена медалью «За победу над Германией».

И мне очень хочется сказать сегодняшней молодежи: «трудитесь хорошо, делайте все от вас зависящее, чтобы наша любимая Родина стала ещё сильнее и краше [32].

Морева Софья Дмитриевна **Раненый сержант стал моим мужем**

В 1940 году окончила среднюю школу и поступила в институт иностранных языков на факультет английского языка, но проучилась всего один год, т.к. в 1941 г. началась Великая Отечественная война и все учебные заведения были переоборудованы под госпитали. В конце 1941 года в помещении нашего института также разместились госпиталь № 1386, который входил в состав действующей армии. Там я и осталась работать санитаркой. Работали, сутками не выходя из госпиталя, все палаты были переполнены ранеными.

Я с болью в сердце смотрела на этих молодых ребят, которые страдали от ранений. У молодого лейтенанта Саша Власова была ампутирована кисть правой руки, у сержанта Морева Владимира было сквозное ранение голени правой ноги. Мне запомнилось обожженное лицо одного молодого солдата, который лишился зрения, да всего и не перечесть.

Я никогда не забуду случай, когда во время моего дежурства умирал от столбняка молодой капитан. Чтобы облегчить его мучения, ему делали обезболивающие уколы, но в данный момент этого лекарства в госпитале не оказалось и я вынуждена была идти в соседний, который находился около километра от нашего. Мне никогда не забыть эту морозную январскую ночь 1942 года. Было около часа ночи, когда я вышла в кромешную тьму. Снега было выше колен, и только узенькая тропинка была еле видна. Я очень боялась сбиться с пути, но это случилось, началась метель, и тропинку мгновенно замело. Сколько я бродила не могу припомнить. Я совсем выбилась из сил, увязая в снегу по колено. В соседнем госпитале знали, что я к ним иду, и начали беспокоиться за меня, т.к. времени с тех пор, как я вышла из своего госпиталя, прошло довольно много. Навстречу ко мне вышел вахтенный дежурный с фонарем и в нескольких метрах от госпиталя увидел меня, лежащую в снегу. Меня привели в сознание, оттерли мои окоченевшие руки и ноги. В обратный путь с нужным лекарством я уже шла в сопровождении вахтенного дежурного... Сержант, который был ранен в голень правой ноги, впоследствии стал моим мужем... [33]

Никонова Анна Дмитриевна **Мечтали о том, чтобы только остаться живыми**

Войну я встретила в деревне на 18 году жизни. 22 июня объявили о войне, и на следующий день пришла повестка из военкомата. В то время в армию в основном отправляли комсомольцев. Я не была комсомолкой, но председатель сельсовета хотела от меня избавиться, так как наша семья была по тем временам для колхоза бесполезной. Родители мои в колхоз не пошли. Отец пил, а мать не пошла из-за религиозных убеждений. Из-за этого семью облагали большими налогами, платить было нечем. Семья оставалась даже без подушек, их забирали, продавали за бесценок в счет погашения наших долгов по налогам. После 5-го класса я вынуждена была уйти из школы и работала няней у татар. Татары были добрые, кормили, одевали в красивую, хорошую одежду и отправляли к мамке. Вот так и попала в армию.

После призыва три месяца проходила курсы в Москве, получила специальность санинструктора. Попала в стройбат, все время пешком в кирзовых сапогах ходили. От Москвы до Берлина дошла пешком. Отдыха было мало, в основном отдых был под обстрелом. Светлых моментов не было ни на фронте, ни до войны. Женщин и девушек равняли с мужчинами на фронте. Мечтали о том, чтобы только остаться живыми. Я осталась жива, потому что каждый день: утром, днем и вечером за меня молилась мама.

Солдатский быт был сложен. Молодежь гоняли с первого дня войны. Только придем в казарму, поесть не успевали, уже отправляли в строй. В 6 часов подъем – вскакивали, как сумасшедшие. На все сборы 4-5 минут: солдаты должны были собраться, заправить постель, одеться и выйти строиться. То пуговицу не успеешь застегнуть на груди, сразу замечание, то портянка из сапога выглядывает, тоже замечание. На построении давали задания. Задания были общевоинские, по предметам, было 4 предмета, а после занятий – строевая подготовка.

Уставали жутко. Однажды очень устала, прилегла и уснула на пеньке, как на подушке. Командир заметил, накричал, а я спронея и не знала, что ответить. Времени не было даже сапоги почистить. А так как мне очень хотелось, чтоб сапоги блестели, приходилось их чистить в туалете.

По распределению попала я в санроту, недалеко от фронта в Москве. Санрота была настолько близко к фронту, что солдаты, которые могли ходить, раненные в плечо, например, приходили сами в санроту, а какие не могли ходить, их привозили. Солдат, которых немедленно необходимо было обрабатывать, называли нетранспортабельными. Служила в одной части с мужем. Однажды ко мне в санроту привезли его контуженного. Из-за меня не отправили в госпиталь, а оставили при санроте. Конечно, ухаживала я за мужем лучше, чем за остальными, но ужасно этого стыдилась. Муж потом погиб на фронте в 21 год. Мне пришло письмо от знакомой: «Мне тяжело тебе писать, слезы в глазах и печаль на сердце. 20 января 1945 года был убит твой Володя. Похоронили мы его в гробу. Ранение было в голову. Пуля прошла в висок и вышла из затылка. Помер сразу. Похоронили и пошли дальше».

Победу встретила в Польше. Объявили об этом и все военные пустились в пляс. Были подразделения, которые сразу отпускали домой, а некоторые и после задерживались. Когда я вернулась в полк, то меня спросили, куда бы хотела поехать. Ответила, что поеду туда, где буду полезна. В Дубне у меня жила сестра. После войны я, двое братьев и еще одна сестра приехали к ней в Дубну. Жили в бараках. Потом брат женился, и мы жили вшестером на 16 кв.м. Жили дружно. После войны работала на заводе... [34]

Ошибкина Нина Афанасьевна **За то, что жива осталась**

...В десятом классе все увлекались радиоделом. Просто так – интересно было. И очень гордилась, что работает на ключе лучше многих. А потом, не успев получить аттестаты, все 36 – весь класс – ушли на фронт. В тот день ее мама, сшив четыре вещмешка, проводила на войну мужа, двух сыновей и дочь. ...Стала радисткой, начальником станции при штабе 1-го Белорусского фронта, держала связь с передовой...

Во время Висло-Одерской операции я была старшим радистом при штабе 1-го Белорусского фронта. О нашей военной специальности и во время войны, да и после ни в оперативных сводках, ни в газетах, ни в книгах как-то не сообщалось. Действительно, ни в атаках, ни в разведках нам бывать не довелось, хотя и оружие мы носили, и «полуторки» наши с радиостанциями под бомбежку попадали, и окапывали мы их по всем фортификационным правилам, и охраняли сами... и до Берлина из шести радиостанций только две добрались укомплектованными. Теряли мы своих подруг, совсем еще молодых девушек-радисток, погибших в бомбежках и артобстрелах, и от этого было особенно горько.

Что могу сказать о своем поколении? Скажу об одном классе: из 36 выпускников усердных кружковцев-радиолюбителей, лишь трое пришли с войны: я, да безногими инвалидами – еще двое ребят.

В Варшаву мы приехали ночью. Холодно было. Подобрали впотьмах на улице какой-то ящик. Мы думали с гуталином, при све-

те открыли: плитки с шоколадом! То-то был пир. Впрочем, Варшавы уже не было. Город разбит страшно. В целом квартале мы едва насчитали четыре относительно уцелевших дома, да и в тех верхние этажи полностью разрушены. Была пустыня, покрытая 20 миллионами кубических метров развалин, – то, что осталось от города после боев, бомбежек, артобстрела, после того, как прошли по нему «фернихтунгс комманден», завершившие своими огнеметами уничтожение Варшавы. Фронт стремительно уходил на запад, а мы радисты штаба, задержались здесь и видели, как вопреки всему, даже рассудку, город оживал, потому что живы были варшавяне.

Но подвалы сохранились хорошо. Наверное, первые варшавяне, которые вернулись в свой город, жили в этих уцелевших помещениях. Недолго мы были в городе, всего день, но даже за это короткое время мы убедились в дружелюбии немногих оставшихся в городе поляков. Они с радостью приветствовали советских воинов, приглашали нас в гости, готовы были поделиться с нами последним куском хлеба.

К вечеру машины наши снялись – и дальше, к Берлину, но впереди была еще одна остановка – в Освенциме. Думаю, если бы сейчас, спустя сорок лет, увидела снова эти детские башмачки, горы человеческих костей и пепел, отрезанные женские косы, – стало просто жутко, огромная тяжесть легла на сердце. Тогда же, пройдя совсем юной через голод, огонь и мороз войны, через суровые ее испытания, я не ощущала того пронзительного холода и пустоты внутри, какое сейчас испытываем мы, возвращаясь в памяти к тем далеким временам.

...Войска шли на Запад. После успешного завершения одной из предпобедных операций наградили орденом Красной Звезды. Боевой генерал вручал награды закаленным фронтовикам, перечисляя их боевые заслуги – десятки уничтоженных вражеских танков и самолетов, отважные действия на передовой... И тогда, принимая награду, спросила: «А мне за что, товарищ генерал?» Он внимательно посмотрел на стоявшую перед ним невысокую девушку с погонами старшего сержанта, легко приподнял и поцеловал в нос: «За то, что жива осталась»...

...Победоносное наступление Советской Армии продолжалось. Когда 8 мая 1945 года в 00 часов 15 минут в Берлине

был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, уже была в столице поверженного гитлеровского III рейха. И на стене рейхстага, где было написано «Ура! Победа!», «Прошли от Москвы до Берлина», «Будьте свободным и счастливыми – всегда!», рядом с другими появились и ее подпись [35].

Попкова Мария Григорьевна **Связь работала непрерывно**

В ряды Советской Армии я была призвана в мае 1942 года. Окончив курсы телефонисток, мы, девушки, были направлены в части для прохождения дальнейшей службы. Мне пришлось проходить военную службу в 161 зенитно-артиллерийской батарее 16 ЗАД Краснознаменного 73 ЗАЛ ПВО Черноморского флота. Эта часть уже тогда входила в состав действующей армии и прославила себя в дни героической обороны г. Туапсе.

Не сумев взять город с суши, фашистские захватчики решили захватить его с моря. Ежедневно фашистские самолеты совершали налеты на город – порт Туапсе. Налеты продолжались днем и ночью. Шли они группами с моря и в первую очередь старались уничтожить наши огневые точки. Они пикировали на батарею, сбрасывали бомбовый груз и уходили в сторону моря. Наши зенитчики вынуждали фашистов отказаться от прицельного бомбометания по городу – порту.

Трудно было зенитчикам. По несколько суток они не отходили от своих орудий. Метким огнем одна только наша батарея сбила 18 фашистских самолетов и 14 подбила.

Задача девушек-телефонисток заключалась в том, чтобы, находясь на командном пункте батареи, обеспечить бесперебойную связь с командованием дивизиона и 73 ЗАП. С этой задачей мы успешно справились. Связь работала непрерывно. Врагу так и не удалось взять город Туапсе.

Весной 1944 года в составе 4-го Украинского фронта наша часть принимала участие в освобождении Крыма. День Победы застал нас в Севастополе [36].

Попова Зоя Алексеевна
**Каждому экипажу мы тщательно готовили
парашюты**

По окончании училища один год учительствовала в школе. Здесь нравилось, но оказалось, что эта работа слишком далека от «небесной» мечты. Впрочем, скоро пришло время, где мечтам не осталось места: началась Великая Отечественная война, и я написала заявку о приеме в Московский авиационно-технологический институт (он был эвакуирован в Новосибирск). Приняли без экзаменов на факультет машиностроения. Училась с удовольствием, но было очень тревожно от фронтовых сводок. Еще недолгий период моего второго студенчества запомнился тем, что было голодно. На день давали 200 граммов хлеба. Вот сижу на лекции, отщипываю по крошке, долго-долго жую, и, кажется, ничего вкуснее нет на свете. Я и сейчас трепетно отношусь к хлебу, сердце сжимается, когда вижу где-нибудь брошенный кусок... После лекций ежедневно проводились занятия в различных секциях. Осваивала навыки радиста.

В декабре 1942 года пять девушек-радисток подали заявления в Новосибирский военкомат с просьбой «незамедлительно направить на фронт». Двух из них, в том числе и меня, послали в Красноярск, где расположилась Харьковская военная авиашкола младших специалистов. Здесь переодели в военную форму – выдали бушлаты, буденовки, галифе, сапоги. Девушкам велели постричь косы. У меня были густые волнистые длинные волосы, и даже суровый начальник, пожалев это девичье чудо, посоветовал ей отправить косу посылкой домой вместе с другими гражданскими вещами. Я так и сделала. Потом мама рассказывала, как держала дочку на комоде и каждое утро начинала с того, что бережно гладила ее, плакала и молилась за свою дочку...

Военной специальности радисток оказалось недостаточно для отправки на фронт, там срочно нужны были укладчицы парашютов, и девушки осваивали премудрости этой профессии. Распорядок дня, как и условия жизни, был жестким: ранний подъем, зарядка на морозе (в одном нижнем мужском белье), занятия, служба на карауле (охрана самолетов). Климат сибирский, суровый, в казармах холодно, кровати железные, двухъярусные. Девчонки все

молодые были, чистюли. Белье нижнее, прежде чем сдать в стирку старшине-мужчине, сами стирали да на себе высушивали. (Какое уж тут здоровье?)

Через полгода целый девичий эшелон двинулся из Сибири в глубь страны. Попала в запасной авиаполк под Горький. Здесь же «приземлился» 171-й Тульский Краснознаменный истребительный авиаполк, чтобы пересадить летчиков с «И-16» на «Ла-5», доукомплектовать состав. Вошла в состав славного полка. Так «прикоснулась» к небу. В мае 1943 года нас перебросили на Брянский фронт. Я впервые летела самолетом. 31 самолетовылет на противника. Вообще в эти дни вылеты были частыми, и каждому экипажу мы тщательно готовили парашюты. Пока ожидали их возвращения, собирали для героев ягоды... Укладкой воздушного аварийно-спасательного средства занимались девушки. На длинных столах или поляне под маскировочными сетями они расстилали неподатливое полотнище, просушивали его, затем начинали укладку. Это требовало недюжинных физических сил, сноровки и ловкости. За всю войну в этом полку не было ни единого случая, чтобы в критической ситуации у летчика не сработал парашют...

День Победы встретила в Прибалтике, на аэродроме рижской дивизии. Радовалась несказанно, пели песни, веселились. Вдруг увидели, какое голубое небо, как цветет и дурманит черемуха [37].

Ревницкая Варвара Сергеевна
От Сталинграда до Эльбы

Когда в первый год Великой Отечественной войны шли бои под Москвой, Сталинград считался еще глухим тылом, но у нас, студентов, наряду со специальными дисциплинами, обязательными были военная и военно-медицинская подготовка.

А потом – работа на оборонительных рубежах под Ростовом, жизнь на казарменном положении в городе. С 23 августа 1942 года город, протянувшийся уже в то время более чем на 60 км вдоль Волги, стал передовой линией боев на 162 суток.

Я со своими ближайшими друзьями была в 124-й стрелковой бригаде, которая располагалась в районе Тракторного и входила в

состав группы войск полковника С.Д. Горохова, почти отрезанной от других частей армии вклинившимися в нашу оборону немцами и лишенной связи с левым берегом, откуда шли боеприпасы и пополнение.

Бои шли уже не за дома, а за выступы, кучи щебня, за каждый клочок земли. Мы, местные, были полезнее тем, что знали все ходы и выходы, подвалы и щели. Из-под обломков овощехранилища или хлебозавода могли раздобыть продукты питания, в канализационных колодцах добывали воду (водопровод ведь был разрушен), добивались даже в центральную часть города, где у разрушенного элеватора добывали зерно.

После Сталинграда 62-я армия была выведена на отдых (было произведено переформирование) и уже 8-й гвардейской дошла до Берлина.

После госпиталя я была писарем, военным переводчиком. Весть об окончании войны мы услышали вечером 8 мая на подступах к Дрездену: через Бреслау и Котбус войска 1-го Украинского фронта двигались к Эльбе, на встречу союзникам.

Конечно, ликовали. Но большим было ликование и потрясение 30 апреля 1945 года, когда в городах Косвич на Эльбе произошла встреча с войсками 1-ой американской армии. Именно здесь как-то осязаемо почувствовался близкий конец войны. Мы искренне поверили в торжество справедливости и вечную дружбу людей после таких тяжелых жертв.

Какой радостной была встреча! До сих пор перед глазами картина, когда один из американских солдат, подойдя к группе советских воинов, кланяется до земли и по-русски, но с акцентом разъясняет, что он – сын русских белоэмигрантов, которые, отправляя его на фронт, напутствовали: «Встретишь русских – поклонись им в ноги до земли за их великие дела». Было торжество, сердечное братание и неременное желание американцев обменяться сувенирами. Особым спросам пользовались солдатские складные алюминиевые ложка с вилок и (вот нация) советские рубли.

Много фотографировались; предпочтение отдавалось композициям, где обязательно в центре должен быть советский солдат. А если он с баяном или балалайкой (откуда-то появилась и русская балалайка!), то это верш торжества... [38]

Сатылбаева Надежда Григорьевна Подвиг военных медиков

После окончания мединститута в 1943 году меня провожали на фронт. В больших сапогах и солдатской шинели я прибыла на Карельский фронт, была младшим врачом 239-го стрелкового полка действующей армии.

Прекрасно помню день моего боевого крещения. С группой офицеров мы шли по тропинке лесом в расположении открытого фланга. Услышав перестрелку, побежали на выстрелы. Эта была встреча нашего взвода разведки с разведкой белофиннов. Я подбежала к близлежащему командиру разведки, он был ранен в челюсть. Хотя рана и сильно кровоточила, он дал мне знак, чтобы в первую очередь я оказала помощь раненым разведчикам. Так началась фронтовая жизнь.

Приходилось работать в невероятно трудных условиях. Полк двигался, воевал, вместе двигалась и санитарная рота, приходилось идти по бездорожью, в сырость и грязь, если зимой-то на лыжах, по 60 км в день. При таких переходах давался отдых, во время которого солдаты в мороз ложились на снег и отдыхали. Костер разжечь было нельзя, а, следовательно, высушить валенки, портянки и согреться.

Многие фельдшеры из нашего полка не вернулись с войны. Молодые и способные фельдшеры: Петя Громов, Ашот Барышьян мечтали стать врачами после войны; но их мечта не сбылась. Погиб смертью храбрых фельдшер Дергунов и многие другие.

В обязанность медработников полка входили заботы о сохранении и восстановлении здоровья солдат и офицеров и оказание медицинской помощи раненым. В условиях ожесточенных кровопролитных сражений раненые и больные, возвращаясь после лечения в строй, являлись одним из основных источников пополнения Вооруженных Сил. 72,3 процента раненых, 90,6 процента больных, возвращенных в строй, такого не знала история военной медицины. Это является великим подвигом военных медиков.

...В нашем полку были свои герои, незабываемые. Боец – рядовой Харламов героически погиб – закрыл собой амбразу-

ру. Это было так. Батальону нашего полка было дано задание, очень серьезное и трудновыполнимое – разгромить противостоящий гарнизон, где противник хорошо окопался, укрепился. Завязался бой. Пошла стрельба из амбразуры по нашему батальону. Многие погибли, а рядовой Харламов незаметно подполз к амбразуре и своим телом закрыл ее. Этим самым он спас жизнь многим и создал условия для выполнения данной боевой операции. Гарнизон противника был разгромлен. Рядовому Харламову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В этом же бою погиб наш коллега, батальонный фельдшер Дергунов, совсем молоденький, нежный, скромный, мечтал после войны учиться в медицинском институте, стать врачом. После боя его тело принесли к нам в землянку. Похоронили его с фронтовыми почестями.

...Я горжусь тем, что частица моего труда есть в этих цифрах. А ещё больше я горжусь тем, что принадлежу к поколению, которому выпало честь освободить нашу землю от фашистской нечисти [39].

Смирнова Екатерина Романовна

Было очень страшно, когда мы утром увидели ямы от бомбёжки

Во время войны я работала в тыловом госпитале, в Саратовской области. Пришел приказ ехать на фронт. Сталинградское направление. На одной железнодорожной станции наш эшелон поставили между двумя эшелонами уже там стоявшими. Был вечер, нас долго не пропускали, ночью налетели самолеты и сбросили три очень большие бомбы.

Бомбы упали на таком расстоянии, что осколки летели прямо через нас, а от сильной взрывной волны нас защитил эшелон, загруженный боеприпасами, и мы не пострадали. Но если бы бомба упала на эшелон с боеприпасами, то от нас всех не осталось бы и следа. Было очень страшно, когда мы утром увидели ямы от бомбежки.

Пока доехали до места назначения, нас бомбили еще несколько раз. Были жертвы, и я была засыпана землей от разорвавшейся

бомбы, оглушило сильно, но все прошло. Много было страшных случаев. Все не опишешь. Но вот один случай опишу, где я могла погибнуть.

Это было в Польше. Всему персоналу госпиталя дали 2 дня для отдыха. Но на ж/д станции нужно было погрузить лежащих раненых для отправки в тыл. Мне сказали собраться. Собираться недолго, и я пошла к машине, но тут меня отозвали и послали другую девушку. На следующий день нам сообщили, что при погрузке раненых налетели самолеты и превратили все в месиво, смешали живое и мертвое.

В это же утро всему персоналу приказывают погрузиться в машины и ехать в лес. В лесу все девушки взялись за стирку и мыть головы. Но неудача, часа через 2 как разгрузились, к нам пригнали машины, быстро грузиться и уезжать. На месте оставили некоторое имущество и троих выздоравливающих солдат. На другой день утром послали за вещами и солдатами.

Ночью налетели самолеты и точно то место, где мы были расположены, превратили в пепелище. Солдаты говорили, что самолетов было очень много и бомбы просто сыпали на это место. Солдаты спаслись, разбежались в разные стороны до того, как начали бомбить [40].

Смолякова Нина Тимофеевна

Никогда в жизни потом так не хотелось спать

Перед самой войной я работала на 1-м авиационном заводе имени Сталина, в районе станции метро «Динамо», Боткинской больницы, аэропорта. Однажды на заводе побывала немецкая делегация, которая участвовала в заключении договора, известного в истории под именами Молотова–Риббентропа. В цехах всегда была чистота идеальная, кадушки с пальмами, розы, кафетерий при заводе прекрасный. В составе делегации было семь человек, наши комсомольцы показали им весь завод. Такая накануне войны была обстановка, сейчас об этом много написано. А бабушка моя, пережившая первую мировую войну, на которой погиб дед, сказала: «Не верьте этим псам!» – и была права.

В ночь с субботы на воскресенье 22 июня у меня была сверхурочная работа, и известие о начале войны застало на рабочем месте. Мы еще, ничего не зная, удивились – что-то начальник наш сегодня такой хмурый, лица на нем нет. Обычно Алексей Петрович всегда веселый... И тут парторг объявляет: «Война, товарищи!» Нас сразу оставляют на заводе на трое суток, завод осваивает производство новых самолетов... Никогда в жизни потом так не хотелось спать, как в ту первую военную осень. На работу все приходят со своими подушками, по сигналу воздушной тревоги – в метро, ноги к рельсам, подушки под голову...

В октябре 1941 года, когда немцы стояли под Москвой, завод эвакуировали в Куйбышев, а нам сказали: «Транспорта нет, идите пешком...» Ну, куда я пойду? До сих пор остался в памяти яркий эпизод. 16 октября, над Москвой висят аэростаты воздушного гражданства, я иду на улицу Правды купить хлеба, а через улицу перейти не могу. Все запружено транспортом – лавина автобусов от Тушино с беженцами, даже по тротуарам едут...

Осталась в Москве, поступила на работу в академию, где и встретила с мужем – Федором Тарасовичем. Кстати, в 1944 году, когда он закончил свою учебу, его оставляли начальником курсов, но он рвался на фронт, говорил мне: «А это ты понимаешь, что мы должны Родину защищать?» – так и уехал [41].

Сосунова Зинаида Филипповна

Лётчики удивлялись стойкости и выдержке девушек-оружейниц

Закончила восьмой класс, когда началась война. Сначала даже не верилось, что такое возможно, а потом была первая бомбежка. Семья жила тогда в Тушино. Советские самолеты поднимались с аэродрома, защищая небо столицы, били по врагу зенитки. Все, что было в их силах, делали ребята из класса и сотни других московских школьников. Ежедневно дежурили они на крышах домов, подвергаясь смертельной опасности, тушили зажигательные бомбы. Но страха не было, только бесконечная ненависть к тем, кто в один день отнял у них годы детства.

Так и не пришлось пойти в девятый класс. Осенью 41-го отец и брат ушли на фронт. Надо было помогать матери, и я устроилась на завод швеей-мотористкой: вместе с такими же девочками, как сама, шила парашюты. В мае 1943 года был объявлен комсомольский призыв. Пришла в военкомат с просьбой отправить на фронт. В то время формировался авиаполк. Мирные, старенькие, сугубо гражданские У-2 стали ночными бомбардировщиками. Туда и была зачислена оружейником.

С трудом оторвавшись от взлетной полосы, уходили на боевые задания до предела загруженные бомбардировщики. Бомбили захваченные фашистами железнодорожные станции, аэродромы, скопления вражеских войск. Советские летчики действовали с предельной самоотверженностью. А на земле их возвращения ждали оружейники, чтобы подготовить необходимое снаряжение, пушки, пулеметы, снаряды к новым вылетам – их насчитывалось до восьми за ночь.

Полк продвигался в Орловско-Курском направлении. Постоянные ночные полеты слились для всех в одну длинную-длинную ночь. Привыкшие к лишениям и трудностям военные летчики не переставали удивляться стойкости и выдержки девушек-оружейниц. Для тех же самым страшным были не бессонные ночи и даже не частые бомбардировки аэродрома, а если кто-то из летчиков не возвращался с боевого задания.

В воздушных боях под Курском и Белгородом полк понес большие потери и был отправлен под Москву на переформирование. Он пополнился новыми ИЛ-2 – самыми, пожалуй, знаменитыми штурмовиками Великой Отечественной войны – и уже в этом составе двинулся на запад. Украина, Молдавия, Югославия, Болгария, Венгрия – долог был путь до границы с Австрией. Отступая, гитлеровцы огрызались, разрушая и грабя все на своем пути, оставляя кровавый след не только на земле, но и в душах людей. Навсегда в памяти осталась тишина, которой встретил советских солдат венгерский поселок Мадоча. Запуганные фашистами жители попрятались в подвалы и на чердаки. В доме, куда поселили с подругой, нас встретили только старики. Но лишь несколько часов потребовалось для того, чтобы люди поняли; перед ними не очередные завоеватели, а освободители. Внучка хозяев – 18-летняя

девушка с удивлением рассматривала свою ровесницу из далекой Москвы, потертую солдатскую гимнастерку, которую украшала медаль «За боевые заслуги». Да, долог был путь до счастливого дня 9 Мая [42].

Терехова Таисия Васильевна
Я прошла до Кенигсберга

Война застала меня в городе Подольске, где призвали в армию. 31 сентября 1941 года попала в военный госпиталь, где проработала год. Потом перевели в действующую 31 армию 251 дивизию 923 стрелковый полк, который стоял в городе Дмитров. Вот от Дмитрова дошла до Клина, где была ранена в ногу и сама попала в госпиталь. После лечения меня направили в ту же армию, которая была уже под Ржевом. Ехали мы на трех машинах: кухня, санитарка и охрана. У нас не хватило бензина, и мы, 9 человек остались, а наша часть ушла вперед. Но немцы еще оставались кое-где в укрытии. Мы связались с партизанами, которые нам помогли. Вдруг, откуда ни возьмись, появился мальчик и сказал, что в деревне немцы жгут дома. Мы сообщили нашим, что находимся в опасности, так мы спаслись. Потом все пошло своим чередом. Я прошла со своей дивизией до Кенигсберга, где была контужена. За время войны я вынесла с поля боя 284 война, за что была награждена орденом Отечественной войны 2 степени... [43]

Титова Ольга Михайловна
Рядовая, четвёртый орудийный номер

Родилась в БССР – Витебская область Ушацкий район деревня Слобода, 9 мая 1927 года в крестьянской семье из 8 человек! Закончила 4 класса в Белоруссии 1 класс в России.

22 июня деревня Холутовара на бывшей территории Финляндии. Туда приехали по переселению правительства на льготных основах в Корело-Финскую республику. Заселяли на эту территорию со всей России. Кто туда ехал, освобождался на 3 года от всех

налогов. Переехали туда в августе 1940 года, а в 1941 году началась война.

Было воскресенье, в деревенском клубе были танцы, белые ночи, рядом очень большое красивое озеро лес и в 6 км. От этой деревни проходит река Шуя, а через нее железнодорожные шоссейные мост, связывающий наш район с Петрозаводском. Мы с братом катались на озере, «настроение было прекрасное, даже отдаленного предчувствия чего-то плохого не было», а в клубе были танцы. В этот день полетели финские самолеты. Они пытались бомбить железнодорожный мост через р. Шуя и шоссейный мост, но там стояли наши войска.

Все поняли, что началась война т.к. знали из рассказов о войне 1939–1940 года. Знали об ужасах финнов, которые стреляли в наших солдат. У финнов были еще «кукушки» – солдаты сидели на дереве и стреляли оттуда в наших солдат, потом спрыгивали, вставали на лыжи и уезжали.

Это было ужасно. Всех детей отправили сразу в погреба, в подвалы. Помню слезы матери и женщин-соседей, перепуганные лица младших братишек и сестреноч. И через неделю в школу начали привозить раненных со стороны границы. И 14 июля собрали всех жителей колхоза, скот и все начали отступать всем колхозом через Петрозаводск до Онежского озера. Жили в лесах всем колхозом. Гнали колхозный скот и собственный. В сентябре пошли в Неампозерском районе Корело-Финской республики, где начали ходить в школу, а родители в колхоз. Все население было встревожено, так как находились на бывшей финской территории и в их домах.

При наступлении финских войск снова была команда эвакуироваться, но из-за отсутствия лошадей, которых в этот день не нашли, эвакуироваться не удалось. А на второй день отрезали путь к отступлению по реке Свирь и они оказались на оккупированной территории.

Зимой жили в деревне Залесье. Летом 1942 до зимы 1942 жили в деревне Качезеро. Работали на полевых работах у финнов. Осенью 1942 всю семью отправили на лесозаготовки и угольные разработки на берег Онежского озера. В мае 1943 всю семью перевезли в деревню Деревянная в 26 км. От Петрозаводска. Когда наши войска отступали, там тоже был бой, потом в мае 1943 году жен-

щин находили наших солдат в лесу, в канаве и даже подруга нашла дневник офицера и там были написаны песни. Ходили хоронить этих солдат, пролежавших там с 1941 года.

В начале июля нас – группу молодежи 18 человек, финны угнали в Финляндию с лошадьми. Проехав больше 40 км от Петрозаводска, группа молодежи разбилась по 2-3 человека и под видом, что пошли в туалет сбежали. Неделю не показывались, а через неделю жителей деревни Деревянная финны угнали в лагерь №3 Петрозаводска, где их освободили наши войска.

Кушать было нечего. Согнали нас всю деревню (150 человек) в баню. А через 3 дня мы с учительницей бежали, (пролезли под проволокой) и пошли в нашу деревню, а в деревне полно финнов – по дороге отступают. Учительница говорит: «Пойдем, найдем со мной в школу», а стены чернилами излиты. Я финнам говорю: «Как вы воюете с этими тетрадками и книжками?» А они мне ответили: «Молчи, а то мы тебя сейчас убьем», а второй: «Здесь не ходите, вся деревня заминирована».

А мы видели, что финны отступали и не хотели идти в лагерь. Тем временем нас заметило командование: « Кто такие? Откуда?» А мы с учительницей уже придумали версию о том, что мы сопровождали обоз Финляндию и нас отпустили, и вот мы пришли и не знаем где наши родители. И командование приказало посадить нас сразу на первый попутный транспорт и в Петрозаводск, в лагерь. Так нас отправили вновь в лагерь. А потом прошло 3 или 4 дня, и Петрозаводск освободили. С моря подошли и обстреляли с «Катюш». Петрозаводск почти без боя сдали финны.

После освобождения стала работать в деревне почтальоном, ходила в Петрозаводск за 26 км пешком иногда на сломанном велосипеде. В августе сама себе принесла повестку с военкомата: «Явиться в военкомат!». Явилась в военкомат и с азу взяли в штаб дивизии, а через 3 дня уже была в дивизионе – рядовая, четвертый орудейный номер отдельного артиллерийского дивизиона. Были на Карельском фронте до апреля 1944, а потом дивизион перебросили на Дальний Восток, где и закончилась война.

В этот день (а у меня день рождения) я стояла на посту, и нам позвонили и сказали, что война закончилась. Радости не было предела, но праздновать нельзя было, потому что ждали открытие

второго фронта с японцами. Была все равно боевая подготовка и дежурство. Но уже чувствовалось облегчение. В октябре 1945 года демобилизовалась [44].

Чернова Нина Яковлевна **Я знаю войну не из книг и кино**

Я знаю войну не из книг и кино. От начала и до конца войны от стен Москвы до Кенигсберга я прошла путь в составе медико-санитарной 5-ой гвардейской дивизии, и все четыре года войны спасала раненых у операционного стола. Поэтому достоверно могу утверждать о мужестве и героизме, стойкости и самопожертвования наших солдат и офицеров. 22 июня 1941 года вечером получила призывную повестку. 23-го числа одела военную форму. Через несколько дней в составе медико-санитарного батальона 107 Сибирской дивизии прибыла под город Ельню. За стойкость, мужество и взятие города Ельню 107 Сибирская дивизия заслужила почетное звание 5-я гвардейская дивизия.

1418 дней и ночей, не выходя из операционной палатки по двое-трое суток, ассистируя сменяющимся хирургам, спасала раненых воинов. Зачастую приходилось оперировать под артиллерийским огнем, бомбовыми ударами с воздуха. А были случаи, когда от ударной рядом разорвавшейся бомбы, срывало операционную палатку, раненных сбрасывало с операционных столов, нанося им дополнительные травмы, переломы конечностей. И все нужно было начинать сначала. Под воем взрывов снова устанавливали палатки, стерилизовать хирургические инструменты, вновь стерильно готовили себя к операции. Сколько на это затрачено физических, моральных, нервных сил! Познать это можно, только пройдя через четырехлетнее смертельное горнило, при этом, если выдержат нервы, и ты останешься жив.

Медицина не всемогуща, и на операционных столах умирали от большой потери крови тяжелораненые. Если бы вы только видели, с каким мужеством, стойкостью и верой в окончательную победу нашего народа уходили из жизни эти героические люди! И послед-

ние предсмертные слова их были о горькой обиде, что они уходят из жизни, не добив фашистов в их логове, а в первые дни войны – об отсутствии в битве танков и самолетов. О чем они просили нас, медиков? Они просили о том, чтобы мы обязательно передали весточку матерям и женам, родственникам, что они честно выполнили свои долг. Любовь к родным олицетворяла Родину. Родина для каждого из нас – мать, дети, родные места. Эта любовь придавала им силы и мужество. В составе 16-ой армии Центрального фронта обороняла Москву.

6-го декабря 1941 года войска Западного фронта перешли в контрнаступление, в том числе и 5-я гвардейская дивизия. В дальнейшем она вела оборонительные бои под городом Гжаском на реке Угре, громила немецкие войска под Витебском, освобождала Белоруссию, Литву, штурмовала город-крепость Кенигсберг, крепость Пиллау, форсировала 800-метровый пролив Зеетиф, очистила от врага Фрише-Нерунг. Войну я закончила после взятия Пиллау в ночь на 1-е мая 1945 года. Демобилизована в сентябре 1945 года. 5-я гвардейская дивизия награждена Орденом Боевого Красного Знамени за Ельнинскую операцию [45].

Чистова Анна Павловна

Мы вели жестокую борьбу с бандитами

22 июня 1941г. я готовилась к госэкзаменам со своими товарищами по учебе.

В 12 часов дня мы услышали о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Госэкзамены наш курс сдал досрочно. Всех ребят нашего курса призвали в Советскую Армию, а девочек направили работать кого куда. Я получила направление на строительство аэродромов техником по автоделу.

25 августа 1942 г. меня призвали на службу Советской Армии по специальности в грозненскую дивизию ВВ НКВД автотехником взвода. В январе 1943г. я была направлена автотехником автоколонны в Карачаево в распоряжение дивизии ВВ МГБ для выполнения спец. заданий. В марте 1943г. наша дивизия вступила в бой с гитлеровцами. Моя автоколонна, где я была автотехником, подвозила на передовой линии орудия, вывозила

с поля боя раненых, подвозила боеприпасы и горючее, за что я была награждена медалью «За боевые заслуги» и медалью «за оборону Кавказа».

С 1944г. наша дивизия ВВ МГБ вела борьбу с бандитами-бендеровцами в Украине г. Сарны, в Белоруссии г. Ошмяны. Потом дошли до Белостока и нашу дивизию обратно повернули в г. Гродно для борьбы с бандитизмом. В лесу после тяжелого боя в июле 1944г. я была принята в кандидаты КПСС, а в июле 1945г. в члены КПСС.

9 мая 1945г. пришла долгожданная Победа. Началась демобилизация наших солдат. Как хотелось мне поехать домой, увидеть родных, разделить вместе с ними горе, которое принесла война. У меня под Севастополем погиб брат 22 года и два дяди родных, но в наших войсках МГБ война была в самом разгаре. Я была направлена в 273 стр. Гданский полк ВВ МГБ, в Литовскую ССР г. Таураге, где мы вели жестокую борьбу с фашистскими остатками и литовскими бандитами, которые скрывались в лесах Прибалтики и пытались наносить вред нашему народу.

Прослужила я в Таураге 6 лет. В 1951г. наш 273 стр. Гданский полк ВВ МГБ выполнил правительственное задание и был расформирован. Меня вместе с мужем направили в Азербайджанский пограничный полк. В 1952г. у меня родился сын, меня демобилизовали, а когда демобилизовался муж, мы переехали в поселок Иваньково [46].

Шамарина Галина Степановна

До сих пор дают себя знать раны

На исходе зима 1944 г. Латвия. Наша опергруппа связи обслуживала НП. Ночью приехали в лесок недалеко от передовой. Наблюдатель был на сосне, а наша землянка – рядом. Налаживали связь, нужно было готовить завтрак (мы получали продукты сухим пайком, т.к. часто приходилось переезжать). Командир послал меня разыскать воды.

Лесок был забит техникой: замаскированные танки на исходном рубеже, разного рода артиллерия, у опушки-«катюши», в об-

щем, все готово к бою. Лес обстреливался противником. Я ушла за километр, где шло захоронение в братскую могилу убитых в бою. Вот и кухни. Одна перевернута от снарядов, в другой, у танкистов, мне дали воды. Возвращаюсь, а нашей землянки уже не существует – прямым попаданием она разрушена. Я бы хотела всплакнуть, ведь там были мои товарищи, но командир остановил меня:

– Ладно слезы-то распускать, бросай воду, все равно уже есть не хочется, да и продуктов уже нет. Есть резервные телефоны в машине, будем искать концы проводов и у сосны, пока нет коммутатора, будешь соединять провода.

Тут подошли танкисты:

– Девушка, может, вам помочь? Они устроили костер, чтобы греть руки. Товарищеская помощь на фронте была особенно сильна.

Работы оказалось настолько много, что я и не замечала, как грохотала наша артиллерия, как ушли танки в бой, как играли «качюши». Только потом увидела, что весь соседний лесок был без макушек, а к грохоту и шуму я уже привыкла, ведь на фронте была с июля 1941 года. За эти годы я не только выполняла работу связиста. Приходилось вытаскивать с поля боя раненых, перевязывать их. Да и меня пуля не миновала. До сих пор дают себя знать раны... [47]

Щербакова Александра Ивановна **Они очень удивились, откуда дети в прифронтовой полосе**

22 июня 1941 года я с подругами пошла купаться на Волгу (город Кимры), и вдруг прибегают старшие и говорят, что началась война. Началась суматоха, никто толком ничего не знал; стали слушать сводки по радио. Старшего брата еще до войны призвали в армию. А мой папа, 1898 года рождения, пошел на войну добровольцем. Когда немцы подошли к Калинин, в Кимры стали поступать эвакуированные.

В 1942 году начали образовываться банно-прачечные отряды. И папа после первого ранения был назначен старшиной такого отряда, который располагался под селом Асташковым. И я с сестрой

(мне было тогда 14 лет, а сестре 22 года) решили поехать навесить отца. До Асташкова ехали товарником, и, как только подъехали к станции, началась большая бомбежка. В это время на станцию приехал отец и очень удивился, когда увидел нас. Вместе с отцом доехали до Асташкова, зашли в дом, и опять началась бомбежка. Мы только успели выбежать из дома, как прямо на то место, где мы до этого сидели, рухнула стена. Мы с сестрой очень испугались; отца и медсестру ранило. Мы поехали в отряд к отцу, а он сам попал в госпиталь.

С неделю я прожила в этом отряде. Уехать было практически невозможно, и нам предложили вступить в этот банно-прачечный отряд. В нем работали в основном молодые девушки. Мы согласились и стали вместе со всеми стирать белье для госпиталей. Через месяц сестру отпустили домой, а я осталась. В Асташково пробыли месяца три, а потом наш полевой прачечный отряд № 168 отправили ближе к фронту, к станции Парфино, около реки Ловать. И там я проработала в этом отряде до середины декабря 1943 года. Работа была очень тяжелая, работали по 12-14 часов в сутки. Но мне все же было полегче, так как мне было всего 14 лет, и я только полоскала белье, но не стирала. А наши прачки стирали по 200 штук белья в день. Часто голодали, так как продовольствия привозили очень мало.

В декабре 1943 года весь наш отряд поехал на отдых под Верхний Волочек. Нашим начальником был Фунтов, его тогда ранило, а другой начальник разрешил мне вернуться в Кимры приблизительно на две недели. Но в Кимрах в военкомате мне не разрешили вернуться, и я осталась работать ученицей счетовода и проработала до 1946 года, а в 48 году в июне я приехала в поселок Иваново. ... Помню такой случай: когда наша часть стояла под Старой Руссой, начальник послал меня с парнишкой за продуктами. Обратный путь мы решили сократить и поехали через поле, а оно, как потом мы узнали, было заминировано. Нам вслед солдаты стреляли, кричали и вернули нас обратно. Они очень удивились, откуда дети в прифронтовой полосе. Пока я работала в прачечном отряде были и бомбежки, и обстрелы. Сначала я очень боялась, но потом до такой степени уставала, что засыпала даже во время бомбежки, ведь работала я по 14 часов в день... [48]

Эрминбрик Лидия Сергеевна
О работе санитарки много не скажешь

Сообщение о войне мы слышали на даче в 100 км от Ленинграда. Вскоре, не занятых на производстве жителей города, стали посылать на оборонные работы (рытье окопов).

Нас выгрузили из вагонов на открытую местность и повели по солнцепеку к месту работ. Сразу приступили к делу, и вскоре над головой стали появляться немецкие самолеты. Пребывание наше на этих работах затянулось. Спали, где придется, в зависимости от перемещения – то на земле, сбившись в кучу, то в избах. За это время так успели все завшиветь, что одежду пришлось сжечь.

Устроилась санитаркой в военный госпиталь, который до конца войны входил в состав действующей армии. О работе санитарки много не скажешь – круг обязанностей был определенный и понятный, многие раненые по возрасту годились мне в сыновья и нередко были из тех мест, которые оказались в оккупации, а значит, беспокоились о судьбе близких, если те не успели уехать... Приходилось подбирать слова, чтобы как-то их успокоить [49].

В тылу, как на фронте

*В нашей жизни вроде б и не было
Ни этапов больших, ни вех.
Просто гудок требовал
Каждое утро в цех.
Шли умелые, неумелые,
Чуть знакомые и друзья,
Одно общее дело делали,
Без которого жить нельзя.
...Всё тебе отдавали, Родина.
Как подарок несли успех.
После поняли сколько пройдено
И этапов больших, и вех!*

Г.Семёнов

...С первого же дня я получил новое срочное задание, связанное с подготовкой к эвакуации оборудования и завода в целом. К этому времени Савеловский завод №30 получил №288, а новым директором был назначен Чеблуков Н.И., до этого работавший на заводе старшим военпредом. Война в разгаре, мы отступаем, немцы приближаются к Москве. Завод наш и я с семьей (мать и 2 сестры) 17-20 октября грузимся в вагоны, ждем отправки. И в дни нахождения нас в вагонах город Кимры был подвергнут бомбардировке. На наших глазах почти все бомбы оказались в Волге и лишь одна угодила в Кимрский театр. Завод не пострадал.

Первый эшелон с нашего завода был отправлен за несколько дней ранее и в Санкове подвергся бомбардировке. 23-25 октября 1941 г. наш эшелон отправился через Москву, где стоял несколько дней в Перове и не мог выбраться из Москвы в виду ее бомбардировки. В конце октября мы прибыли к месту назначения – «Чкаловск Горьковской области». Но ввиду опасной ситуации нас не разгружали и решали нашу судьбу в Государственном Комитете обороны.

В начале ноября, когда мы еще стояли в Правдинске, стало известно, что мы будем отправлены в г. Омск. 7-го ноября г. Горький подвергся бомбардировке, а 8-го ноября мы вечером пересекли Волгу и поехали в Омск, которой нас встретил ярким освещением, без маскировки. Так в конце ноября закончились наши железнодорожные мытарства. Одновременно надо отметить, что организация эвакуации была не плохая, так как в пути мы находились в тепле, голодными не были, получали в вагонах продукты, и даже регулярно, в срок получали зарплату.

В Омске наш завод №288 влился в экспериментальные мастерские при ЦКБ-29, где начальником был майор госбезопасности Кутепов, а директором завода – Герой Советского Союза Ляпидевский. Главным инженером стал наш знакомый по Савелово Литвиненко С.П. В этом ЦКБ-29 уже работали главные конструкторы: Туполев А.Н., Королев С.П., Бериев Г.М., Томашевский, Мясищев В.М., Челомей, Сухой, Грушин, Цибин, Бартини, Мель-

ников. Большинство работников ЦКБ-29 были заключенными и на работу их водили вместе под охраной и с собаками. Это мы наблюдали ежедневно, так как отдел главного механика находился в помещении проходной завода.

...Условия жизни были, конечно, не савеловские, но спроса нет, ведь идет страшная война. ...Заводу в г. Омске (Кировский район) самому приходилось заботиться о своем снабжении, и мы были не в обиде, так как, кроме продуктовых карточек, что получали все, были дополнительные пайки (мука, крупы, сало, утки, кекс и др.). А главное, что мы находились в тепле, нас не плохо кормили в столовой, которая была «под боком» и рядом мощный мелькомбинат, где многие наши подрабатывают разными путями.

Заводу самому приходилось заготавливать дрова и доставлять свои транспортом. Однажды при перевозке дров трактором имеющиеся большие сани развалились, их ремонтировали, но они окончательно вышли из строя и гл. инженер принял решение изготовить новые и по традиции обратился к гл. механику, который направил к гл. инженеру меня. Литвиненко усадил меня за свой «кульман», за которым он сам иногда что-то чертил. Подсказав мне свои соображения, он сказал, что сильно занят, дал мне срок – «не выходя из его кабинета». Здесь я ночевал, и здесь меня кормили. Проект был выполнен в срок, и мы с ним отправились на площадку где уже сваривались сани. Такие «сварганили» сани, что все восхищались. После нескольких поездок они испытания выдержали. В период моей работы в кабинете гл. инженера мне выдали документ, название «Стахановец военного времени». Поэтому красному «флажку» в столовой давали бесплатно второе блюдо. Обычно это была котлета с гарниром, но иногда котлеты были из крови, которые я есть не мог и приносил их домой.

...Основная масса эвакуированных с Савелова была первоначально размещена в кинотеатре, а работники ОГМ были помещены в размороженное помещение клуба при мелькомбинате с расчетом восстановить отопление своими силами. Так оно и было, но не на длительный срок. Через некоторое время всех заставили искать себе частным порядком жилье.

Поскольку завод находился в Кировском районе г. Омска, в котором частный сектор был в основном из небольших украинского типа мазанок, на хорошие условия жизни располагать нам не приходилось. В связи с этим, первые дни мне с семьей так и другим работникам ОГМ, также и моему начальнику Шошину П.С., у которого был грудной ребенок, пришлось жить в не отапливаемом помещении.

23 февраля 1942 г., ко дню Красной Армии мне вручили повестку в военкомат и я был с завода уволен, получив расчет и некоторые продукты на дорогу для отправки в Новосибирскую минометную школу среднего командного состава. Но комиссией был забракован по состоянию здоровья, связанного с болезнью ноги. На другой день я опять стал работником 288 завода, где действовала отсрочка от армии.

Подрабатывая на разгрузке барж на Иртыше (не далеко и от завода), искупавшись я заболел малярией, которая меня сильно трепала. Приходилось заранее уходить с работы домой и забираться под одеяло. Одна беда, говорят, не приходит – сильно заболело сердце (невроз сердца). Направили в поликлинику, а оттуда как военнообязанного положили на месяц в госпиталь на исследование. По результатам статью изменили на нестроевую службу.

В 1942 г. было взято немцами Запорожье и наш завод и опытное производство при ЦКБ-29 оказалось без дюралья. Это была большая беда. Все встало. Было принято решение ГКО о срочном переводе производства на «фанерный вариант». Легко сказать, а как это сделать? Это очень трудная и конструкторская и производственная задача, даже специалисты встали в тупик. Но идет война. Указания сверху – сроки прежние. Днем и ночью идут работы: начали сначала делать новые плазы. Конструктора и технологи ломают головы. И что-то уже стало вырисовываться, стало после мучительных дней и ночей. И вдруг, приятная весть – с Америки пришел транспорт, и мы получили большое количество дюралья марки 24-ST различных толщин. Настоящая радость до слез, – сам наблюдал и тоже от торжества не ушел, от радостных слез, и домой явился с мокрыми глазами.

...И вновь беда. Я, как и многие, питаюсь в столовой, отравился селедкой и кажется сильнее, чем все. Лежал дома в беспя-

мятстве с $t^{\circ} +42$. Мама меня уже оплакала, говорила, что такого страшного меня никогда не видела, но все же я выжил. ...Зимой 1942 г. по работе мне пришлось находиться на новом еще строящемся авиационном заводе №166 г. Омска. На другом берегу Иртыша при 40-градусном морозе, вечером, при свете протекторов А.Н. Туполев доводил свое детище ТУ-2. То он забирался по стремянкам на крыло, то забирался в кабину пилота и вдруг оказывался под фюзеляжем. Чувствовалось, что близок срок сдачи в серию, ведь он дал обещание Сталину сдать в какой-то срок, и он будет освобожден.

Осенью 1942 г. и в 1943 г. в рабочее время мы специально выходили к аэродрому нашего завода наблюдать, как шла посадка эскадрильи американских самолетов «Норд Америкен» поставляемых нам Соединенными Штатами. Это было для нас приятным событием и давало нам большую уверенность в нашей победе и приятное чувство, что у нас есть союзники, которые нам помогают.

Весной 1943 г. угол дома на улице Сурова, сзади которого мы проживали, вывалился и проживающие в нем люди выехали. Дом этот пустовал. Наша соседка рядом, подсказала нам, что хозяйина этого дома сейчас реабилитировали благодаря того, что его сын стал Героем Советского Союза, и он проживает при «Сибках» (Сибирской Академии) здесь в Омске. И даже порекомендовала мне съездить к нему и договориться с ним чтобы нам перебраться в него. предварительно сделав ремонт. Так мы и сделали. Оформили с ним договор на бесплатное проживание. Отец с колхоза привез материал, мы сделали ремонт и заняли этот дом, в котором мы разместились. Весной на участке были посажены картофель, помидоры и даже табак для отца. И так мы зажили, как на Украине. В июне, июле уже пользовались молодым картофелем и помидорами.

7 августа 1943 г. моя семья увеличилась – родилась дочка-счастье мое, а через несколько дней, как гром среди ясного неба, прозвучало известие, что все приехавшие расстаются с Омском. Одна часть уедет в Казань, другая – в Москву. ...Я и моя сестра оказались в списках уезжающих в г. Казань. Сестра была отправлена с первой группой, а я со своей семьей (женой и дочкой) со второй. ...Мои родители с младшей сестрой оставались в Омске. Расставались с Омском с большим сожалением, так как там мы были с

хорошим жильем, работой и за эти 2 года уже обжились. Очень сожалел также, что приходится расставаться с коллективом ЦКБ-29, где уже было много знакомых хороших людей, а также с моими руководителями с которыми я сработался, как в Савелове, так и здесь, в Омске (Гл. инженер Литвиненко С.П., Гл. механик Челышев А.Ф., нач. бюро оборудования Шошин П.С. и др.).

...В середине августа мы уже были в столице Татарии, где нам пришлось столкнуться с массой трудностей. Прямо с вагонов нас разместили с грудным больным ребенком в бывшем музее. Завод жилья никому не предоставлял, и самим пришлось искать частное. Но, желающих пустить на уплотнение с ребенком – не было.

Приехав в Казань, мне пришлось сменить свою специальность и устроиться в Лабораторию испытаний конструкций самолета (ЛИКС) при ОКБ Мясищева. И так я с работой ОГМ расстался, где проработал первые 5 лет в своей жизни, и началась в военное время новая жизнь, и новая работа в чисто авиационной сфере, при серийном и опытном производстве на заводе № 22. В этой лаборатории мне пришлось проработать до конца войны и участвовать под руководством кандидата технических наук, начальника ЛИКСа Стригунова В.М. и его заместителя Щетинина К.Н. (в последствии начальника ЛИКСа) в статических и динамических испытаниях самолета ПЕ-2 и его модификаций ПЕ-2И и ПЕ-2М, а также их узлов, агрегатов и деталей.

...За период работы на заводе №22 в военное время мне было вручена медаль «За доблестный труд в период Великой Отечественной Войны» [1].

Бакаева Варвара Ивановна **Копали военным окопы**

Во время войны работала на лесозаготовках. Копали военным окопы. Работа была очень тяжелая, копали по колено в воде. Чтобы топились заводы для изготовления снарядов, патронов и техники, пилили лес. Это был очень тяжелый труд.

Жили в холодных сырых бараках, очень голодали. Часто из-за отсутствия другой еды приходилось есть лепешки из отходов картофеля, а иногда просто жевать лебеду. Большинство людей болело. Люди умирали из-за недостатка медикаментов [2].

Борисова Елена Михайловна
На колхозных полях

22 июня 1941 года. Воскресенье, утро солнечное. Этот день я никогда не забуду. В этот день я сдавала экзамен на 2-ом курсе. Бегу с радостью в общежитие, с отличной оценкой. И вдруг в комнате меня остановили девочки, говорят, слушай... В 12 часов дня передавали сообщение Вячеслава Михайловича Молотова о начале войны. Камень на душу лег. А когда вышла обратно на улицу, идя мимо военкомата, увидела массу мужчин всех возрастов, уже готовых к отправке на фронт.

Хорошо помню осень 1941 года. Враг стремительно рвался к Москве и Ленинграду. И вот в эту осень всю нашу группу послали на уборку в колхоз Кесовоборского района Калининской области. Это вблизи Ленинграда.

Фронт в этих краях стоял близко. Колхоз нуждался в рабочей силе. Страшно было, так как частенько вражеские самолеты сбрасывали бомбы на колхозные поля. Выдержали мы месяц и заработанное отдали в фонд фронта. Затем продолжали учебу. Фронт был совсем близко от Москвы и училище временно закрыли.

31 марта 1942 года был досрочный выпуск нашей группы и нас распределили по районам, освобожденным от врага [3].

Букина Екатерина Егоровна
Настрой был патриотический

Мне было 16 лет. Я жила в деревне Воробьево Псковской области. Закончила 9 классов. Один год не училась, т.к. поранила ногу.

...Мы с женщинами были на полевых работах. Вдруг слышим – мотоцикл. Мы замерли. Это оказались немецкие разведчики. Мо-

тоцикл остановился. Немец требует, чтобы мы подошли. Они развернули карту и спросили на ломаном русском языке, где Вишлево (там находился сельсовет). Они уехали. Женщины окружили меня и стали ругать, потому что на груди была брошь с портретом Ленина (до прихода немцев).

Наши всю молодежь собрали и попросили прийти в поселок Выбор копать противотанковые рвы. Сказали взять с собой еду и лопаты. Мы пошли. Настрой был патриотический. Роем рвы, как показывали военные наши, видим, волнуются они, а стрельба уже близко, рядом ухает, ухает. Только бы успеть вырыть. Набили мозоли, но никто не бросил работу. К вечеру солдаты ушли, ничего не сказали. Мы остались в деревне Деревины, чтобы пойти опять рыть.

Ночь была такая страшная: из ближайшего совхоза гнали весь скот, чтобы не достался немцам – коровы ревут, свиньи визжат, самолеты летают. Утром встаем, берем лопаты, приходим, а там никого нет. Нам кто-то сказал: «Военные отступили, девчата идите домой». Идем лесом (пять девчат), выходят навстречу трое военных и спрашивают: «Девчата, вы немцев не видели?» Мы говорим: «Не видели». Пришли домой – матери в слезах.

В нашей местности немцы появились 18 июля. Они только прошли нашу деревню. Наша деревня стояла на пригорке, а наша дорога «большак», соединяющая бывшую станцию Русаки с поселком Выбор, основная дорога нашей местности. Смотрим, движется темная колонна, не знали, кто это. Когда они приблизились, мы поняли – это немцы. В деревне они не останавливались, никого не тронули.

После 18 июля жили на оккупированной территории. Нас спасло то, что наш край был партизанским. На нем действовала 3-я Ленинградская бригада им. Германа. Партизаны приходят, занимают несколько деревень. Располагаются в наших домах. Мы им рады. Все население их кормит, бани топят. По очереди резали коров, распределяли мясо. Партизаны всегда были сыты. Молодежь выполняла мелкие поручения: узнать, наши ли по дороге движутся и т.д.

Запомнилась одна ночь, когда партизаны пошли на задание в село, недалеко от Пушкинских Гор на берегу реки Сороть. Немцы

что-то праздновали, были пьяными. От партизан, разгромивших их, бежали в одном нижнем белье и бросались в речку. Партизаны вернулись к нам очень веселые и рассказывали все в подробностях. Мы, конечно, этому очень радовались.

Мой папа – кузнец со своей кузницей. Он подковывал лошадей и ковал седла. 1 марта 1944 года освободили нашу местность. У нас всегда останавливались командиры партизанских отрядов. Перед освобождением местности командир отряда представил папу к награде, которую он не успел получить, т.к. партизаны ушли, и на смену им пришла освободившая нас армия.

Долго не могли выбить немцев с Пушкинских Гор. Нас погрузили на машину и отправили за линию фронта, за Выбор. Мы там немножко пожили. Девчатам и молодым женщинам разрешили вернуться, чтобы вспахать лопатами хотя бы немного колхозной земли и что-нибудь засеять. Трудились еще потом 7 месяцев. Меня выбрали секретарем комсомольской организации. Наградили почетной грамотой за работу в тылу.

10-й класс окончила в Пушкинских Горах. Сестра была в партизанском отряде в Карелии. Она была медсестрой.

Нас очень спасли партизаны: молодежь не угнали в Германию, т.к. немцы очень боялись этих мест, но за это они отомстили, – выжгли дотла весь район [4].

Булаев Г.

Мне пришлось насмотреться на море слёз

Я в начале войны жил в деревне Александровке Александровского сельсовета. Мне в то время было 15 лет, и тогда я мало что понимал и представлял о войне.

Стоял солнечный воскресный день, когда по радио передали страшное известие. Я всех расспрашивал, что же случилось, и узнал у взрослых, что Германия напала на Советский Союз. Загудела, зашумела вся деревня. Мужчины собирались группами, понутив головы, обсуждали положение, строили планы. Женщины плакали – они знали, что их ожидает. Ведь у каждой была на руках куча детей – мал мала меньше. Ребяточки перестали играть в дет-

ские игры – как будто повзрослели разом. Одним словом, было так, словно по деревне прошел страшный смерч.

Тут начали приносить повестки отцам, братьям. Конечно, провожали их всей деревней со слезами. Деревня редела. Рабочих рук не хватало, а поля были засеяны, засажены. Ушедших на фронт стали заменять их дети, выполнявшие, несмотря на возраст, всю работу – делали, кто что мог, даже если это было не по силам. Молодых одиноких женщин стали призывать на трудовой фронт. Всех лошадей забрали на войну, за исключением бракованных. Вся деревня трудилась вручную. Несмотря ни на что, все полевые работы выполнялись: каждый знал, что это нужно для победы.

Мне пришлось закончить ускоренные трехмесячные курсы трактористов и вместе с другими подростками заменить на работе ушедших на фронт мужчин. Трактора по мощности были не то что сейчас, а ноги наши не доставали до педалей, поэтому были сделаны специальные сиденья. Работали с утра до вечера, а по ночам дежурили в сельсовете – разъездными (развозили повестки). Вот здесь мне пришлось насмотреться на море слез. Повестки из Кимрского горвоенкомата обычно передавали ночью, и их срочно нужно было доставить адресату. Помню, подъезжаешь в деревне к дому там все спят крепким сном. Не слезая с лошади, стучу в окно, проснутся женщины, увидят разъездного, сразу в рев – знают, что не с хорошими вестями прибыл. И так в каждом доме. Деревня не успевала высушивать слезы: кому приходили похоронки, кому – повестки на фронт.

Война была для всех война, и всем от нее досталось (конечно, по-разному). Моя семья проводила старшее поколение – ушли на фронт в разное время трое моих братьев. Затем очередь дошла и до меня: в 1943 году пришла повестка на фронт. Положение там уже немного улучшилось. Первое боевое крещение принял за Старой Руссой в районе станции Дно. Рядовым (в основном в разведке) я прошел с боями до Берлина. Судьба меня пощадила – остался жив, но следы своей война и на теле, и в памяти оставила... [5]

Булова Анна Павловна
Товарищеская помощь

Нас в семье было 3 девочки. Старшей было 17 лет, младшей – 15. Мне было 16 лет.

Была в клубе самодеятельность своя. Очень радовались, когда играл Володя Шашкин. «А на танцах Шашкин играет!» – и бежали. У кого туфли брали, у кого платья. Менялись. Вот так и ходили на танцы. Молодежь-то жила.

Вот выйдем с завода. Работали, конечно, не по 8 часов. Маскировка, темнота, – не знаешь куда идти, а кругом же окопы нарыты. И вот начальник был у нас Виктор Александрович. Он берет за руку и ведет. И мы все цепочкой идем. Он нас выведет па дорогу: «Ну, теперь идите». А то, бывало, и попадем в окоп.

Что еще интересно, все делали с песнями. И песня у нас была «На закате ходит парень возле дома моего». «В строчках одни точки» – это была наша коронная песня.

...А есть хотелось. Сестра карточки на месяц потеряла, а в семье 6 человек. Сестра работала в КБ. Вот Познер вел передачу и спрашивал, что такое советский человек. Я бы ему так ответила, вот именно с этим случаем. И народ тоже жил на одну карточку. Несмотря на это, обошли всех, собрали хлеб (от карточки отрывают, кто 100 граммов, кто 200 граммов, кто – килограмм, кто сколько мог) и принесли ей. А в магазине договорились, что на отоваренные талоны нам хлеб дадут, иначе я не знаю, как бы мы выжили, если бы не эта товарищеская помощь. Потом мать наша нашла карточки, из них 2 детских. Мы повесили объявление, пришел мужчина, плакал, мы ему вернули карточки... [6]

Бычков Фёдор Петрович
**Стремление у нас было одно –
не дать врагу подойти к Москве**

Как только по радио 22 июня 1941 года прозвучала тревожная весть о вероломном нападении врага на нашу Родину, все мы уже

считали себя мобилизованными. Я в числе других коммунистов-железнодорожников был закреплен за головным восстановительного поезда Московского радиуса. Мы восстанавливали повреждения железнодорожного полотна, не считаясь ни с бомбежками, ни с артобстрелами, чтобы эшелоны с войсками и боеприпасами могли беспрепятственно идти к линии фронта.

Особенно сильно врезался мне в память день 22 июля 1941 года. Было это на станции Москва – Товарная по Смоленской железной дороге. Во время налета вражеской авиации в пакгауз, под которым находилось бомбоубежище, попала бомба. В убежище было около 400 сотен человек, в основном женщины, старики и дети. Никого из них не удалось спасти. Тогда мы поклялись жизни не пожалеть для победы над ненавистным врагом.

Наряду с восстановительными работами мы принимали участие в сооружении баррикад, в самые трудные для столицы дни, когда враг уже почти вплотную подошел к городу. Строили баррикады на улицах Горького и Лесной, на Бутырском валу. Стремление у нас было одно – не дать врагу подойти к Москве, отбросить вражескую орду от сердца нашей Родины. И усилия советских людей увенчались успехом, враг был отброшен. А наш поезд продолжал свою работу и после разгрома гитлеровских войск под Москвой [7].

Гриченко А.М.
В деревне работы шли своим чередом

То воскресное утро 22 июня 1941 года началось, как и обычно, с забот по дому. Прошло полгода, как я вышла замуж, муж мой работал колхозным бригадиром в Стариково. Вдруг слышим: «война». Загудела деревня. В тот же день проводили первую группу мужчин. Ушел на фронт и мой муж, Обязанности бригадира поручили мне. Потом была заведующей фермой.

Работали все дружно, организованно. Внезапно обрушившееся на страну несчастье не сломило людей, они видели свой долг в том, чтобы трудом внести вклад в достижение победы.

Прежде всего, это относилось к женщинам. На их плечах лежало и к тому же заботы по дому. И постоянная мысль: «Как там,

на фронте, что с мужем, сыном...» Одна за другой приходили в деревню «похоронки». Осенью 1941 года война подошла к Москве. Тяжелое это было время. И все-таки никак не верилось, что фашисты захватят нашу столицу. В деревне работы шли своим чередом, колхозники старались убрать весь урожай.

В середине декабря через нашу деревню проходили войска. Мы подвозили из леса бревна, чтобы надежнее была переправа через Дубну. Как-то светлее стало на душе, чувствовалось, что есть у нас силы. А вскоре пришло радостное сообщение о разгроме фашистов под Москвой. Война пошла вспять. До победы было еще далеко, она требовала новых жертв и новых усилий.

В разное время ушли на фронт четверо моих братьев, а сестра Надежда – на трудовой фронт. На руках матери осталось еще четверо нетрудоспособных детей.

В 1943 году провожали брата Георгия. Ему было 17 лет, с началом войны окончил курсы трактористов и работал в МТС. Утром того дня мать собрала небольшой узелок, и пошли мы в военкомат. А потом ожидание вестей. Георгий участвовал в освобождении Пскова, Риги, дошел до Берлина. Правительственные награды, благодарности Верховного Главнокомандующего – свидетельство его боевого пути. Георгий Михайлович живет в Дубне, работает в Объединенном институте. Два моих брата не вернулись домой, а третий умер вскоре после войны... [8]

Горенкова Вера Ивановна

Всё остальное время работала в колхозе

Когда началась война, мне было 11 лет. Зимой я училась в школе, а все остальное время работала в колхозе. На войну забрали отца и двух братьев, так что осталась только мать и две младшие сестры.

Всю войну мы и еще одна семья прожили в окопах около нашей деревни. Дело в том, что за 12 километров от нас были немцы, и там шли бои. А войска, которые пришли в нашу деревню, решено было поселить в жилых домах. Всех жителей из-за этого выгнали и эвакуировали, но мы остались.

Вся скотина стала едой для солдат, а нам ничего не осталось.

Но чтобы выжить, мы по ночам ходили к солдатам и просили у них еду. А осенью и весной бегали в поля и рыли землю, чтобы найти там гнилую картошку и морковь. Из них потом мать нам готовила еду – мы были и этому рады.

Когда войска ушли из нашей деревни, нам разрешили вернуться в дома, но нельзя было включать свет, чтобы немцы не разбомбили. В общем, время было очень тяжелое, нам было трудно. Но я не могу винить солдат, так как им было еще тяжелее, чем нам [9].

Грюнова Пелагея Фёдоровна

Но сил не оставалось

Мне было тогда 28 лет, я жила в городе Горький (Нижний Новгород) с мужем и двумя детьми. Муж мой работал шофером, а я сидела с детьми. В первые месяцы войны мужа забрали на фронт, и мы остались втроем. 20 августа по нашей линии была мобилизация. Я пошла работать на химический завод. Но вскоре близ расположенный автозавод начали бомбить, и всех стали эвакуировать. Я с детьми отправилась к матери. Так с 1942 года всю войну я и провела у нее, в селе Ново-Петровка Оренбургской области. Как только мы приехали, я пошла работать в колхоз. Кем я только ни была: и на тракторах, и телятницей, мы и копали, и на прицепы нас ставили. Я даже была депутатом в колхозе.

Честно говорю, было очень трудно. В 3 часа ночи мы вставали и шли к телятам, надо было почистить у них, а их же было более 150 голов; в 6 часов утра мы вновь шли, кормили их. Потом все то же самое было в 10 утра, в 16.00, в 18.00 и в 20.00. В 10 я приходила домой, но сил не оставалось, но надо было пообщаться и с детьми, их-то забывать не хотелось. А еще мы вязали разные вещи и отправляли на фронт солдатам.

Позже пришло известие, что отец без вести пропал, но мы сразу поняли, что он погиб. Было очень плохо. Это психическое давление, к нему еще и сильная физическая усталость, но надо было радоваться, что мы хоть в домах жили [10].

Джелепов Венедикт Петрович
Вклад внёс каждый

Сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну я услышал по радио 22 июня в 12 часов дня. Так как у меня в военном билете лежало предписание в первый день мобилизации явиться в военкомат, то через два часа я уже был там. Лейтенант, принимавший документы, посмотрев на мое предписание (оно было синего цвета), сказал: «Вы, вероятно, недавно из армии? Сейчас мы вас не повезем. Явитесь сюда, как только вам вручат красную повестку».

Через несколько дней в конференц-зал института были приглашены все молодые сотрудники ФТИ, и А.Ф.Иоффе объявил, что по указанию А.А. Жданова (члена Политбюро ЦК партии, первого секретаря Ленинградского обкома) буквально с завтрашнего дня все присутствующие в этом зале переводятся на оборонные работы. Все военкоматы Ленинграда имеют списки с предписанием не брать сотрудников физтеха в армию, как и сотрудников некоторых других институтов.

В течение следующего месяца ядерные лаборатории были сформированы. И.В. Курчатов с сотрудниками своей основной лаборатории перешел на работы по размагничиванию кораблей, которыми руководил в физтехе в то время профессор А.П. Александров (ныне президент АН СССР). М.С. Козодаев и я были направлены в лабораторию профессора Ю.Б. Кобзарева (ныне академика), возглавлявшего в физтехе работы по радиолокации самолетов.

Институту было приказано срочно эвакуироваться в Казань. Скажу прямо: все мы, молодежь, да и старшие руководители не были довольны этим решением, считая, что здесь, в Ленинграде, у нас есть все условия, чтобы работать для фронта, а что в Казани? Сколько времени мы потеряем, пока начнем там работать по-настоящему? Но приказ есть приказ, и 23 августа 1941 года буквально с последним эшелонам мы поздно вечером пошли на восток через станцию Мга. Как потом выяснилось, через несколько часов немцы варварски ее разбомбили и замкнули Ленинград в кольце блокады.

В Казань мы прибыли в первой декаде сентября. Лаборатория Ю.Б. Кобзарева уже начала работать. М.С. Козодаев, до этого мно-

го работавший в лаборатории А.И. Алиханова над созданием электроники для ядерно-физических исследований и хорошо знавший радиотехнику, легко вошел в курс новых разработок. Мне было намного труднее, тем более что радиолокационная техника очень специфична и резко отличается от общей радиотехники, с которой я как-то еще был знаком. Юрий Борисович был прекрасным, внимательным руководителем, а его ближайшие сотрудники – высококвалифицированные специалисты Н.Я. Чернецов и П.Н. Погорелко приняли нас очень радушно, помогли освоиться, и дело пошло. Лаборатории было поручено создать станцию орудийной наводки. Все, начиная с руководителя и включая механиков, работали напряженно с утра до позднего вечера. Были трудности, не всегда могли быстро найти нужные детали и материалы. Мастерские не справлялись в срок с заказами. Но все было преодолено, и в ноябре 1942 года станция была готова. Мы ее смонтировали на автоприцепе. В декабре, разместив саму станцию в товарном вагоне, а прицеп на платформе, Н.Я. Чернецов, я и механик с одним из военных эшелонов отправились в Москву. Так как в вагоне было очень холодно, то обогревались мы керогазом, тем самым грубо нарушая существующие железнодорожные правила.

В середине декабря мы сдали станцию на полигонные испытания. Работа получила хорошую оценку. Это явилось одним из вкладов физтеховцев в дело обороны страны.

В январе 1943 года И.В. Курчатова вызвали в Москву. Несколько позже А.Ф. Иоффе предупредил нас с М.С. Козодаевым, чтобы мы были готовы по первому требованию выехать в распоряжение Игоря Васильевича, назначенного научным руководителем работ по так называемой «урановой проблеме». В июне 1943 года М.С. Козодаев, а в конце июля и я, тепло попрощавшись с Ю.Б. Кобзаревым и его коллегами, отбыли из Казани в Москву.

В связи с правительственным решением 14 августа 1943 года по физтеху был издан приказ: «Организовать Лабораторию №2 в следующем составе: Курчатов И.В., Алиханов А.И., Корнфельд М.О., Неменов Л.М., Глазунов П.Я., Никитин С.Я., Щепкин Г.Я., Флеров Г.Н., Спивак П.Е., Козодаев М.С., Джелепов В.П. Заведующим Лабораторией назначить профессора И.В. Курчатова. Весь состав Лаборатории считать переведенным в Москву на постоянную работу».

Это явилось началом Института атомной энергии, названного впоследствии именем Курчатова. Там началась вторая одиссея в моей жизни. Я рад, что судьба позволила мне в это важнейшее для страны дело внести свою скромную лепту [11].

Дмитриева Нина Васильевна **Боялись одного – похоронок с фронта**

Когда началась война, мне было 20 лет, жила в Конаково. Молодежь мобилизовали на трудовой фронт. Меня взяли в первую очередь. Нас отправили по Волге в Тверь. Рыли окопы в разных точках Калининской области. Противотанковые траншеи были до трёх метров глубиной. Спали в сараях, вставали рано, работали целый день. Были только женщины и подростки.

Когда немцы подошли уже в Конаково нас постоянно забирали на оборонительные работы под Москву. Рыли окопы и в сильный мороз. На строительстве дотов пилили брёвна, подносили доски. Брёвна сами вручную подтаскивали.

Когда немец подошёл совсем близко, нас перебросили на торфяные разработки около Москвы. Рыли торф для отопления – очень тяжелая работа, всё время в холодной воде.

Жили в бараках, терпели нужду и голод, но боялись одного – похоронок с фронта. У нас не было радио, все приёмники отобрали, только слушали перед работой новости, которые зачитывал старший бригады. После войны вручили медаль «За оборону Москвы» [12].

Долгова Нина Яковлевна **Когда фронт был рядом**

1941 год! Мы встретили его и новой школе, которую нам подарил Управление канала Москва–Волга. Мы вошли в светлое просторное здание. Коридоры на первом и втором этажах были застелены ковровыми дорожками и украшены чудесными пальмами. И ребята словно преобразились – не бегали, а группами ходили по коридорам... Быстро пролетело второе полугодие учебного года.

Старшие в школе девятиклассники перешли в десятый. У каждого были свои планы, но им не пришлось сбываться...

22 июня началась война. Все мужчины, годные к военной службе, были призваны в армию и ушли на фронт. Ушли на фронт и многие учителя из нашей школы. В августе 1941 года все коммунисты и комсомольцы, оставшиеся в поселке, вступили в истребительный батальон. Командиром был инженер Евгений Петрович Располин, комиссаром Михаил Кузьмич Набоко, Начались ежедневные занятия по военной подготовке. Вечерами дежурили в штабе.

13 октября школу временно закрыли, и в ней разместился штаб трудовой армии. Бойцы трудовой армии рыли окопы, строили блиндажи, землянки, убежища, ставили доты и дзоты. На верхнем и нижнем бьефах шлюза № 1 находились зенитные установки. В лесу и сейчас еще встречаются глубокие ямы – остатки убежищ и землянок – глубокие следы войны.

Те дни были для нас нелегкими. Ранняя зима, лютые морозы, ежедневные налеты вражеских бомбардировщиков. Каждый вечер мы слышали их отвратительный гул. Они летели бомбить столицу. Бомбили и нас. Сбрасывать бомбы на шлюз не давали зенитчики, но однажды бомба попала в пристань.

Истребительный батальон перешел на казарменное положение. По несколько раз в сутки мы выходили на поиски вражеских парашютистов. По тревоге каждое отделение занимало свою землянку в лесу, С наступлением темноты группами по 3-4 человека, вооруженные винтовками и пистолетами, мы выходили на патрулирование. Всех подозрительных задерживали и отправляли в штаб. Алексей Мосин, Анатолий Федоров, Лида Ходак и многие другие наши десятиклассники из истребительного батальона ушли добровольцами и были посланы через фронт для помощи партизанам. Толя Федоров погиб. На многих из мужчин пришли похороны.

В школе разместился полевой госпиталь. Раненые поступали прямо с поля боя. Многие женщины ушли из истребительного батальона ухаживать за ранеными. Мало-мальски знакомых с медициной направили в перевязочные. В помещении военизированной охраны гидросооружений размещался пункт оказания первой помощи. Днем и ночью к нам поступали контуженные, обожженные, солдаты и офицеры. В классах места не хватало, даже коридоры

были заполнены ранеными, И всех, жалко! Всем хочется помочь. Медицинский персонал и мы, помощники, работали почти без отдыха, буквально валились с ног от усталости и недосыпания. Спали урывками: по часу – два, и снова к раненым.

В помещении школы находились раненые, которых по оказании первой медицинской помощи отправляли в тыловые госпитали. Тех, кто после операции умирал, хоронили в братских могилах. Сейчас их имена высечены на мемориальной плите монумента...

В феврале 1942 года, когда фронт отступил от Москвы, госпиталь был эвакуирован, и к концу февраля школа была готова к занятиям. И только братские могилы в лесу остались напоминанием о тех днях. А потом пришла Победа... [13]

Дьячкова Нина Григорьевна **Люди тогда настолько были добрые**

Когда объявили войну, мы все были в деревне. Нас, 7 человек, бабушки собрали, взяли чемоданы, довели до глубокого леса, и сказали: «Идите по широкой дороге до Подберезья». Старшему тогда было 14 лет, а самому младшему – 9 лет. Папа мой был причастен к эвакуации завода. В тыл должны были быть откомандированы 3 баржи. Первая баржа дошла до Горького благополучно. Вторая баржа замерзла, а третья, в которой мы остались – никуда не пошла. Там мы остались здесь.

Что делать? Школы нет, мне еще нет 14, надо идти на завод. Я пришла в отдел кадров, и Кашин Виктор Александрович взял меня на работу в плановый отдел. Там мы чертили шпангоуты, по форме крыла самолета. Затем я окончила курсы конструкторов, и меня пригласили в конструкторский отдел чертежником-деталировщиком. Нужно было придумать, где, какую заклепочку полегче сделать, где какой узел сделать покрепче. Когда я сделала первый узел, и мне вдруг стало страшно, а вдруг этот узел разорвется, и погибнут люди. Я пришла к конструктору Рукавичко Федору Терентьевичу и говорю: «Дайте мне что-нибудь такое, чтобы я не боялась, что это разорвется, и могут погибнуть люди». Я стала копировать бумаги и править чертежи.

Поселок остался у нас без дров, и обезлюдел – эвакуировали. Необходимо было снабжать поселок дровами. Проложили узкоколейку. И мой папа был непосредственным руководителем этой узкоколейки, где в январе 1943 г. трагически погиб.

Жили тяжело. У меня была мама и старенькая бабушка, которую привезли из деревни. И на нее не давали хлеба, т.к. не было прописки. Мама получала 200 грамм, а нам не рабочим давали по 400 гр. В конце 1943 г., и мы комсомольцы, пошли валить лес, пилить дрова для поселка. Надо было поставить 6 кубометров, чтобы получить 600 гр. хлеба. Если были девушка и парень, то им надо было поставить 6 кубометров дров, а если две девушки, то 5 кубометров. Мы работали с девушкой. Болото, комары, работали в сапогах, калошах. Я получала 600 гр. хлеба четыре месяца. Поселок бомбили. Упало 2 бомбы, причем одна разорвалась около нашего дома.

Люди тогда настолько были добрые. Жили в общих комнатах, и все время был слышан стон: кто получит похоронку, у кого брат, муж погиб, люди помогали: кто дров, кто хлеб несет. Нам дали с мамой полведра или четверть ведра очисток картошки с ростками. Мы посадили эту картошку и потом ели свой урожай. Вот я сейчас удивляюсь. У людей появилась жадность, зависть. Тогда мы были все родные. Мы знали, что мы должны спасти Родину. Маленький ты или большой, больной или здоровый, все верили, что мы будем жить и, что скоро будет Победа [14].

Елецкая Евгения Николаевна **И мы, студенты, помогали Родине**

1941 год. Мы заканчиваем школу. 20 июня выпускной вечер, а 22 июня началась война. Перед этим дома велись разговоры: куда поступить учиться. Конечно, надо идти в юридический институт. Я послала документы в Ленинград, мне прислали вызов. Билеты железнодорожные уже не продают. Я иду к начальнику станции и показываю ему вызов. Он говорит: «Конечно, я дам билет в Ленинград». Дома идут сборы. Накануне отъезда папа из командировки звонит маме: «Сделай все возможное и не пускай дочь в Ленинград». И тут я испугалась. Папа воевал в первой империалисти-

ческой и в гражданской войнах. Уж он-то знает, что значит война. Спешно посылаю в Ленинград просьбу вернуть документы. Возвращаясь в прошлое, я восхищаюсь тем, как четко тогда работали различные службы. Немцы подходили к Ленинграду, а мне в этих условиях были возвращены документы. Пришлось поступить в Институт легкой промышленности им. Кагановича. Этот институт был эвакуирован из Москвы в город Уржум со всеми студентами и с профессорско-преподавательским составом.

Уржум – маленький провинциальный городок. Но в нем был постоянно действующий театр, в котором служили теперь и некоторые артисты, эвакуированные из Москвы, например из МХАТа. Город маленький, но со сложившейся средой – интеллигенцией и купечеством (конечно, до революции). Была великолепная библиотека, созданная земством. А какая была больница, построенная хирургом Самборским на свои средства и при его участии. Я училась легко. Преподаватели были великолепные. Например, нам лекции по неорганической химии читал профессор Глинка. Его учебник по неорганической химии для вузов выдержал более 20 (!!!) изданий. Осенью нас, студентов, посылали на копку картофеля.

В 1943 году институт возвратился из эвакуации в Москву. Несмотря на войну, правительство находило средства на содержание ВУЗов. Одна эвакуация и возвращение в Москву чего стоили. У народа не было сомнения – мы победим. Для этого много работали, а мы учились. Знали, что после войны будут нужны образованные кадры.

И мы, студенты, помогали Родине. На каникулах обязательно где-либо работали (в Ивановской области – на лесоповале, в колхозах, на копке картошки, в Москве – на строящемся метро и т.д.). Было голодно, всегда хотелось есть. В институте и в общежитии было холодно. В аудиториях сидели в пальто, там даже замерзали чернила.

Комсомольская организация послала меня в госпиталь агитатором. Здесь я встретила с солдатами с фронта. Интересно, но факт – уныния среди них не было. Все, кто был ранен, свои ранения переносили достойно. Сейчас мне не совсем понятны слова «психологическая реабилитация». Что это такое? Наши солдаты стойко переживали свое горе (ранения, болезни) и не

раскисали. После войны сразу начинали работать, и не было дела до самокопания.

День начинался со слушанья сводок Информбюро. Ловили каждое слово. Несмотря на войну, молодость брала свое. В войну шла интенсивная переписка между тылом и фронтом. Завязывались заочные знакомства, начинались письменные романы. Интересно, что в письмах (ко мне, например) мало писали о боях, писали о себе, очень много писали стихов. В каждом письме обязательно было стихотворение – или свое, или чужое.

У нас в институте часто выступали разные интересные люди: летчики (первые герои Советского Союза), мать Зои Космодемьянской, поэт Иосиф Уткин, у которого в это время был взлет его военной поэзии («Ты пишешь письмо, дорогая, в пылающий адрес войны...»). Много к нам приезжало артистов: Рейзен, Мансурова, Обухова, Переверзев, Абдулов, Соловьев и т.д. В Москве работали возвратившиеся из эвакуации театры. Театры были переполнены, впрочем, и кинотеатры тоже; было трудно достать билеты, нужно стоять в очереди. Ходили в театры часто. Одеты мы были плохо. Зимой, когда были сильные морозы, мы в театры ходили в валенках (даже в Большой театр). Были рады попасть даже на 5-ый ярус Большого театра. Там и публика была победнее и демократичнее. Наслаждались музыкой Чайковского, Римского-Корсакова, Глазунова, пением великого Козловского, Нелепа, Норцова, Масленниковой и других артистов.

Я проходила практику на кожевенном заводе им. Тельмана. Это большой завод, где процесс выделки кожи был с самого начала (замачивания шкур) до выхода первоклассной кожи. Меня поразило, как работницы, выхватив откуда-то маленькие ножички, ловко срезали небольшие остатки мяса и жира с шкур. Эти обрезки они прятали за пазуху, чтобы отнести их домой и сварить суп. Запах стоял ужасный, но они не брезговали.

Меня в Москве навестили трое моих одноклассников, которые по разным причинам приезжали в командировку в Москву с фронта. Встречи были радостными и дружескими. И как было больно, когда один из них погиб 1 мая 1945 года.

К одной девушке, жившей со мной в общежитии, приезжал навестить ее брат, который учился в МАИ. Завязалось знакомство со

студентами МАИ. Они приезжали к нам довольно часто, а иногда с гитарой. Мы много пели. Наши самодеятельные концерты вызвали восторг. Весной и летом открыты окна и балкон. Услышав пение, прохожие останавливались и слушали наше пение. Пришло время, маев-цы нас пригласили к себе в гости. У нас, девочек, прошла дискуссия – ехать или не ехать; прилично ли ехать нам в гости к ним или неприлично. В то время мы, девочки, вели себя скромно и строго. Они встретили нас приветливо, развлекая нас, как могли, изодряясь в остроумии.

С одним маевцем, Елецким Алексеем, у нас установились теплые отношения. Мы понимали друг друга с полуслова. Пришла любовь [15].

Елецкий Алексей Николаевич

Точили мы там болванки для снарядов

...На следующий год [1940 – *ред.*] я послал аттестат в МАИ. Меня приняли. Проучился я один год, и тут началась война. Были последние дни сдачи экзаменов и нас уже начали таскать по всяким комиссиям. У меня со зрением было плохо, и меня никуда не взяли, поэтому я так и остался учиться. После того как мы сдали экзамены, в начале июля, наш отряд, маевский, отправили на рытьё окопов, недалеко от Смоленска. Как я потом узнал, это был проект сделать противотанковые рвы, протяженностью несколько тысяч километров. И на всей этой территории работали студенты. А, начиная с 22 июня, по ночам над нами пролетали немецкие бомбардировщики. В конце концов, мы пришли к месту, где протекает река Днепр. Там был мост железнодорожный, к которому у немцев было особое внимание. Они все хотели его разбомбить, но, сколько не бомбили, все никак не могли попасть, все мимо. Но я хочу сказать, что их знаменитый порядок производил такое могучее впечатление, как никто и нигде меня больше не удивлял. В общем, мы там проработали месяца два, затем вернулись в Москву.

А 17 октября нас, маёвцев, тех, кто остался, повезли в эвакуацию, в Алма-Ату. Ехали мы семнадцать дней. Ну, потому что мы не были не каким у нас специальным грузом. Какие только пейзажи

мы не видали по дороге. Например, такой городок Соль-Илецк, где Европа переходит в Азию. Там продавали в бочках брынзу, арбузов очень много было. После той ситуации, что была в Москве, это было поразительно. А потом мы попали в пустыню. Вот идет поезд, а вокруг пески, пески, пески... только иногда блеснет солончаковое озеро. Потом приехали в Чимкент, голодные как собаки и вдруг там продают такие высокие белые хлеба. В каждом городе была своя манера изготавливать хлеб. Тут мы все, что было, заплатили и начали есть. Хороший хлеб, мягкий, вкусный. Ну, может быть от того вкусный, что с голодухи.

А потом мы доехали до Алма-Аты 2. Затем пришли автобусы, и мы поехали на место, в сам город. Он был в нескольких километрах от железнодорожной станции. Поселили нас в местном театре. Здоровенный театр, пустой зал, никаких стульев не было, и мы расположились прямо на полу. Пробыли мы там недолго, наверно недели три. Потом нас стали распахивать по более приемлемым местам. Сразу же начали заниматься. Московский авиационный институт – это мощный институт, на его территории множество зданий. А тут, конечно, таких зданий уже не нашлось. Где какое здание было свободно – туда и ходили, лекции слушали, в лаборатории занимались. А летом работали в мастерских.

Мастерские были довольно далеко. Пришлось туда пешком ходить, но зато тем, кто работал, выдали рабочие карточки. Так мы получали по четыреста грамм, а тут вдруг нам повезло: у нас остались четырехсотграммовые и дали ещё на восемьсот грамм. Вот мы тут месяц немножко подкрепились. А точили мы там болванки для снарядов и всякие нужные для фронта детали. Потом снова начались занятия. В общем, два года мы там проучились. А осенью сорок третьего года, к началу занятий, вернулись в Москву. Москва уже освобождена была, далеко отошли немцы, И с сорок третьего года у нас практика была на настоящих авиационных заводах. Мы уже были третьекурсниками. Это уже что-то значит. Надо сказать, что профессора и преподаватели Московского авиационного института были высшего класса. Это у них не отнимешь. Их было много, но они все были по своей специальности асами.

В Дубну мы приехали вместе с другими молодыми специалистами 29 января 1946 года. Здесь всё было так, как было до войны.

В этом мы потом убедились. Это было глухое место, в котором построили перед войной завод по строительству гидросамолетов – теперешний ДМЗ... [16]

Заливаева Антонина Сергеевна
Жили с надеждой на лучшее

Я работала в колхозе с 10 лет. ...Трудно было, тяжело было – была война. Работали. Кушать было нечего, в бедности жили. Жили в деревне Мергуново Кимрского района. Семья у нас была небольшая. Мама рано осталась вдовой. Работать было тяжело. Дети ухаживали за лошадьми, пахали, боронили. Работали за пустые трудодни. Я работала на торфоразработках.

Мы держали корову, за счет нее и жили. Сами за ней и ухаживали. Закончила я только 4 класса и больше не училась, т.к. матери помогать надо было. У меня еще маленькая сестренка была, за нею ухаживать надо было. Ведь в то время ни детских садов, ни яслей не было.

С каждой семьи брали налоги. Есть корова – неси молоко, есть куры – неси яйца, есть овцы – неси шерсть. Когда война кончилась, начали все восстанавливать. С города нечего было брать, брали налоги с деревни. Но мы все равно жили с надеждой на лучшее.

Наша жизнь была трудной, но мы ее прожили очень интересно. Вспомнить есть что. Война есть война, в то время никому легко не было [17].

Земскова Антонина Григорьевна
Мы никогда не плакали – мы терпели

Когда началась война, мне было 11 лет, я тогда еще училась в школе, конечно же, после мне стало не до нее. Сразу же забрали отца и брата. А нам пришлось идти работать в колхоз. Мы копали, сажали, ходили на сенокос, уж всего-то сейчас и не вспомнить.

Придя из колхоза, нам приходилось еще и трудиться у себя на земле. Но работали мы за кусок хлеба, а все, в основном, отправляли на фронт и в Москву.

Недалеко от нас шли бон с немцами, и скоро школу заняли под госпиталь. Нам приходилось к раненым бегать. Мы за ними ухаживали, кормили, перевязывали, в общем, были в роли санитарок. Из дома им всегда что-нибудь приносили: молока, хлеба...

Весной собирали хвою, различные травы и делали из них витамины и лекарства. Мы скитались, голодали, но мама никогда не плакала и я тоже – мы терпели [18].

Зонова Анастасия Кузьмовна
В сельском Совете

...И как я проработала в сельсовете 20 лет, не при веди Господи никому, особенно в военные годы. Отоплялось рабочее помещение сырыми дровами, часто уборщица не доглядит головешку, так и оставит. Приходишь на работу, в помещении смрад, угар, а тепла не было. Суешь чернила в печку, чтобы побыстрее оттаяли, чернильницу всю сведет бором. Бумаги и той не было, писали на старых газетах, сидели в теплое время с часиком-коптелкой, от которой тоже был смрад и угар.

Приходилось вечерами записывать телефонограммы по месяцу-луне. Работали одетыми, зябли ноги и руки. Сельсовет был отдален от райцентра. Ходили в район пешком (это 25 км), напрямую, дороги все изрыты тракторами, грязные, а в обход – 35 км. Надо дойти до Большака, а там голосуй или иди так же пешком. Придешь на семинар, там не до слушанья: встаешь рано, надо прийти к назначенным часам, уставшая, клонит в дремоту и сон. В район ходить приходилось часто: то на семинары, то с отчетами, то за зарплатой в Госбанк, и никаких тебе сопровождений добираться, как хочешь. Никому до этого дела нет. Домой вернешься также поздно. Приходилось блудиться, ночевать у стога сена, дорога была с перелесками, темная ночь, а ты идешь одна, дрожишь от страха. На работу я ходила за 3 км. Ходя по дорогам в район и сельсовет, в дождь, слякоть, пургу, сильные грозы – все испытала.

Наш сельсовет был небольшим, в нем было сельпо с магазином, чайной, пекарней, молокозавод, медпункт. В небольших колхозах телефонов нигде не было, кроме сельсовета. Все сообщения

проходили через сельсовет. Все телефонограммы надо было довести до сведения колхозам. Председателю сельпо позвонят из района, директору молокозавода, и я не только была секретарем, но и нарочным.

...Трудности были и в хозяйстве дома. Усадьба 40 соток, корова, овца, – надо тоже прикладывать труды. Картошку приходилось копать после рабочего дня при лунном свете или мать светила фонарем. Добывать корм скоту приходилось в лесах или болотах и носить его на себе, дрова так же. Очередных отпусков на работе всю войну не было. ...Мать помощи в хозяйстве не оказывала, а растила нас шестерых – 2 сыновей и 4 дочерей. Все труды и заботы на работе и дома были на мне. Был у нас в сельсовете в войну в центральной школе передвижной госпиталь. Военные жили в частных домах, готовили себе пищу в чайной, пекли хлеб на пекарне, заготавливали зерно и складывали его в церковь.

Были и военные наблюдательные точки. Жили и эвакуированные. Победу встречали так: сначала провели митинг, а потом сбросились по несколько рублей и отмечали победу у председателя сельпо в доме... [19]

Ильина Мария Никитична **Мы, девчонки, дежурили на посту**

В июне 1941 года – студентка 2-го курса Института коммунального хозяйства в Москве. 22-го студенты института слушали, как Молотов объявил по радио: «Ночью начали бомбить Брест, Германия напала на Советский Союз». Всем второкурсникам присвоили специальность и дали направление. Я попала в город Долгопрудный на дирижаблестроительный завод и была назначена чертежницей. Через некоторое время молодежь начали отправлять на трудовой фронт.

Октябрь-ноябрь 1941 года я провела на Истринском водохранилище, где копала противотанковые рвы. Когда вернулась обратно, то завод уже эвакуировался в тыл. Здесь теперь организовали завод по ремонту самолетов. Днем я работала старшим диспетче-

ром на заводе в планово – производственном отделе, а вечером дежурила в штабе МПВО. Так как ребята работали на производстве, мы девчонки дежурили на посту.

В этот вечер нас было трое. В окрестностях завода мы заметили подозрительного мужчину. По нему было видно, что он не местный девчонку послали за подмогой. На наш вопрос, откуда он, мужчина ответил, что приехал в Долгопрудный в командировку. Его ответы были неубедительными; попытка задержать его не удалось – он начал стрелять. К счастью, мы успели спрятаться, потом узнали, что это был диверсант, который разрабатывал план подрыва нашего завода.

До изгнания немца из-под Москвы мы находились на особом положении. В первые дни не было ни воды, ни света, Каждый день приходилось выбираться в Москву хотя бы на два-три часа. Питание было очень плохое, так как ни в Москве, ни в Долгопрудном не пекли хлеб. Нам выдавали сухой паек – ячневую крупу и пшеницу. Дома крупу варили – вот и вся наша еда.

Награждена медалями: «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «70 лет Вооруженных сил СССР», «В память 850-летия Москвы» [20].

Козовкова Валентина Захаровна **Подросла, стала дояркой**

Мы жили в деревне Юрьево. С 11 лет ходила копать окопы. Ходила вместо матери. Взяли на 2 месяца, а копала гораздо дольше. Вечером возвращаемся оттуда, а над головами летят самолеты.

Подросла, стала дояркой. Лошадей не стало, вещи меняли на картошку. Была корова – свое молоко. Теленка отвели на базар... Поступила в артель, была портнихой 2 года. Все мужчины в семье погибли.

В 16 лет пилили на болотах лес, хотя пилить можно было только с 18 лет. За день должны напилить дров 8 кубометров на двоих (дерево распилить, обрубить сучки и т.д.). А мы напилили только 2 кубометра – по лесу гуляли, лисички собирали, варили, ели [21].

Куранова Галина Фёдоровна
У детей тоже был своего рода фронт

Когда началась война, мне было неполных 13 лет. ...Мы переехали на новое место как раз перед самой войной и не успели еще как следует обустроиться. Мы жили в Инсаре Мордовской АССР. Отца и старшего брата забрали на фронт в 1941 году, второго и третьего – соответственно в 1942 и 1943 годах.

Жизнь наша была очень тяжелой. Дети учились в школе, учебников и тетрадей у нас не было, писали на обрывках газет и прочих бумажках, помещение школы не отапливалось. А помимо учебы мы должны были еще работать наравне со взрослыми.

Мы ездили на лесозаготовки, косили сено в совхозе, пололи, обрабатывали посевы, убирали урожай. За это нас кормили – 800 грамм хлеба в сутки и обед. Хлеб мы приносили домой и сушили сухари. Это было самое вкусное наше лакомство. Основной же нашей пищей была свекла и мороженая картошка, которая оставалась под снегом на полях.

В конце 1942 года вернулся с войны инвалидом мой отец. Долго выздоравливал, приходил в себя. Когда он начал работать, жить стало немного легче. Но работать мы продолжали до конца войны.

Однажды, во время лесозаготовок произошел трагический случай. Падающее дерево задело одну девочку. Удар пришелся по голове, но не всей тяжестью, а боковой ветвью. Девочка выжила, но на всю жизнь осталась парализованной. Так что у детей тоже был своего рода фронт. Сейчас уже трудно представить, как это все можно было выдержать. Но выдержали и были большими оптимистами, очень любили жизнь [22].

Лимонин Владимир Матвеевич
Мы работали наравне со взрослыми

1942 год. После лечения в госпитале №412 г. Оренбурга 6 ноября 1942 года меня демобилизовали по инвалидности. Выдали су-

хой паек на дорогу, одели, обули и до названной мной станции назначения «Большая Волга» выдали железнодорожный билет. Когда я доехал до Дмитрова, узнал, что поезда до Большой Волги не ходят. Железнодорожный путь разобран. Что делать? Пошел пешком. На полпути пришлось заночевать в одной из деревень, и поздно вечером 8 ноября я прибыл домой в д. Юренево Дмитрогорского с/с Конаковского района, где проживали мои родители.

В декабре 1942 года меня вызвали в Конаковский военкомат и предложили работу чертежника на Конаковском фаянсовом заводе. Посмотрел условия работы на заводе – не тот профиль. А тут вскоре получил сообщение, что вернулся из эвакуации завод №30 и туда требуются кадры. Пошел на завод, где меня 25 декабря 1942 года приняли на работу чертежником в винто-моторную группу и прикрепили к конструктору первой категории Андрею Петровичу Иванцову. При этом взяли подписку о неразглашении государственной тайны.

После возвращения из эвакуации коллектив завода значительно сократился, многие ушли на фронт, многие осели в Москве. Производственные площади пустовали. В низкой зоне на территории будущего слесарно-сварочного цеха зияла дыра в крыше после бомбежки завода немцами в 1941 году. Полноценных цехов не было, на производственных площадях формировались участки, из которых по мере увеличения мощностей создавались цеха. Также много свободных площадей было в конструкторско-технологических и бытовых помещениях. Во многих окнах отсутствовали стекла, крыши протекали, в помещениях было холодно и сыро.

Коллектив завода начал восстанавливать и производить ремонтные работы, размещать оборудование и налаживать производственную деятельность. Условия работы в конструкторско-технологическом отделе были хорошими: чисто, тихо, тепло. Но мне не очень нравилось работать с бумагами, чертежами, инструкциями, а когда начальник ОТК Александр Петрович Черенков предложил перейти работать в цех контролером, я согласился.

В цехе работа живая. Работа на производстве интересней. Дело имеешь с живыми людьми и работаешь непосредственно с изделиями. Наряду с работой по изготовлению изделий тематики И.В. Четверикова заводу было поручено довести и выпустить

серию изделий «ЯК-6» для отправки на фронт. Изделия «ЯК-6» представляли собой деревянные конструкции, требующие специальных условий – стабильной температуры и влажности. Для выполнения таких требований на территории цехов №11 и №13 между колоннами натягивался тент и с помощью калориферов и прожекторов создавались требуемые условия. Задание было выполнено в установленные сроки.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. советский народ проявлял мужество и героизм не только на фронте, но и в тылу, отдавая свои силы, знания, умения и опыт делу победы над фашистской Германией. Призыв: «Все для фронта, все для Победы» относится ко всем труженикам тыла. Кроме самолетов на заводе также выпускалась и другая продукция для фронта. В частности, в механическом цехе изготавливались корпуса для мин.

Мы, тогда еще совсем мальчишки и девчонки, учились и работали наравне со взрослыми и опытными специалистами. В период войны были отменены очередные отпуска, людей не хватало, были введены строгие законы. Так, судили за опоздание на работу на 21 минуту и более без уважительных причин, а уважительными причинами признавались только официальные справки железной дороги об опоздании поезда, справки из больницы о болезни и другие оправдательные документы. Судимость заключалась в том, что в течение шести месяцев высчитывали 25 процентов из зарплаты.

В годы войны ни на заводе, ни в поселке строительство не велось. Не все возвратились на завод после эвакуации: кто-то остался в Москве, многие ушли на фронт, и сложилась такая ситуация, что многие квартиры в благоустроенных домах оказались свободными. С целью сохранения жилищного фонда, недопущения размораживания отопительных и водопроводных систем, недопущения хищений жилплощадь заселялась свободно, по желанию работающих на заводе, а иногда и добровольно-принудительно.

Нам, в ту пору молодым работникам, приходилось много работать, учиться, осваивать и выпускать сложную авиационную технику, которая сразу же из цехов завода отправлялась на фронт. Работали мы столько, сколько нужно было. А по выпуску авиационной техники устанавливались жесткие сроки, срывать которые запрещалось. Как переживал за сроки и качество работ Сергей

Федорович Краснобородов, начальник сборочного цеха! Я не помню случаев, когда бы работали нормальный рабочий день. Для выполнения задания в установленные сроки ежедневно работали по 12-14 часов, а в дни, когда нужно было сдавать изделия, работали по 18-20 часов в сутки. Окончишь работу в 3-4 часа ночи, а в 8.00 обязан быть на работе. Кроме того, приходилось часто работать и без выходных дней. За хорошую работу наши фотографии помещали на Доску почета завода, в качестве премии выдавали талоны на право покупки 0,5 литра водки или отреза мануфактуры [23].

Малинин Александр Владимирович

Нам под ноги подставляли деревянные ящики

Родился в 1926 году. В 1941 году закончил 7 классов средней школы в городе Краснодаре. Ввиду тяжелого материального положения в семье не смог продолжать дальнейшую учебу в школе. В этом же году поступил в Краснодарское ремесленное училище, где обучался специальности токаря по металлу.

В августе 1942 года, в связи с приближением линии фронта к городу Краснодару, ремесленное училище и мы вместе с ним были эвакуированы в город Ташкент. Добирались до места назначения трудно, несколько раз попадали под бомбежки с самолетов. Во время облета нашего железнодорожного состава немецкими самолетами поезд остановился, и мы прятались под вагонами. Среди нас, мальчишек, были раненые. К счастью, никто из нас не погиб.

По приезде в Ташкент мы увидели странную для нас картину. Металлообрабатывающие станки были установлены ровными рядами прямо под открытым небом, не было даже навесов от дождя.

Всех прибывших ребят разделили на смены и закрепили за определенными станками. На следующее же утро мы вышли на работу, получили задание и тут же приступили к его выполнению. А делали мы заготовки для мин к минометам и гильзы к снарядам. Работали в 2 смены по 12 часов без выходных. Многим из нас из-за небольшого роста было трудно дотянуться до ручек управления станком, и нам под ноги подставляли деревянные ящики. В конце

смены возле станка скапливалась огромная гора чугунной и стальной стружки. Мы ее собирали в большие ящики и оттаскивали на специальную площадку.

Жили мы в школе, обустроенной под общежитие на другом конце города. Добирались до места работы на трамваях около часа. В 1943 году всех нас перевели работать на авиационный завод, который был эвакуирован из Москвы. Он был хорошо оснащен оборудованием и выпускал детали к планеру самолета «HE-2».

К этому времени всем нам были присвоены квалификационные разряды токаря. Здесь мы работали уже в 3 смены по 8 часов. Мы по-прежнему сильно уставали и все время хотели кушать, т.к. питание было очень скудное.

В конце 1943 года, после освобождения Кубани, я вернулся в Краснодар к матери. В начале 1944 года поступил работать токарем по металлу в авиационные мастерские, где и проработал до конца войны. Здесь также работали в 2 смены по 12 часов без выходных.

За работу в годы войны я был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [24].

Мещеряков Михаил Григорьевич **По зову Родины**

В 1940–41 годах я работал заведующим циклотронной лабораторией Радиевого института Академии наук СССР. Весной 1941 года был избран секретарем партийной организации этого института. Когда началась война, я вступил добровольцем в народное ополчение и был зачислен в состав 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения. В этой дивизии пробыл недолго. Что-то около месяца. Дивизия была составлена из научных работников, инженеров, конструкторов, и в ней было много таких как я, младших лейтенантов запаса. Поэтому большую часть из нас, в том числе и меня, откомандировали в другие части, где не хватало офицеров. В начале сентября, таким образом, я был переведен в 261-й артиллерийский дивизион, который оборонял от наступающих фашистов город Колпино. Советские войска оказали героическое сопротивление превосходящим

силам противника, но были вынуждены отступить. Ленинград очутился в кольце блокады.

17 сентября я был легко ранен и контужен, но остался в строю. Воевал до 20 ноября 1941 года. Однако последствия контузии оказались тяжёлыми, и меня отправили в госпиталь, где дважды оперировали, долго лечили. После выхода из госпиталя, 26 июня 1942 года, меня переправили за линию фронта через Ладожское озеро.

Во время блокады, в 1941-42 годах моя семья – жена, дочка и мать остались в Ленинграде, пережив со всем населением этого мужественного города голод и холод, варварские бомбардировки гитлеровцев. И только весной в апреле 1944 года они были переправлены по «Дороге Жизни», через Ладожское озеро, и затем выехали на восток страны.

В июле 1942 года я добрался до Казани, куда ещё осенью 1941 года были эвакуированы ленинградские институты естественного профиля, в том числе и Радиевый институт. В конце 1942 года в Казань приехал Игорь Васильевич Курчатов, до этого занимавшийся размагничиванием кораблей на Чёрном море. Вокруг Курчатова начали собираться его ученики и бывшие сотрудники. Все горели желанием возобновить работы по «урановой проблеме». Толчком к этим работам послужило то, что в американских научных журналах, прежде всего «Физикал Ревью», начиная с 1940 года полностью исчезли публикации по ядерной физике. Это заставило советских учёных задуматься и приступить к работам по данной проблеме [25].

Из военных писем М.Г. Мещерякова

17 января 1943 г.

Мой дорогой брат!

Я снова от тебя не получаю известий, хотя пишу тебе регулярно. Образ жизни у меня не изменился. Много приходится работать. Условия работы неважные: все приходится вести подготовительные работы. Последние две недели от мамы писем не получал. Ранее она мне сообщила, что твое письмо до нее дошло. Я снова от тебя не получаю известий, хотя пишу тебе регулярно. Образ жизни у меня не изменился. Много приходится работать.

...От Лины письма приходят редко и весьма невразумительные. Если у меня будет хотя бы малейшая возможность покинуть Казань, я не задумываясь это сделаю. Кое-какие возможности намечаются. Может быть, поеду в Москву. В Казани много времени приходится тратить даром, что сказывается на эффективности работы. Настроение у нас здесь хорошее. Сводки радуют людей. Не знаю, писал ли я тебе ранее о том, что достал в Казани маленькую комнатку. Холод только собачий, и дров нет к тому же. Прошу тебя писать мне чаще. Я имею возможность известия от тебя переслать быстрее маме.

Желаю тебе здоровья и удачи.

Целую, Михаил.

28 февраля 1943 г.

Мой дорогой брат!

Я получил от тебя открытку, помеченную 31 января с. г. Все у меня по-старому, работаю в Казани, живу один. Недавно получил от мамы письмо: она жива и здорова. Собирается весной ехать сюда, ко мне. У меня сейчас есть жилище, и я думаю ее сюда взять. Мне одному здесь крайне плохо, особенно по нынешним временам. Недавно у меня сильно болела дочка Татьяна. Лина работает, как ты уже знаешь, в Ярославской области. Думаю в скором времени побывать в Ленинграде по делам службы. Если обстоятельства позволят приехать, я постараюсь повидать тебя. Припас для тебя кое-какие книги и табаку немного. Жаль, что нет сейчас возможности передать все это тебе. Не ленись писать мне.

Желаю тебе всего хорошего.

Целую тебя, Михаил.

16 апреля 1943 г.

Мой дорогой брат!

Это письмо я пишу тебе из Москвы, где я нахожусь в командировке. Пробуду здесь дней 8-10. От тебя я вот уже два месяца не получаю известий. Прошу тебя: как только ты получишь это письмо (я надеюсь, что из Москвы оно к тебе дойдет скорее), так и сообщи мне, где ты и что с тобой. От мамы я получаю письма. В конце марта я послал ей вызов в Казань. Думаю, что летом

она сможет приехать ко мне. Мое семейство благополучно живет в Ярославской области.

Условия жизни у меня не изменились: все остается по-прежнему: и работа, и бытовые условия.

...Москва осталась такой же, какой видел ее в 1940 году. Достать здесь что-либо новое почитать трудно. Я жду от тебя письмо в Казань. Желаю тебе всего хорошего и целую тебя.

Михаил.

25 мая 1943 г.

Дорогой Пиня!

Я второй раз в Москве в командировке. Получил твою открытку от 25 апреля и письмо с фотокарточкой, за которую крайне благодарен тебе. Имею письма от мамы. Она беспокоится по поводу твоего аттестата. Плохо то, что она медленно собирается ко мне. У меня дела обстоят критически: бесконечные командировки выбивают из колеи. Мне крайне нужно, чтобы она была при мне. Я смог бы устроить ей хорошее питание. Из Москвы думаю заехать на пару дней к Лине повидать дочурку. Где буду зимой – не знаю: или в Москве, или в Казани. В Москве спокойно и хорошо. Много работаю. Осуществляю целый ряд замыслов, хотя и встречаю трудности. В Ленинград не еду: это точно. Я жду от тебя письмо и желаю тебе всего хорошего.

Целую тебя, мой родной.

Михаил.

9 августа 1943 г.

Мой дорогой брат!

Я снова эти дни был в Москве, а завтра выезжаю в Казань для того, чтобы встретить маму. По телефону из Казани мне сообщили, что там лежит телеграмма о ее выезде на пароходе по Волге. Подробности встречи мамы я тебе сразу же после приезда сообщу. ...Я намерен перейти работать в Москву, в другой институт. Приглашение уже получил. Сейчас организационно оформляю все это. Переход, видимо, будет через несколько месяцев. Работа все та же.

И работа, и бесконечные разъезды так меня затащали, что я едва на ногах стою. От малярии сильно страдаю. Но все это чепуха

по сравнению с положением других. Надеюсь скоро повидать тебя. Во всяком случае в Москве я заразился этим убеждением.

Пиши мне в Казань. Целую тебя.

Михаил.

7 ноября 1943 г.

Мой дорогой брат!

Поздравляю тебя с праздником! В этом году празднование проходит куда в более хорошем настроении. Обитаем мы с мамашей по-прежнему в Казани. Характер матери после Ленинграда и эвакуации крайне изменился. Снабжение у нас здесь хорошее. И мы не испытываем в чем-либо особой нужды. Я никогда в жизни не был так загружен, как сейчас: кроме крайне большой научной работы (мне приходится вести две темы и руководить работой моих людей) я должен еще тратить много времени на партийной работе, так как я являюсь заместителем секретаря партбюро. Одно плохо: я не имею возможности жить вместе с дочуркой, а ей ведь уже скоро будет три года. Во время войны научная связь с заграницей почти прервалась. Что делают там, мы толком не знаем. Журналы редко к нам доходят. Кроме того, сейчас есть тенденция многого не печатать в научных журналах. Война подчеркнула важность и значение научного исследования в современном обществе. Так, например, в Америке, или вернее — помимо, колоссальной перестройки промышленности, на военный лад, идет не менее сильное развитие научно-исследовательских работ по всем вопросам знаний. Горе тем странам, где этого не понимают.

В Европе, кроме Англии, по-настоящему делают большую науку у нас. Немцы сделали десять лет назад непоправимую глупость: они разогнали своих ученых, особенно евреев и антифашистов. Французские ученые за последние два года оккупации Парижа вымерли. Таким образом, перед русскими открываются исключительные перспективы.

Жму тебе руку и надеюсь скоро увидеть тебя.

Михаил.

9 января 1944 г.

Дорогой брат!

От тебя долго не было вестей. Мама и я сильно беспокоились за тебя. Живу я с мамой по-старому в Казани. На ближайшие пол-

года перемен не предвидится у нас. Как можно судить по письмам, моя дочурка здорова. Я работаю все в той же области. Работать приходится много, но есть и существенные результаты. Сейчас в Казани тихо: остались одни лишь Ленинградские институты. События последних недель на фронте радуют: может быть, для Ленинграда настанут лучшие дни. Ждем от тебя известий в надежде скоро повидать тебя.

Целую. Михаил.

10 февраля 1944 г.

Дорогой брат!

...Я продолжаю работать в институте. За последний год мной был построен большой прибор (масс-спектрометр). Это первый опыт в России. Работать приходится много. Работаю также заместителем секретаря партбюро Академии наук. Видно, скоро будем собираться в Ленинград, хотя я и не проявляю особой торопливости. Весной, наверное, вернемся домой. Пиши нам подробно о себе, о своем здоровье, о своей жизни. Лина с дочуркой по-прежнему живут в Ярославской области. Надеюсь скоро увидеть тебя.

Целую. Михаил [26].

Мирович Татьяна Александровна **На снопиках мы хорошо зарабатывали**

Когда началась война, я уже закончила 8-й класс. Мы не думали, что немец к нам придет, но он шел по направлению к нам. Демянск занял и очень скоро пришел к нам в село. Мы собрали свои пожитки и уехали, все остальное оставили: дом, скот...

Приехали в Валдай, а Валдай сам готовится к эвакуации. Нам дали направление в Кировскую область, и мы уехали туда, в деревню Черняево. Мать сказала, что мы будем работать в колхозе, иначе нам не прожить.

Стали работать в колхозе. Мама заболела, а мы с сестрой снимали лен и ставили его в снопики. И на снопиках мы хорошо зарабатывали. Иногда по 2 трудодня, даже больше мы зарабатывали. А папа работал в колхозе на общих работах. В конце года мы за-

работали порядочно трудодней, и нам дали на трудодень по 2,5 кг хлеба. Всего нам дали 750 кг. В колхозе мы лен таскали. В день мы таскали по 8-9 соток...

Этот год мы с сестрой Наташей не учились, а на следующий год пошли в школу: я в 8-й класс, сестра в 9-й, жили в общежитии. Здание было недостроенное, мы замерзали. Я проучилась 8-й и 9-й класс.

Когда война стала затихать, мы вернулись домой, но дома у нас уже не было – все было сожжено дотла. У нас в селе был немец. У мамы моей сестра оставалась. Она переехала в деревню Плав. Это около 20 км от нашего села. Мы переехали в Плав. В этом Плаву мальчишки нашли Маресьева. Они рассказывали, что в болото упал самолет, и там они нашли летчика. Самолет не удалось достать, и его засосало в болото. Они шли из соседнего села и вдруг услышали голос: «Мальчишки, помогите мне!» Они испугались сначала, ведь фронт рядом был. Он говорит: «Я не немец. Я советский летчик. Я остался без ног и не могу ходить. Пришлите за мной подводу». Мальчишки побежали в деревню, рассказали, что нашли летчика. Там сразу запрягли лошадь и поехали за летчиком. Привезли его в деревню грязного, голодного (я не знаю, сколько он в лесу пробыл). Его отмыли, накормили. Связались с Валдаем, сообщили про летчика. За ним прилетели на гидросамолете. Мальчишки приезжали к летчику в гости, их там очень хорошо встречали, они были довольны [27].

Молчанова Мария Ивановна
Уж ничего нас не страшит
(из писем на фронт мужу)

07.10.1941.

Сегодня в 16 часов была у нас тревога, но ничего страшного не случилось. На Вербилки около вокзала сбросил гад три бомбы. Попал в товарный состав. А над Конаково сбили одного гада с планами канала... Юра тоже сидит против меня и пишет тебе письмо. Уроки уже выучил, а чай пили, так все рассказывал про фильм «В тылу врага». Это о боях на финском фронте, очень интересная картина...

09.10.1941.

...Сейчас пока все спокойно, но вот как только утром прослушаешь Информбюро, так руки опускаются. Когда же он, гадука, кончит издеваться? Вот и сегодня сообщили: «Оставлен город Орел» – невольно накатываются слезы...

13.10.1941.

Поселок пока никуда не эвакуируют, все ждем. Чего – не знаю. Был налет на Калинин и Конаково. До нас долетает ночью, но вреда никакого не причинил. Жить стало очень жутко, все нервы напряжены...

16.10.1941.

Сегодня очень расстроена, писем нет ни от кого, а главное, от тебя: где ты и что с тобой – ничего не знаю. Выехать никуда не удастся, приходится оставаться на месте. Между прочим, очень спокойно. Юра в школу не ходит, она занята частями. Сидит дома, все читает твою книгу.

24.10.1941.

Почту мы получаем очень плохо, поезд к нам совсем не ходит, а через Савелово привозят только корреспонденцию. Газет центральных не имеем с 25 октября, никаких новостей не слышим, радио работает очень плохо.

03.11.1941.

Поздравляю тебя с наступающим праздником. Мы все три дня будем работать, чтобы добиться вместе с вами скорой победы, которую ждем с нетерпением. Всю зарплату передадим в фонд обороны.

11.12.1941.

Жизнь у нас на Волге стала гораздо спокойней, чем после твоего отъезда, когда немец очутился вдруг сразу в 12 километрах от Конаково и пошел на Завидово, Рогачево и помимо Клина на Яхрому, где его здорово лупили. А сегодня уже сообщили, что и из Клина его выбили. Так что нам опасность не грозит. В детсаде и яслях... у нас полевой пересыльный госпиталь, и наш дом почти

весь занят, разместили бойцов... Ты пишешь, что мы должны потерпеть, но ведь мы так к этому привыкли, что уж ничего нас не страшит, столько перенесли за это время...

19.12.1941.

...Бросать нам ничего не пришлось благодаря нашей замечательной Красной Армии, а ведь немец был около нас за 36 километров. Представляешь себе, какое у меня должно быть настроение, но я почему-то была уверена, что враг не попадет на Волгу и не разрушит нашей красавицы-плотины – ведь это стоило таких трудов и средств... Очень плохо к нам поступает почта, потому что ведь по Савеловской линии поезда не ходят. Когда гадюка-немец прорвался на Яхрому, то мост через канал взорвали. А сейчас его налаживают. Так что письма от вас будем получать аккуратнее.

18.01.1945.

Макашенька, ты вот все обижаешься, что я ленюсь тебе писать, но ведь ты просто не можешь представить мою жизнь, она вся заключается в работе на почте и дома. Совсем никуда не хожу, да и некуда. Занимаюсь вечерами рукоделием, вяжу салфетки, которых раньше никогда не вязала, вышиваю салфеточки, наволочки и дорожку. Вот все мои занятия. С работой справляюсь, как повар с котлетой, новогодняя прошла очень хорошо, да ведь, собственно, и делов-то очень мало. Газет и журналов получаем единицы, подписка исключительно годовая. Юра учиться стал немножко получше, алгебру исправил на тройку. Гулять его вечерами не выпускаю..., сейчас все вечера стал учить уроки... Тушенке твоей, как только ее получим, сразу улыбается, мы ее ждем уже целую неделю и не знаем, как дождаться – до чего хочется чего-нибудь вкусного и жирного, а картошка и кислая капуста скоро, наверное, разведят все бедные наши кишки...

Макаша, как приятно читать: в апреле-мае, может, увидимся, но ты просто не представляешь себе, ведь это еще пять месяцев, а для меня и одна неделя стоит одного года жизни. Пойми же, наконец, мне только 33 года, а я уже превратилась в старуху. Вся жизнь с ее невзгодами из меня сделала не человека, а... только подумаю, что скоро весна и опять нам с Юркой копать лопатой землю, так

все внутри переворачивается... Не хотела все это писать, но как-то само лезет в голову, тем более что я столько времени тебя не видела. За такой срок можно не только позабыть твои черты, но даже и совершенно отвыкнуть. Пришли хоть скорее фото, мне очень хочется посмотреть на тебя, а если бы ты смог приехать к нам, то я не знаю, что могла бы с тобой сделать. Наверное, задушила бы в объятьях или сама бы умерла от радости...

Ждем тебя, фото, гостинцев, писем и дня нашей победы и всеобщего торжества. Пиши по возможности чаще, не заставляй меня нервничать и мучаться неизвестностью... Юрка и Мурка.

03.06.1945.

Пишу тебе письмо, а твоя фотография, на которой ты снят у яблони, стоит под букетом черемухи... Да, хорошо, когда знаешь, что ты жив, и сердце радуется от мысли, что скоро встретимся [28].

Морозова Лидия Алексеевна **Труд был очень изнурительным**

Мне было 15 лет, когда началась война, мы жили тогда в Каширском районе. Нам приходилось очень много работать. Нас, 15-летних девчонок «запрягали вместо скота» по трое и мы пахали землю. Труд был очень изнурительным, после этого у нас все болело. Но расслабляться нельзя было. Мы собирали колосья, колодили лен, косили, доили, ухаживали за скотом, работали на земле в колхозе. Сами были голодными, а на фронт все равно отправляли, что могли [29].

Никоненко Софья Владимировна **Но занятия шли**

Школа работала ненормально. Дело в том, что при эвакуации работники завода не выключили отопительную систему, и она, наполненная водой, во многих местах полопалась. Когда затопили котельную, школьное здание наполнилось паром, трубы и радиато-

ры во многих местах забили фонтанами. Лишь несколько классов удавалось обогревать искусственными электронагревательными приборами. Числа с 10 декабря занятия в школе временно прекратились. Из мужчин в школе оставались директор Сергей Кондратьевич Жиганов и мой муж Андрей Никанорович Никоненко. А.Н. Никоненко призвали в армию 1 декабря 1941 года. Директор школы Жиганов С.К. был занят поисками помещения для занятий.

Занятия в школе шли нерегулярно. Ученики и учителя занимались в пальто, шапках, рукавицах. На всю жизнь запомнится утро 8 декабря 1941 года. Утро было ясное, тихое, морозное. Учителю приходилось в это утро часто останавливать урок: гул авиамоторов заглушал голос учителя. Это летели боевым строем с востока на запад наши бомбардировщики, чтобы расчистить путь для наступления наземным частям. Вечером мы с радостью услышали «Важное сообщение», что враг отброшен от Москвы и контрнаступление наших войск продолжается. Сильные морозы прервали занятия в школе.

26 декабря 1941 года директора школы С.К. Жиганова призвали в действующую армию. 28 декабря не работавшую школу было приказано принять мне и немедленно организовать занятия. 28 января 1942 года Жиганов С.К. отбыл на фронт, вручив мне школьную гербовую печать.

Для меня это было очень трудное время: двое малюток Эля 1939 года рождения и Вова, только что народившийся 12 сентября 1941 года, грудной ребенок. Плохо с продовольствием, нет никаких запасов, о подсобном хозяйстве мы тогда не имели понятия. С большой благодарностью я вспоминаю Кочневу М., Ефремову А., и особенно Гнетецких Ф.В. и Л.Л., за то, что они снабжали моих детей молоком и буквально спасли этим детей от гибели. После каникул начались занятия в школе, под которую было отведено помещение в доме №31 по Новоподберезской улице. Учащихся было немного, с трудом, но размещались. Правда некоторым не хватало мест за партами, и они приспособлялись писать на табуретах, сидя на полу.

На меня обрушилась огромная забота: отопление приспособленного школьного здания, дрова для квартир учителей, приведение в порядок отопительной системы школы. Время зимних

каникул ушло на подготовку временного помещения. После каникул занятия возобновились во временно приспособленном помещении (д. 31 по ул. Жданова). Классные комнаты были тесны, некоторые учащиеся приспособлялись писать на табуретах стоя на коленках. Но занятия шли.

Одновременно развернулись работы по восстановлению отопительной системы. Так как квалифицированных рабочих не было, все работы пришлось выполнять неумелым подросткам. Все же к 1 сентября 1942 года отопление было отремонтировано, и занятия начались в основном здании. За лето учащиеся провели заготовку дров.

После того как враг был отогнан от Москвы, поселок начал оживать, возобновили работу предприятия. Работа школы начала налаживаться.

В 1942–1943 учебном году занятия проводились в одну смену, школа держала тесную связь с фронтом, учащиеся были исключительно дисциплинированные, прилежные. По итогам года школа получила переходящее Красное Знамя от Кимрского РОНО.

В период войны учителя вели не только учебно-воспитательную работу. Приходилось распределять ботинки, шарфы, чулки, валенки и другую одежду между учащимися, так как предметов потребления в стране не хватало.

Учащиеся заготавливали дрова, работали на школьном огороде. Из овощей со школьного огорода для учащихся были организованы горячие завтраки.

Постепенно в школе складывался постоянный педколлектив. В 1944 году в школу прибыла Е.И. Хацкевич, в 1943 году – Т.И. Куц, в 1945 году – П.А. Орлова.

Школьная усадьба временно была отдана под учительские огороды. На месте цветников росла картошка. Сад было трудно охранять, так как многие жители поселка держали коз, которые так и норовили забраться в школьный сад и погрызть кору молоденьких деревьев.

В период войны в каменных домах по улице Ленина располагались курсы офицеров «Выстрел». Они отгородили свою территорию и перекрыли движение по улице Ленина, от улицы Макаренко до улицы Центральной. В поисках пути пешеходы

с левого берега ринулись через территорию школьного сада, который превратился в проходной двор. Никакие преграды не могли сдержать людей, торопившихся к своей цели. Стало очень трудно поддерживать в порядке изгородь, ежедневно подвергавшуюся разрушению. Ремонт изгороди вели учащиеся и женщины техслужазие.

В 1944 году в южной части школьного сада были посажены яблони. Педагоги мечтали о плодовом саде перед окнами школы. Однако яблони не смогли подняться. Стоило стаду коз зайти на пять минут в сад, как все саженцы оказывались объеденными. Пострадали и декоративные деревья – тополя и клены, но они еще были спасены, дали побеги от корней. Этим объясняется двух- и трехствольность большинства деревьев в школьном саду [30].

Попова Любовь Павловна **Голод и холод был страшный**

Во время войны я работала кастеляншей в больнице. В то время у меня были две маленькие дочки Ирина и Надюша. Я всегда брала их с собой на работу, так как боялась, что их убьют, а я одна останусь. Уж лучше пусть всех разом... При сигнале воздушной тревоги все бежали в укрытие, а медицинские работники – в больницу. Мы в любой момент были готовы к эвакуации. Ведь немцы то находились совсем рядом, в Конаково. Иногда встаешь утром и думаешь: то ли наши, то ли немцы подходят... Часто приходилось дежурить на крыше, на чердаке, следили, чтобы в окнах домов не было света. Иногда бомбили плотину, но, к счастью, попадали только на берег...

Голод и холод был страшный. И вот чтобы хоть как-то прокормиться, я вместе с другими прачками стала стирать в госпитале белье для раненых, за что нам давали красноармейский паек. Только тогда немного ожили. Часто приходилось после работы ходить в лес за дровами. Взвалишь на себя охапку и идешь, по грудь проваливаясь в снег. И так жили почти все, кто находился в те годы в поселке Большая Волга. [31]

Потанов Александр Николаевич **Работали тогда с одной мыслью: лишь бы война скорее кончилась**

...Во время войны в тылу работали старики, да женщины, да подростки. Помню, лес пилили, по две нормы в день выдавали, землю копали под высоковольтные опоры вручную, без всякой техники. Это сейчас экскаваторы да бульдозеры, а мы вручную рыли ямы в два-три роста глубиной. У нас в бригаде две девчонки были и два парня, по 14-16 лет, в других бригадах – женщины, а руководил нами старик 70-летний. Копали глину вперемешку с водой, тяжело было очень, но ни разу никаких травм или несчастных случаев не было, потому что все с большой серьезностью подходило к работе.

Сейчас даже удивительно, как мы работали тогда – за кусок хлеба, за картошку, с одной мыслью: лишь бы война скорее кончилась. Зимой лес валили, снег – больше метра, да еще дойти на делянку – час. Пока работаем, вымокнем все, а работали не только парни, но и девчонки. Не поверите: рубили с одного удара, как бритвой, ветки толщиной в руку – сейчас и мужчина не всякий так сможет. Летом два-три сезона пришлось на тракторе работать, один раз в день кормили, по трое суток смена не приходила, днем – жара, пыль, ночью – холод, а я еще пацан несовершеннолетний был... [32]

Седов Дмитрий Андреевич **Мы всю зиму выносили этот лес на берег**

В 1941 году, когда фашистская Германия напала на нашу страну, мы, молодые 13-, 14-летние мальчишки, старались устроиться куда-нибудь на работу. Мне удалось узнать, что на Большой Волге требуются рабочие разных специальностей. Меня взяли учеником плотника к мастеру Сергею Романову. Начальником деревоотделочного цеха был Базанов Николай Макарович. Через 2 месяца мне дали 3-й разряд плотника, и всю молодежь направили на техническую площадку ремонтировать баржи.

Осенью эти баржи мы поднимали домкратами и ремонтировали днища барж. А когда фашисты приблизились к Москве, нас всех собрали и объяснили, что Москва нуждается в топливе. Подошел к пристани буксир «Упорный» и мы были доставлены в Бревновский залив. Там уже было все подготовлено к нашему прибытию. Нас, молодежи, было 29 человек. Подвели к большой скирде соломы, которая была покрыта толстым брезентом, и сказали, что это будет нашим домом. Показали, как надо сделать в соломе нору, для того, чтобы в ней зимовать. Рядом, недалеко от берега, стояла старая баржа, она служила причалом. К ней швартовались баржи под погрузку дров.

Лес от берега был недалеко, метров 35 и в лесу метров 40. Напилено в лесу дров было много 2-х метровой длины. Вероятно, этот лес пилили жители разных районов. И мы всю зиму выносили этот лес на берег. За летний период мы грузили до 3-х барж дровами. И так продолжалось 3 года.

А распорядок дня был такой. Утром, когда становилось светло, старший товарищ поднимал нас на завтрак: 200 граммов черного хлеба, грамм 200 каши из каких-то зерен и кружка чая с сахаринром, с неприятным запахом. Обед в 2 или 3 часа, в зависимости, когда его привезут. Суп, как ребята смеялись, «крупина за крупинкой бегаёт с дубиной», и на второе немного каши из каких-то зерен.

Но жили мы все очень дружно, все понимали и надеялись на победу. Самые неприятные процедуры были, когда 1 раз в 2 месяца приезжала медицинская сестра, снимала с нас рубашки, посыпала дутом с ног до головы для того, чтобы не было вшей. Но они у многих были... [33]

Соловьёва Анна Ивановна **Работали безвозмездно**

Родилась 16 Декабря 1913 года в Воронежской области, в Ровеньском районе, в селе Нагольное. Работать начала, как и все сверстники с 14 лет. Работала без перерыва и отпусков в колхозе, а затем в совхозе на различных сельскохозяйственных работах до пенсионного возраста. Работала свинаркой, дояркой, на полевых работах, неоднократно была звеньевой.

Во время Великой Отечественной войны в селе работали с раннего утра и до позднего вечера под девизом «Все для фронта, все для Победы». Мужская работа легла на плечи женщин, т.к. все мужчины были на фронте. Пахали, сеяли, убирали почти вручную. Весь урожай сдавали государству, и так было примерно до 1955 года. Работали безвозмездно. Нам за работу ничего не платили.

Село большое, находится в очень красивом месте, кругом поля. В селе редко найдется семья, в которой бы не погиб сын, брат, муж, отец. Всего в селе погибло 236 человек.

В 1943 году в селе в течение одного месяца была итальянская воинская часть. К жителям относились очень хорошо, о них до сих пор вспоминают доброжелательно. Через село проходили маршем немцы под натиском Советской Армии, натворить дел пока не успели, но грабили все подряд: уводили скот, забирали птицу, разоряли ульи пчел и т.д.

После войны работали с подъемом, знали, что для восстановления разрушенных городов, заводов, фабрик, промышленности и стране нужен хлеб. С поставленной задачей справились. За усердие в труде я имела благодарности и грамоты [34].

Стрельникова Екатерина Ивановна **День и ночь шли вооружённые люди и техника**

...Наш выпуск 10-го класса состоялся, когда шла война. Не дождавшись выпускных экзаменов, наши ребята сдали досрочно экстерном экзамены на аттестат зрелости. Мальчишек наших призвали защищать Родину. Защищая Родину, они погибли. Фамилии и имена погибших увековечены не только в школе №1 на ее фасаде, а также на мемориале погибшим воинам в левобережном парке.

В 1941 году, когда началась война, я поступила в геологоразведочный институт. Мы, студенты, считали, что война будет недолгая. Но в октябре месяце в Москве заметно чувствовалось приближение фронта. День и ночь шли вооруженные люди и техника. Москва и люди готовились к встрече неприятеля. Перекрывались «ежами» и мешками с песком улицы. Маскировались окна.

Чувствовалось наступление паники. В один из дней, в нашей студенческой столовой, куда мы пришли на завтрак, не оказалось ни ложек, ни тарелок. Были упорные слухи об эвакуации из Москвы. Появившихся мародеров и подстрекателей расстреливали.

В небе над Москвой появились аэростаты, стали хорошо слышны и видны взрывы зенитных снарядов. Нам в институте объявили, что институт эвакуируется, и, что, кто желает, может взять в канцелярии свои документы. Я взяла свои документы, направилась возвращаться в поселок Ивановково. Ехали из Москвы поездом до г. Дмитрова со всем остановками и без остановок, стояли в Дмитрове. Кто как смог стремились добраться к своим. Когда я пришла домой, а это был барак рядом с конным парком, где работал мой отец, мать была одна, а отец уехал на санях вместе обозом, который направлялся заводом в г. Горький.

Полным ходом шла эвакуация заводского оборудования, которое отправляли по реке Волге на баржах буксирующими пароходами. Ноябрь месяц был очень холодным, и по рассказам эвакуированных рабочих буксируемые баржи до г. Горький не ушли, а обоз был сильно измотан. Сани износились, лошади, измотанные непосильной ездой, замерзали в упряжке. Люди изнемогали от холода, голода, от безостановочных переходов. Многие болели от простуды, в том числе и наш отец – Иван Васильевич Гуськов. Его больного привезли в семью. Он немного еще поболел, не смог отправиться от болезни и умер.

На опустевший двор и конюшни прибыли хорошо одетые – по-сибирски, водители автомобильной части. Часть водителей размещались с нами, в этом же бараке, рассортированные по семьям. Продукты питания, кухня, хлебопекарня – все это было у них с собой. Вскоре, побыв немного, все уехали на фронт.

Поселок и завод охраняли от немецкой авиации зенитные батареи, разместившиеся около плотины и дамбы. Были поставлены наземные укрепления, доты. Один сохранился и до настоящего времени, напоминая нам о ВОВ.

Фашистская авиация вечерами пролетала в направлении г. Горького, но наш поселок бомбили дважды. Мелкие бомбы бросали с самолетов, когда они делали облет моря дамбы и плотины, когда зенитные установки их обстреливали. Второй раз, когда за-

вод стали восстанавливать и с крыши был снят снег, это заметили фашистские летчики и сбросили большую бомбу, которая угодила в кузнечный цех. К нашему счастью, бомба не взорвалась, а раскололась на две части, не принося большого ущерба. Вторая маленькая бомба разрушила угол двухэтажного кирпичного здания [35].

Тычкина Надежда Ивановна **Работали очень много, отдыхали мало**

Работала в Конаково в топливной конторе фаянсового завода имени Калинина. Когда началась война, стали брать людей на трудовой фронт. Я вызвалась сама. Отправили рыть окопы в Калининскую область, в Осташково. Потом стройбат участка 330 в Домкино. Было мне тогда 17 лет, я была комсомолкой.

Через два месяца группу из молодых комсомольцев для отправки в Сталинград. Плыли на теплоходе. Жили под Сталинградом на хуторе, как вольнонаёмные. Работала бухгалтером. Сильно тогда бомбили, старались прятаться. При подходе немцев к городу, нас отправили в Николаев. Мы стали проситься домой, и в сентябре я вернулась в Конаково.

Стала работать бухгалтером в леспромхозе. Участок находился в селе Федоровское. Пилили лес и сплавливали в Москву по каналу плотами. До 1000 кубометров отправляли ежедневно на топливо и на строительство оборонительных сооружений. Заготавливали лес в основном девчата из Москвы. Питались по карточкам. Ели американскую тушенку. Работали очень много, отдыхали мало. Все думали об одном – как помочь Москве. Медалью «За оборону Москвы» была награждена 30 апреля 1945 года [36].

Фёдорова Надежда Григорьевна **Я была инструментальщик третьего разряда**

В 1943 году я окончила школу и поступила в ремесленное училище. Мы жили с мамой. Было очень плохо, голод но, есть нечего было. Я заболела, у меня был порок сердца. Я даже не ходила.

Папу в армию взяли, 2 брата тоже были на фронте. На двоих детей платили в войну, а на одного нет. Я не могла в школе учиться, у меня соображения не было совсем. И я пошла на завод.

Пришла на комиссию, а терапевт пишет: «Не годна – порок сердца». Меня не взяли. Ну что мне делать? У меня подружка была, вместе жили. Она мне говорит: «Приходи к нам, в ремесленное училище». Ну, я и пошла. Прихожу туда, и подруга говорит директору: «Возьмите девчонку». А я была такая маленькая, худенькая, не евшая совсем. Директор посмотрел на меня и говорит: «Не могу. Мы девочек принимаем с пятнадцати лет, а мальчиков – с четырнадцати». Подруга говорит: «Да вы что? У нее брат здесь тоже учился, и отец работал извозчиком». Он подумал и говорит: «Нельзя оставлять ребенка», – и взял.

В 1943 году я поступила, в 1945 окончила. Выпустили нас на завод. Это было в Иркутске. Я была инструментальщик третьего разряда. Пришли мы в слесарный цех, и там нас расставили к мастерам. Потом посмотрели мою работу и перевели меня в другой цех сеточницей (сетки для кроватей делала) [37].

Флёров Георгий Николаевич **У истоков освоения ядерной энергии**

Еще в 1937 году мне, студенту Ленинградского политехнического института имени М.И.Калинина, посчастливилось стать учеником научной школы Игоря Васильевича Курчатова, который руководил лабораторией в Физико-техническом институте. Под его руководством мы занимались исследованиями ядерных реакций, вызываемых нейтронами, изучением радиоактивности образующихся продуктов. Шли вообще по пути, намеченному известными опытами Ферми.

6 января 1939 года, которое считается началом истории освоения ядерной энергетики, мир облетела весть об открытии деления ядер нейтронами, сделанном Ганом и Штрассманом. И.В. Курчатов мгновенно оценил фундаментальность и практическую ценность этого открытия и сконцентрировал усилия своей лаборатории сперва на повторении опытов немецких ученых, а вскоре и

на более глубоком исследовании процессов деления. Мы все работали очень увлеченно, темп был необычайно высоким, и буквально за считанные месяцы удалось получить много новых и ценных результатов.

Открытие немецких ученых произвело на нас тогда сильнейшее впечатление, поскольку оно давало представление об огромном количестве энергии, высвобождающемся в каждом акте деления ядра урана. Все мы вместе с Курчатовым принялись тогда мечтать и считать, какие запасы урана рассеяны в земной коре, сколько сотен и тысяч Днепрогэсов эта энергия урана заменит, какие богатства она принесет человечеству. Курчатов совершенно не смущался ни фантастичностью, ни сложностью пути, который он выбрал, оптимистически считая, что любая задача, какой бы сложной она ни была, будет решена.

В этой новой и захватывающей проблеме освоения энергии ядра одной из первоочередных задач было изучение вероятности деления природных изотопов урана нейтронами разных энергий. Провести эти опыты Курчатов поручил мне вместе с Константином Петржаком, сотрудником Радиевого института, с которым к тому времени мы уже хорошо сработались. Источники нейтрона тогда были крайне слабыми, и единственный путь к решению поставленной Курчатовым задачи лежал через резкое увеличение чувствительности ионизационной камеры-прибора, который мы использовали для регистрации осколков деления ядер. Нам с Петржаком удалось повысить чувствительность камеры в несколько сотен раз по сравнению с тем, что считалось обычным и нормальным.

Результат не замедлил сказаться: начав исследования деления ядер нейтронами, мы уже в самых первых опытах обнаружили всякие указания на новый редчайший ядерный процесс – спонтанное или самопроизвольное деление ядер урана. Благодаря горячей поддержке и вниманию Курчатова, его активному участию в планировании всевозможных контрольных опытов, вскоре мы однозначно доказали, что результаты наших с Петржаком опытов следует интерпретировать именно так и только так: спонтанное деление ядер урана имеет место. Это было в середине 1940 года. Специалисты хорошо знают, какую роль сыграло явление спонтанного деления

в решении атомной проблемы в военные и первые послевоенные годы и в развитии фундаментальных исследований по ядерной физике в последующие мирные десятилетия.

Но тогда, в 1941-м, вероломно начатая война прервала наши исследования. Всем нам казалось, что исход схватки двух огромных сил будет ясен довольно быстро. И поэтому Курчатов не считал возможным дальше тратить усилия на ядерную физику, которая в этот момент казалась ему чем-то слишком далеким от жизни, от войны. Сам он пошел работать к А.П. Александрову, который комплектовал группы по размагничиванию военных судов и защите их от мин. Нам же предложил подумать, где бы мы могли принести наибольшую пользу стране в условиях войны.

Я вступил в народное ополчение, но вскоре меня направили на курсы инженеров по спецоборудованию самолетов в Йошкар-Олу, где в течение четырех месяцев мы изучали авиационную технику. Тогда у нас появились пикирующие бомбардировщики, знаменитые потом «Пе-2». Задача заключалась в том, чтобы освоить автоматику для вывода из пике во время бомбардирования. Самолеты обладали высокой скоростью, и пилот часто терял сознание от перегрузок. В таких случаях выводить самолеты из пике должна была автоматика. Нас и готовили для того, чтобы эффективно использовать на фронте новую боевую технику.

Из сводок Совинформбюро мы узнавали, что фашисты рвутся к Москве. Я подал рапорт с просьбой, чтобы меня направили на фронт. Мне отказали. Потом после разгрома немцев под Москвой стало ясно, что война будет затяжной. Мысли все больше и больше возвращались к ядерной физике, к тому, чем мы занимались в мирное время. Но теперь на передний план выступала не энергия урана вообще, а возможность достижения взрывного эффекта цепной реакции. В Йошкар-Оле я надоедал начальству с просьбами об увольнительных – сидел в читалке Оптического института, дрожал от холода, делая расчеты цепной реакции. В то время мы как физики понимали, что Германия с ее давними традициями в науке вообще и в ядерной физике в частности, обладающая огромным техническим потенциалом и имеющая в своем распоряжении запасы урана, тяжелой воды и талантливых физиков, способна создать атомную бомбу. Это могло бы непоправимым, страшным образом

решить исход войны. Постоянно думаю об этом, я написал письмо в Физико-технический институт, эвакуированный из Ленинграда в Казань, о том, что необходимо безотлагательно возобновить исследования по проблеме урана. В ноябре 41-го от туда был прислан вызов, командование курсов выдало мне продаттестат на неделю и командировочное предписание, в котором говорилось, что «курсант Флеров командирован в Академию наук для обсуждения предложения курсанта Флерова». В Казани я доложил о своих расчетах на заседании «Малого Президиума» Академии с участием А.Ф.Иоффе, П.Л. Капицы и других руководителей физических исследований. Меня выслушали. Сказали, что дело серьезное, но требует очень больших затрат людских и финансовых ресурсов. Продолжение исследований в труднейших условиях войны сочли тогда делом абсолютно невозможным.

Окончив курсы в Йошкар-Оле, я получил направление в одну из разведывательных авиа-эскадрилий на Юго-Западном фронте и приступил к службе. После очередной передислокации наша часть оказалась в Воронеже, где осталась не эвакуированной университетская библиотека. Просматривая американские физические журналы, которые, несмотря на войну, туда каким-то чудом попали, я очень хотел найти какие-либо подтверждения нашей работы по спонтанному делению или отклики на нее. Но их не было, как и вообще не было в последних журналах никаких статей по проблеме деления урана, причем не было не только статей ученых Англии и Франции -европейских стран, ввергнутых в мировую войну, но и статей ученых США. Становилось ясно, что публикации работ в этой области прекращены.

Я забил тревогу! Писал в Президиум Академии в Государственный комитет обороны, наконец – И.В.Сталину.

К середине 1942 года в ГКО уже имелось достаточно сведений о том, что работы по созданию атомной бомбы ведутся как в фашистской Германии, так и в США. В октябре 1942 года Курчатов был вызван в Москву и ему было поручено подготовить развитие работ в этой области в Советском Союзе и возглавить практическое создание ядерного оружия. Тот факт, что разработка научных основ «урановой проблемы» была начата еще в предвоенные годы, во многом предопределил успех в решении этой грандиозной и жизненно важной задачи [38].

Письма Г.Н. Флерова руководству страны

Ноябрь 1941 г.

Уважаемый товарищ Кафтанов!

Пишу Вам это письмо, не зная, не постигает ли его судьба моего первого письма, направленного на имя товарища Сталина.

В том письме я писал о недостатках работы физиков сейчас, в военное время, предлагая ряд мероприятий, которые, как мне казалось, помогли бы сдвинуть работу с мертвой точки, в которой она сейчас находится. Проведение всех этих мероприятий попутно должно было привести и к решению вопроса о работе над так называемой «проблемой урана». Но ответа на письмо все еще нет, и я пишу это письмо независимо от первого, считая, что как бы ни строилась работа по физике в настоящее время, какие бы задачи ни решались, работу над проблемой урана нам нужно продолжать.

Занимались этим вопросом у нас в Союзе с 1939 г., сделано было много, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что в этом вопросе мы, пожалуй, даже опередили границу. После первого увлечения этой проблемой – шутка ли сказать – использование внутриатомной энергии, когда выяснилось, что имеется ряд затруднений для действительного осуществления цепных реакций, был намечен ряд путей, скорей, даже лазеек для решения вопроса. Последовательным изучением пригодности этих принципиально возможных путей мы и занимались с 1939 г. по день начала войны.

Работа принесла более разочарований, чем удач; один за другим все принципиально возможные пути проверялись нами непосредственно на опыте или же на основании данных других исследователей и были откинута.

В итоге, к началу войны в портфеле идей, нуждающихся в проверке, осталось лишь два весьма искусственных метода.

Мне, непосредственно работавшему над этой задачей, представлялось, что вероятность решения задачи вообще этими путями выражается 5-10 процентами. Решение же задачи в ближайшее время с тем, чтобы ядерные бомбы могли бы быть использованы против немцев в этой, как нам казалось, молниеносной войне – эта вероятность была крайне ничтожна.

Не стоило растрачивать силы и средства на фантастические вещи, когда война выдвинула ряд конкретных задач, у А.Ф. Иоффе работа была законсервирована, и мы все были переведены на более «реальные» темы.

Основное, что отпугивало и отпугивает в этой проблеме, делает ее фантастической, – это те возможности, которые представляются при удачном решении задачи. Один из возможных технических выходов – ядерная бомба (небольшая по весу), взорвавшись, например, где-нибудь в Берлине, сметет с лица земли весь город. Фантастика, быть может, но отпугивать это может только тех, кто вообще боится всего необычного, из ряда вон выходящего.

Со дня начала войны прошло 5 месяцев. Имеются сведения о том, что в Германии Институт Кайзера Вильгельма целиком занимается этой проблемой.

В Англии также, по-видимому, идет интенсивная работа.

Ну, и основное – это то, что во всех иностранных журналах полное отсутствие каких-либо работ по этому вопросу. Это молчание не есть результат отсутствия работы; не печатаются даже статьи, которые являются логическим развитием ранее напечатанных, нет обещанных статей, словом, на этот вопрос наложена печать молчания, и это-то является наилучшим показателем того, какая кипучая работа идет сейчас за границей.

Нам в Советском Союзе работу нужно возобновить; пусть вероятность решения задачи в ближайшее время крайне мала, но ничегонеделание не может привести к успеху, в то время как в процессе самой работы выяснится ряд новых дополнительных данных, могущих приблизить нас к решению вопроса.

Работу нужно продолжать... – Что же необходимо для этого?

Для определения объема, в котором будет проводиться работа, необходимо прежде всего более точно определить, насколько вероятно на самом деле успешное решение задачи.

Оценка, приведенная выше (5-10%) – есть моя собственная, крайне субъективная оценка, которую рискованно брать за основание для многотысячных затрат.

Необходимо телеграфировать в Англию и Америку, прося союзников выслать хотя бы краткую сводку полученных ими результатов за последнее время.

Мне трудно судить о том, как должна быть составлена телеграмма для получения ответа, но один из возможных вариантов – это телеграмма за моей подписью с чисто научной просьбой о присылке результатов работ по спонтанному делению урана. Попутно можно прозондировать почву относительно возможности поездки в Англию для ознакомления с работой 1-2 человек.

В полученных материалах будет, безусловно, присутствовать элемент засекречивания, поэтому копию всего присланного прошу переслать мне для того, чтобы можно было определить, что же, наконец, сделано за это время!

Параллельно с этими телеграммами необходимо разработать план мероприятий в двух вариантах – более широкий и более узкий размах работы. В зависимости от ответа на наши телеграммы работа будет вестись по одному из этих планов.

Подготовку мероприятий можно поручить, как мне кажется, академику П.Л. Капице, привлекая к этому А.И. Алиханова и А.И. Алиханьяна. В бригаду работающих необходимо будет привлечь проф. Л.А. Арцимовича, проф. И.В. Курчатова и часть работников Радиевого института.

В случае необходимости моего участия в работе мне необходимо будет разрешение на вызов 4 человек из действующей армии (К.А. Петржака и несколько бывших сотрудников Физико-технического института) и вывоз из Ленинграда всего необходимого, оставленного там лабораторного оборудования.

Более детально все вопросы придется решать на совещании, созванном Президиумом Академии наук.

Для того чтобы это совещание было деловым и действительно бы разрешило все вопросы, созыв совещания прошу поручить докторам И.М. Франку и А.Б. Мигдалу.

Перечитал все написанное – звучит диковато, но основное это то, что при всем действительном расцвете науки у нас в Союзе, здесь, в этом вопросе, проявлена непонятная недалковидность.

История делается сейчас на полях сражений, но не нужно забывать, что наука, толкающая технику, вооружается в научно-исследовательских лабораториях; нужно все время помнить, что государство, первое осуществившее ядерную бомбу, сможет диктовать всему миру свои условия, и сейчас единственное, чем мы можем испугать

свою ошибку – полугодовое безделье – это возобновление работ и проведение их в еще более широком масштабе, чем было до войны.

Извещение о получении письма и материалы из Англии и США прошу направить в г. Йошкар-Олу на адрес Военно-воздушной Академии (факультет спецоборудования) на имя в/инж. 3 ранга Б.И. Брустина для пересылки мне по новому адресу.

С приветом, Г. Флеров

Секретарю тов. Сталина

Уважаемый товарищ!

Очень прошу Вас довести основное из изложенного в письме до сведения самого Иосифа Виссарионовича.

Вопрос об уране находится сейчас в такой стадии, когда только личное участие тов. Сталина может чему-либо помочь. Я достаточно хорошо знаю Абрама Федоровича (Июффе – прим.) для того, чтобы думать, что то, что он делает, делается им сознательно. Но, однако, объективно подходя к вопросу, его поведение близко к самому настоящему преступлению.

Вероятность успеха в проблеме урана по моим оценкам 10-20%. Более точную величину Вы получите из записок, которые подготовят кандидаты будущего совещания. Есть сведения, что этим вопросом, по-видимому, усиленно занимаются за границей. Ну, и что, безусловно, правильно, это то, что решение задачи приведет к появлению ядерной бомбы, эквивалентной 20-30 тысячам тонн взрывчатого вещества, достаточного для полного уничтожения или Берлина или Москвы в зависимости от того, в чьих руках эта бомба будет находиться. Однако этот вопрос либо замалчивается, либо от него просто отмахиваются: уран – фантастика, довольно с нас фантастики, кончится война – будем на свободе заниматься этим вопросом. И именно перспективность в случае осуществления ядерной бомбы позволяет Абраму Федоровичу действовать наверняка. Никто нигде не сможет осуществить эти бомбы. Ну что ж, можно будет говорить об интуиции Абрама Федоровича, позволившей ему без всех многочисленных опытов (которые еще предстоит проделать) угадать неосуществимость ядерных бомб.

Вторая просьба: получить у наших осведомляющих органов полные сведения о том, какая работа по урану в настоящее время проводится в Германии, Англии, САСШ, и приложить их к моему письму для ознакомления с ними товарища Сталина.

К письму прилагаю копию моего письма, направленного тов. Кафтанову в январе 1942 года. Очень был бы рад получить объяснения тов. Кафтанова, потому что привык к тому, что в научных вопросах не отыгрываются молчанием, а тем более в этом вопросе, связанном с обороной страны. Непонятно даже то, что на это письмо тов. Кафтанов даже не счел нужным ответить. Еще раз повторяю свою просьбу: решить вопрос может только лично товарищ Сталин. Так постарайтесь, чтобы мое письмо попало к нему. О получении письма и о дальнейших мероприятиях известите меня незамедлительно по адресу: ППС N899 п/я 1490 отдельная разведывательная эскадрилья, технику-лейтенанту Флерову Г.Н.

P.S. До представления моего письма товарищу Сталину попрошу исправить орфографию и стилистику и перепечатать его на машинке.

Для подготовки к созываемому совещанию мне понадобится трехдневное ознакомление с: 1) материалами о работе над ураном за границей, 2) записками участников совещания, 3) иностранными физическими журналами с 15 июля 1941 г. (Phys.Rev., Proc. Roy. Soc, Nature).

Апрель 1942 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Вот уже 10 месяцев прошло с начала войны, и все это время я чувствую себя, и действительно очутился, в положении человека, пытающегося головой прошибить каменную стену.

В чем я ошибаюсь?

Переоцениваю ли значение «проблемы урана»? – Нет, это неверно. Единственное, что делает урановые проекты фантастическими – это слишком большая перспективность в случае удачного решения задачи. Но отпугивать эта удачная перспектива может лишь людей, либо боящихся всего необычного, из ряда вон выходящего, либо людей, имеющих печальный опыт

по предложению дутых проектов, ну и обжегшихся на молоке и дующих вследствие этого на воду.

Мне приходится с самого начала оговориться. Может быть, я не прав – в научной работе всегда есть элемент риска, а в случае урана он больше, чем в каком-нибудь другом. В письме к тов. Кафтанову я указал 10-20% вероятности удачного решения вопроса, и эта величина ни в коем случае не приуменьшена. Однако представим на минуту, что с ураном «вышло». Правда, революцию в технике это не произведет – уверенность в этом дают работы последних довоенных месяцев, но зато в военной технике произойдет самая настоящая революция. Произойдет она без нашего участия, мы за это должны будем дорого заплатить, и все это только потому, что в научном мире сейчас, как и раньше, процветает косность.

Знаете ли Вы, Иосиф Виссарионович, какой главный довод выставляется против урана? – «Слишком здорово было бы, если бы задачу удалось решить. Природа редко балует человека».

Так дайте же мне возможность показать, что действительное отличие человека от животного заключается именно в том, что человек в состоянии преодолеть затруднения, вырвать у природы все ему необходимое.

Может быть, находясь на фронте, я потерял всякую перспективу того, чем должна заниматься наука в настоящее время, и проблемные задачи, подобные урановой, должны быть отложены на «после» войны. Так считает академик А.Ф. Иоффе, и в этом он глубоко ошибается. Мне кажется, что если в отдельных областях ядерной физики нам удалось подняться до уровня иностранных ученых и кое-где даже их опередить, то сейчас мы совершаем большую ошибку, добровольно сдавая завоеванные позиции. За год, за два мы отстанем настолько, что у того же акад. Иоффе перед трудностями опустятся руки, когда придет время вернуться от военного изобретательства к проблемным задачам. Самые большие глупости делаются с самыми лучшими намерениями.

Мы все хотим сделать все возможное для уничтожения фашистов, но не нужно пороть горячку – заниматься только теми вопросами, которые подходят под определение «насуточных» военных задач.

Ну и, наконец, возможно, что я слишком много беру на себя.

Случайно попав вместе с К.А. Петржаком в круг академических ученых, благодаря работе о спонтанном делении (в настоящее время повисшей в воздухе), с началом войны мы оказались выбитыми из колеи научной работы. Оба мы были мобилизованы, оба мы пытались заикнуться о том, что мы научные работники, и оба мы остались в Армии, потому что как раз в этот момент на оба института, в которых мы работали, – Радиевый и Физико-технический – напала немота, что привело к отсутствию всякого ходатайства за нас, как за людей, занимающихся нужным полезным делом.

К.А. Петржак – младший лейтенант, я – техник-лейтенант – мы сражаемся, работаем и стараемся делать это как можно лучше, но меня все время мучит, что уран оставлен, между тем, как я чувствую, что даже сейчас в тяжелых условиях войны с 10-месячным отставанием, мы все же смогли бы очень много сделать, работая в этой области.

Все письма, которые Вы, Иосиф Виссарионович, получаете, могут быть разбиты на две группы. В первой – письма с предложениями, которые могут, по мнению авторов, помочь в борьбе с фашистами. Во второй – подобные же предложения, но вместе с тем проведение этих предложений связано с какими-то изменениями в положении самого автора.

Так вот, мне очень тяжело писать, зная, что к моему письму с полным правом может быть применен «трезвый» подход. Ну что там бушует Флеров? Занимался наукой, попал в армию, хочет выкарабкаться оттуда, ну и, используя уран, засыпает письмами всех и вся, неодобрительно отзываясь об академиках, делая все это из самых эгоистических личных соображений.

Так вот, считаю необходимым для решения вопроса созвать совещание в составе академиков Иоффе, Ферсмана, Вавилова, Хлопина, Капицы, академика АН УССР Лейпунского, профессоров Ландау, Алиханова, Арцимовича, Френкеля, Курчатова, Харитона, Зельдовича, докторов Мигдала, Гуревича. Желателен также вызов К.А. Петржака.

Прошу для доклада 1 ч. 30 м. Очень желательно, Иосиф Виссарионович, Ваше присутствие – явное или неявное, или кого-нибудь Вас замещающего.

Вообще говоря, сейчас не время устраивать подобные научные турниры, но я лично вижу в этом единственный способ доказать свою правоту – право заниматься ураном, так как иные способы – личные переговоры с А.Ф. Иоффе, письмо к т. Кафтанову – все это не приводит к цели, а просто замалчивается. На письмо и пять телеграмм тов. Кафтанову ответа я не получил. При обсуждении плана Академии наук говорилось, вероятно, о чем угодно, но только не об уране.

Это и есть та стена молчания, которую, я надеюсь, Вы мне можете пробить, так как это письмо последнее, после которого я складываю оружие и жду, когда за граница, решив задачу, покажет; когда удастся решить задачу в Германии, Англии или САСШ. Результаты будут настолько огромны, что будет не до того, да и некому будет определять, какова доля вины Абрама Федоровича в том, что у нас в Союзе забросили эту работу.

Вдобавок делается это настолько искусно, что и формальных оснований против А.Ф. у нас не будет. Никогда, нигде А.Ф. прямо не говорил, что ядерная бомба неосуществима, и, однако, создано мнение, что это – задача из области фантастики.

Поэтому первая просьба, на выполнении которой я настаиваю, это получение от всех кандидатов будущего совещания письменных соображений о реальности проблемы урана. Заключение должен явиться ответ, какой цифрой оценивается вероятность решения задачи. Те [так в оригинале – ред.] из участников совещания, которые сочтут свою эрудицию недостаточной для письменного заключения, этот вопрос может быть снят, но они не освобождаются от присутствия на совещании.

Г.Н. Флеров [39].

Франк Илья Михайлович
Мы считали главной задачей
помогать фронту всеми силами

Как только был объявлен призыв в народное ополчение, мы, сотрудники ФИАНа, естественно, стали стремиться на фронт, но

один за другим получили отказ... Лишь годы спустя стало ясно, что тогда советским правительством было принято исключительно дальновидное решение: несмотря на трудности войны, сохранить научные кадры, научный потенциал страны. Почти все фиановцы получили бронь...

После прибытия в Казань мы сразу встали перед проблемой, чем заниматься. Нужно было изменить тематику научных исследований и быстро включиться в работы, необходимые для фронта. Связь теории с практикой в то время приобретала первостепенное значение...

Всем известно, что Д.В. Скобельцын с помощью камеры Вильсона сделал замечательные работы по гамма-лучам, по комптон-эффекту, провел исследования бета-излучения и впервые применил не только магнитное поле, но и стереоскопические фотографии, на которых можно было видеть события во всех деталях. Дмитрий Владимирович сразу же стал думать, не пригодится ли это в госпиталях. Он разработал метод стереорентгеновских снимков, был сделан специальный прибор, с помощью которого можно точно определить положение осколка в теле раненого. Прибор испытывал сам Н.Н. Бурденко, главный хирург Красной армии.

Вместе со своим аспирантом О.Н. Вавиловым я занимался вопросами исследования гамма-лучей ионизационным методом. На его основе был разработан прибор для измерения стенок стволов стрелкового оружия. Задача оказалась не очень простая, так как зафиксировать внутри ствола положение радиоактивного источника было весьма сложно. Когда ствол поворачивали, положение источника изменялось, и это приводило к ошибкам в измерениях. Был предложен компенсационный метод с использованием ионизационных камер. Наш прибор, созданный совместно с Институтом машиноведения АН СССР, был практически нечувствителен к малым перемещениям источника излучения, он позволял измерять сталь толщиной до 10 см с точностью не менее десятых миллиметра. Мы сами отвезли прибор на один из уральских заводов, где он был детально проверен, испытан и принят в качестве контрольного.

Хорошо известно сейчас о многих других работах фиановцев, выполненных в военные годы. Огромную пользу принесли

работы по акустической локации самолетов, минной акустике на флоте, прибор для контроля клапанов авиационных моторов, специальные светосоставы, дающие световую вспышку под действием инфракрасных лучей (они использовались для целей ночного видения и сигнализации)...

Хочу еще добавить, что в военную пору мы считали главной задачей помогать фронту всеми силами и в первую очередь делать то, что может быть полезно сию минуту. Но позднее мы убедились: многие работы военных лет оказались ценны и потому, что в них были заложены перспективные идеи, получившие потом развитие... [40]

Чикалина Мария Михайловна
**Несмотря на тяжёлую обстановку,
занятия в школе не прекращались**

Можно сказать, что аттестат зрелости мне выдала война. 21-го июня – выпускной бал в педагогическом училище, и в этот же день – страшное известие о начале войны. Всю войну я проработала в Юркинской школе, где когда-то училась сама. Первый военный год стал первым годом моей педагогической работы. Несмотря на тяжелую обстановку – осенью 1941 года фашисты подошли к Москве – занятия в школе не прекращались. В школе училось около ста ребят, отцы и братья многих из них в первые же дни войны ушли на фронт. Мы, учителя, рассказывали детям о том, как героически сражаются наши воины, убеждали, что наша армия ни за что не допустит врага в столицу. И школьники чем могли старались помочь фронту, а значит и внести свой посильный вклад во всенародную борьбу с захватчиками. После уроков ребята собирали золу для колхозных полей помогали престарелым. На наших глазах они выросли, становились не по годам серьезными. Мы, учителя, работали на трудовом фронте, по ночам дежурили в сельсовете, принимая по телефону оперативные сообщения, вели агитационную работу, собирали по домам теплые вещи для фронтовиков...

Однажды в конце ноября недалеко от школы была сброшена бомба, к счастью, никто не пострадал, но школа была повреждена (а кроме учеников в ней занимались и взрослые – проходили военную подготовку). После этого мы стали заниматься в частном доме. Было очень тяжело, не хватало учебников, писали на газетах, но мы не падали духом, старались поддержать своих учеников, особенно тех, кто остался круглым сиротой или без отца, погибшего на фронте, не одна семья получила «похоронку». Эти дни навсегда оставим отпечаток в моем сердце.

...Настал День Победы. Он оставил в памяти безграничную радость. Каждая семья ждала возвращения своих близких, которые в трудный для Родины час ушли на ее защиту. Но дождалась не все. Мои родители не дождалась двух своих сыновей, я – своих братьев [41].

Шабаетва Евдокия Михайловна **Несчастье не сломило людей**

То воскресное утро 22 июня 1941 года началось, как и обычно, с забот по долгу. Прошло полгода, как я вышла замуж. Муж мой работал колхозным бригадиром в Стариково. Вдруг слышим: «Война».

Загудела деревня. В тот же день проводили первую группу мужчин. Ушел на фронт и мой муж, обязанности бригадира поручили мне. Потом была заведующей фермой.

Работали все дружно, организованно. Внезапно обрушившееся на страну несчастье не сломило людей, они видели свой долг в том, чтобы трудом внести вклад в достижение победы. Прежде всего это относилось к женщинам. На их плечах лежали к тому же заботы по дому. И постоянная мысль: «Как там, на фронте, что с мужем, сыном...». Одна за другой приходили в деревню «похоронки». Осенью 1941 года война подошла к Москве, Тяжелое это было время. И все-таки никак не верилось, что фашисты захватят нашу столицу. В деревне работы шли своим чередом, колхозники старались убрать весь урожай.

В середине декабря через нашу деревню проходили войска. Мы подвозили из леса бревна, чтобы надежнее была переправа через Дубну. Как-то светлее стало на душе, чувствовалось, что есть у нас силы. А вскоре пришло радостное сообщение о разгроме фашистов под Москвой. Война пошла вспять. До победы было еще далеко, она требовала новых жертв и новых усилий.

В разное время ушли на фронт четверо моих братьев, а сестра Надежда на трудовой фронт. На руках матери осталось еще четверо нетрудоспособных детей. Помню, как в 1943 году провожали брата Георгия. Ему было 17 лет, с началом войны закончил курсы трактористов и работал в МТС. Утром того дня мать собрала небольшой узелок, и пошли мы в военкомат. А потом ожидание вестей. Георгий участвовал в освобождении Пскова, Риги, дошел до Берлина. Правительственные награды, благодарности Верховного Главнокомандующего – свидетельство его боевого пути. Два моих брата не вернулись домой, а третий умер вскоре после войны... [42]

Шелаевская Ираида Сергеевна **Вольнонаемная участница войны**

Перед войной я успела окончить пятый класс, и мне 13 лет исполнилось в августе 1941 года, уже во время войны. Почти во всех ленинградских школах в первый военный год занятий не было. Тут я с радостью увидела объявление районного штаба местной противовоздушной обороны, приглашавшее на курсы командиров отделений, пошла туда и была принята без распросов о возрасте. Получив справку об окончании курсов, я заявила о себе в домовом формировании МИВО. Это приняли к сведению и допустили до участия в дежурствах при бомбежках и обстрелах,

Летом 1942 года я поступила на деревообрабатывающий завод им. Халтурина в столярный цех, где в это время занимались сборкой ящиков для мин и быстро втянулась в это дело. Ну а с октября возобновились занятия в школах, и я вернулась к учебе

в седьмом классе (шестой мне удалось закончить весной 1942 в одной из редких школ, где устроили ускоренный выпуск).

Летом 1943 года, после окончания 7-го класса, мне удалось устроиться на работу в самый большой военный госпиталь Ленинграда, который входил в состав действующей армии. Так я и стала вольнонаемной участницей войны [43].

Детство, опалённое войной

Адушкина Валентина Павловна
Американский мёд

*Мне на веку запомнилось немало,
Но только детства вспомнить не могу.
Его война, как стебелек, сломала
Июньским днем за речкой на лугу.*

Ф. Васильев

*Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем
Выдали медали,
И только в сорок пятом –
Паспорта.*

Ю. Воронов

Так уж получилось в моей жизни, что я никогда не слышала выстрелов из какого бы то ни было оружия, потому что я не видела войны. В нашем селе, которое затерялось в российской глубинке, не было немцев, не раздавался гул канонады, не затемняли окна. Но беды от войны – смерть, плен, горе, голод, сиротство – я видела и помню. Об этом много говорили в нашем доме. Я не помню, когда и как появились в нашем селе эвакуированные женщины с детьми, которых привезли с Украины и разместили в домах как бы взамен тем, которые ушли воевать. Таких семей было предостаточно, так как вместе с отцом уходили на фронт и подростки сыновья.

С тех пор, как я помню себя на свете, в нашем доме жили мама, бабушка, моя сестра, старше на полтора года, и эвакуированная женщина с маленькой девочкой, моей ровесницей, с редким именем Августина. Но так ее никто не звал. Звали ее Гутя, и она была тоже наша.

Гутина мама, мы с сестрой ее звали тетя, устроилась на работу в госпиталь, который разместился в здании сельхозтехникума. Ей был положен продовольственный паек, не знаю, как регулярно выдавали, а у нас была коза и огород. Так и жили одной семьей. Целый день мы были с бабушкой, которая успевала справляться с огородом, козой и нами.

Помню длинные темные вечера, бабушка на коленях перед иконой вслух читает молитвы. Мы тоже за ней повторяли, механически заучив текст наизусть, абсолютно не понимая смысла. Но каждая молитва заканчивалась осмысленной просьбой к боженьке, чтоб он скорее закончил войну и вернул отца домой живым. Так нас учила бабушка.

Может все это и ни к чему, чистая случайность, но промозглым осенним вечером раздался стук в наше окно. Это отец вернулся с войны. Помню суматоху в доме. Слезы, смех, прибежали соседки и чужой, обросший колючей щетиной дяденька, которого я видела впервые, обнимал нас с сестрой, а мы с криком и плачем вырывались из его объятий. Мы долго боялись отца, потом долго привыкали к нему, пока он из чужого дяди не стал нашим отцом.

Интересно и то, что Гутин отец, кадровый офицер из украинского городка Белая Церковь, тоже вернулся с войны. Об этом

нашей маме сообщила тетя, которая спустя какое-то время прислала ей в подарок вязанный платок из козьего пуха. Я тоже иногда повязывала этот платок в школу, если успевала перехватить его раньше сестры.

Помню, как однажды тетя пришла с работы и достала из сумки банку. Паек. Налила из нее в тарелку что-то густое, белое, липкое и поставила перед нами, наделив каждую кусочком хлеба. Ничего слаще я не пробовала. Мы макали хлеб в эту тягучую массу, потом по очереди облизывали уже пустую тарелку. Не забыла спросить у мамы, что нам приносила тетя. «Американский мед», – коротко ответила мама, то ли не знала, что это такое и на ходу придумала название, то ли не хотела говорить, чтоб пресечь наше любопытство.

Прошла война. Наше милое, босоногое, безвозвратно ушедшее детство! На него выпали неурожай, восстановление разрушенной страны, непосильные налоги, облигации. Мы не были избалованы ни сытной едой, ни красивой одеждой. Помню, в начальной школе выстроив нас по торжественным дням в шеренгу, полуобутых, кое-как одетых, не всегда сытых, заставляли кричать хором: «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!» О логике тогда никто не думал да и в школе мы ее не проходили...

Отшумели школьные годы. Я уже училась в университете и жила в общежитии, когда почувствовала себя нездоровой. «Низкое давление крови. Улучшить питание». С этим я вышла из медпункта и, следуя совету доктора, зашла в магазин. На витрине была сооружена высокая пирамида из банок с надписью «Сгущенное молоко». Я купила одну и отправилась в общежитие повышать давление. Открыла банку. Боженька! Все молитвы мной давно забытые напрочь. Но наш домик, Гутина мама, тарелка, до блеска облизанная нами и мамины слова, услышанные из далекого военного детства: «Американский мед...» Поистине, память детства – это навсегда [1].

Ануфриева Галина Ивановна

Так как рано пришлось повзрослеть

Война... Как давно это было, но помнится все, до мельчайших подробностей, так как рано пришлось повзрослеть...

Как тревожный набат прозвучали слова по радио 22 июня 1941 года: «Сегодня, в 4 часа утра, германские войска вероломно, без объявления войны напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке города... Красная армия и весь народ поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь и свободу. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». В этот же день началась всеобщая мобилизация. Женщины плакали, у мужчин были встревоженные суровые лица. Глядя на взрослых, мы, дети, понимали, что война – это страшно.

В нашей семье было пятеро несовершеннолетних детей, младшей не было и года. Мама страдала тяжелым недугом, находилась в больнице. Мысль о том, как будем жить, если отец уйдет на войну, терзала нас, но ему дали отсрочку. В годы войны весь тыл работал по призыву: «Все для фронта, все для победы». Надо было обеспечить страну вооружением, продовольствием, обмундированием, медикаментами. В работу включилось все население страны от мала до велика.

Мы жили в северной деревне Архангельской области, и здесь шло свое сражение за хлеб, за жизнь. Снаряды не рвались, пули не свистели, но были «похоронки», голод, страшная нужда и работа. В нашей семье погиб брат, дядя, калекой вернулся с войны второй дядя (папин брат).

Мы, дети войны, сразу включились в работу, помогая фронту своим непосильным трудом, боролись «с фашистской силой, с проклятой ордой» как пелось в песне «Священная война», которая появилась уже на четвертый день войны и которая оказала огромное влияние на формирование взглядов и наше взросление. С весны до октября работали на колхозных полях, собирали урожай, а на лугу шла заготовка сена.

Помню, как бабушка брала в колхозе целую навину (малое поле), и мы с ней вручную, серпом, жали ячмень, рожь, пшеницу. Не уходили с поля, пока не сделаем работу до конца. Руки страшно болели (серп большой, руки маленькие), ныла спина. Дома уже не до еды – сразу спать, а утром ни свет ни заря снова в поле. В сенокос тоже работали на износ, заготавливая корм для общественного скота. Для личной коровы разрешалось косить только в труднодо-

ступных местах: в кустарнике, на болоте. Заготавливали веники березовые, ольховые, ивовые. Помню, как после второго класса выполняли задание – 200 веников за каникулы.

Зимой наша помощь фронту заключалась в хорошей учебе и шефстве над скотом: телятами, ягнятами, поросятами. Так как рабочей силы не хватало, то помощь наша была необходима, иногда приходилось черпать из колодца по 30-40 ведер воды. Сейчас приезжаешь домой, вспоминаешь и думаешь, как же это все выдерживали маленькие ручки.

Условия для учебы в школе тоже не из легких. Зимы были суровые, на уроках сидели в пальто и платках. Чернила замерзали (их делали из печной сажи), приходилось отогревать, писали перьевыми ручками. Тетради только для контрольных работ, а домашние письменные задания писали на старых журналах, газетах, предварительно разлиновав их. Учебников не хватало, приходилось бегать за учебником на другой конец деревни.

В 1943 году, учась в третьем классе, нас приняли в пионеры, жизнь стала интересной, ответственной: пионерские сборы, костры, пионерские песни, трудовые дела. За отличную учебу в школе я была награждена похвальной грамотой, за хорошую работу в колхозе – путевкой на областной слет пионеров в город Архангельск. Для меня это была высокая награда. Надо еще иметь в виду: шел суровый 1943 год, и в каждом выступлении на слете звучал призыв – вносить как можно больший вклад в приближение победы над врагом.

Кроме домашних работ: носить воду, дрова, нянчить младших братьев и сестер, надо было, еще выкраивать время вязать варежки, носки для бойцов Красной армии. Шили кисеты (для табака), вышивали их, писали теплые письма, рисовали открытки к праздникам, поздравляя бойцов.

Война закаляла нас, делала взрослыми. Научились распределять время, чтобы его на все хватало. На беготню и детские шалости времени не оставалось. Дети были вечно голодные: почти все, что вырабатывалось в личном хозяйстве, отдавалось государству. Налоги были на все: молоко, яйца, шерсть и т.д. До сих пор, кажется, болят пальцы от горячей, недоваренной картошки, которую надо было сварить, очистить, разрезать со-

ломкой, сушить в печке и потом сдавать в сухом виде государству (налог).

Мы были несказанно рады хлебу, который был с добавкой мха или мякины и которого всегда было мало. Спасительной живинкой был луг, где собирали щавель, дикий лучок, чеснок, клевер, крапиву. В лесу – ягоды, грибы, дикие орешки. Возможно, это все и спасало от болезней. Но в школе некоторые дети падали в голодный обморок. Мечта – досыта поесть хлеба. Сами сочиняли частушки: «Неужели это будет, неужели я дождусь, хлеба досыта наемся, чаю с сахаром напьюсь!»

К концу войны одежда и обувь стали совсем ветхие, но никто не жаловался, понимали: нам было легче, чем детям, которые находились в местах боев или кого угнали в Германию, в рабство, а также малолетним узникам [2].

Башмаров Владимир Михайлович **Школу юнг я закончил с отличием**

Мой отец в начале Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. После битвы под Москвой отец пришел домой: 13 ранений. Отлежал почти год в госпитале в Дмитрове. Вместе с отцом там лежал капитан-лейтенант морской службы. Его батальон был разбит, а он тяжело ранен. После выхода из госпиталя капитан-лейтенант уже был непригоден к строевой службе и его направили на Соловецкие острова преподавателем в школу юнг. И мне захотелось тоже туда поехать учиться. Отец говорит: «Начитался Ж. Верна, теперь поезжай».

Это Архангельская область, оттуда начинал Петр I строить корабли. Там формировали на корабли экипажи, вот туда я и приехал. В школе оказалось полным-полно таких ребяташек, как я. В 1944 г. были ребята из Москвы, Ленинграда. В Соловецкой школе юнг учился В.Пикуль, ставший в последствии знаменитым писателем.

В Архангельске нас формировали и на английском транспорте отправили на Соловки. До этого на Соловках в землянках жили заключенные. Ко времени нашего прибытия их отправили в Коми

АССР, а нам освободили землянки. Нам выдали обмундирование: шинели длинные, рукава длинные, но у нас было чувство романтики, энтузиазм. Правда, многие ребята начали оттуда убегать. В феврале было много снега. Скажу откровенно, это были не землянки, а клоповники. Столько было клопов, что их не выведешь. Запасы были треска и фасоль.

Начались занятия. Затем нас разделили по возрасту. Сделали учебный отряд для Северного флота. Были там школы оружия, торпедная школа, школа связи. Нам выдали первые ленточки на бескозырки. В 6 часов подъем, физзарядка, затем – в школу. Я учился по специальности артиллерист – электрик. Мы не знали, будем мы завтра живы.

Через 7 дней пришел американский ледокол «Северный ветер», и нас повезли в г. Полярный. Это была главная база Северного флота. Там начали распределять по кораблям. Для тех, кто окончил школу с отличием, можно было выбрать, на каком корабле служить. Мы знали в то время, какие корабли наши, какие американские и английские. Все они были на Северном флоте. Самолеты были в основном английские, торпедные катера – американские. Продукты также были их производства. Я попал на эсминец «Громкий». Вот на этом эсминце я и встретил конец войны. Пришли мы из похода, 9 мая 1945 г. в Кольском заливе стояло много иностранных кораблей, и все стреляли [3].

Бушуева Изольда Александровна **Игрушек не было**

До войны наша семья жила в Москве. Мы были счастливы – отец только что получил 2 комнаты в 3-х комнатной квартире, И мы ждали, когда освободится третья комната, которая предназначена для меня. В мае 1941 г. соседка выехала, но комната так и осталась пустой – наступила война...

Начались полеты немецкой авиации. Мне на шею мама повесила в тряпочке адрес своих сестер, которые жили в Башкирии. Начались дежурства на крышах домов, так как, часто сбрасывали «зажигалки». На случай «Тревоги» во дворе нашего дома было вырыто

бомбоубежище, стены в нем были земляные, лавки из досок, под ногами вода. Народу во время налета в нем было битком; люди тащили в бомбоубежище узлы, сумки, чемоданы, было душно, освещалось бомбоубежище керосиновыми лампами типа «Летучая мышь».

Однажды сирена воздушной тревоги застала нас недалеко от бомбоубежища, куда пускали только женщин и детей. Это была станция метро, там очень понравилось: чисто, тепло и светло, но там же я впервые испытала чувство мучительной тревоги, ведь наверху остался мой папа.

Не помню, по какой причине, но как-то мы вышли из бомбоубежища раньше отбоя. Глазам моим открылась «сказочная картина»: по темному небу бегали белые полосы прожекторов, пунктиры трассирующих снарядов пересекали друг – друга в разных направлениях, поднимались и гасли ракеты. «Мама! Как красиво!» – воскликнула я. Реальность происходившего еще не доходила до детского сознания.

В сентябре началась эвакуация завода №166, где работал мой отец. Уезжали в Омск. В спешке отец посадил меня и маму в эшелон, где в товарном вагоне на двухъярусных нарах разместились семьи сотрудников завода. Будучи начальником транспортного отдела, отец остался в Москве, обеспечивал эвакуацию оборудования и людей. Мама была встревожена, моего брата, который только что пошел в 10 класс, послали за город на сельскохозяйственные работы.

Состав наш двигался медленно, долго стояли на перегонах, пропуская эшелоны с солдатами в одну сторону и ранеными в другую. На 3-и сутки пути нас на машине догнал отец, он привез моего брата, оказалось, что вместо сельскохозяйственных работ ученики рыли окопы. Немцы подходили к Москве. От налетов немецкой авиации среди учеников были жертвы. В Омск мы ехали около 2-х недель. От этого путешествия запомнились привокзальные запахи, свистки паровозов, стук колес и встревоженное лицо мамы.

В Омске нас разместили в общеобразовательные школы, мы жили в спортзале, спали на полу вместе с другими семьями беженцев. Горячую пищу готовили на кострах во дворе школы. Варили картошку, яйца, мама кипятила мне молоко, которое покупала на базаре. Через неделю началось расселение на постоянное жилье.

Многие поселились в частном секторе, а нам досталась комната в 2-х комнатной квартире недостроенного дома по ул. 10 линия. Стены в комнате были кирпичные, штукатурки не было, рамы не окрашены, доски полов не прибиты, электричества, отопления, водопровода и других «удобств» не было.

Наступили холода, и отец поставил в комнате металлическую печку «буржуйку», трубу от которой вывел через форточку. Спали одетыми, ночью по комнате бегали крысы, которые забирались даже на кровать. В начале ноября провели отопление, но топили скудно.

В 16 лет брат подал заявление на фронт, по возрасту его не взяли, а затем он пошел работать слесарем-сборщиком на завод – не хватало рабочих рук. С работы отец и брат не приходили сутками. Мама на добровольных началах, без оплаты труда, ухаживала в госпитале за ранеными, и я часто оставалась дома одна. При свете копилки я вырезала из бумаги фигурки людей, лошадок, расставляла их на столе и представляла, как они двигаются, живут, разговаривают со мной, и время проходило быстро.

Зарплату на заводе платили регулярно, но отоварить карточки было не так-то просто. Продуктов в магазине не было, за хлебом, керосином стояли огромные очереди.

На ногах у меня появились чирьи. Врачи сказали «малокровие» и мама понесла на базар, чтобы обменять на продукты те вещи, которые удалось захватить с собой.

За городом у нас был участок земли для посадки картошки, но до весны ее не хватало. На колхозных полях выкапывали по весне прошлогоднюю, обжигающий вкус которой помню по сей день. Иногда выручало ружье отца. В лесах около Омска было много дичи, но времени для охоты у нас было мало. Из заводской столовой брат в алюминиевой коробочке приносил мне кусочки котлеты, немного каши или картошки, словом, то, что оставлял от своей порции. По сути, сам ребенок он думал о сестренке и работал так, что через пол года работы получил удостоверение «Стахановец».

Между домами люди разрабатывали делянки, все газоны были заняты грядками, сажали табак на махорку, картошку, морковку. Нам повезло – напротив нашего дома стоял такой же двухэтажный из красного кирпича дом, в окнах которого были решетки. Там под

охраной жил с другими членами его бюро авиаконструктор Туполев. Под конвоем их водили на работу мимо нашего дома. В 1943г. здание, где жил Туполев, опустело, и там сделали детскую поликлинику.

В сентябре 1943г. меня отдали в женскую школу №46. Обучение было раздельное. Из старого папиного пиджака мама сшила мне новое зимнее пальто, брезентовая сумка от противогаза заменила портфель. Тетради сшил и налиновал карандашом папа из старых заводских синек. Особой гордостью был пенал, который отец сам склеил из плексигласа.

В сильные морозы (свыше 25°) занятия в школе отменялись, оповещением об этом служил белый флаг, который вывешивали над входом в школу. Чтобы узнать об этом, надо было проделать весь путь до школы, подняться на железнодорожную насыпь, и, увидев флаг, идти домой. В первом классе мы изучали письмо, арифметику, чтение, рисование, пение и военное дело. Я быстро научилась читать и записалась в библиотеку, которая была прекрасной.

Теперь, оставаясь дома одна, я много читала. Моими друзьями стали: Маугли, Элли из «Изумрудного города», царевна-Лебедь, сказочные богатыри... Каникулы были только зимние, но елку в школе не ставили, в те тяжелые годы не было такой традиции, зато в летние каникулы нас водили в краеведческий музей, где на меня произвели впечатления чучела животных, обитающих в Омской области.

После 1 класса меня отправили в школьный лагерь, который был расположен на берегу Иртыша, ехали туда на катере. Лагерь был весь из фанеры. Из фанеры столовая, спальни с огромными окнами, деревянные зловонные туалеты. Всем отрядом спали в одной фанерной палатке на деревянных раскладушках типа «козлик». Строем ходили в столовую, утром делали зарядку. Помню, как у меня от нее кружилась голова. Изучали военное дело, пели военно-патриотические песни. На отрядных линейках нередко падали в обморок. Питание было слабое, но однажды нам дали сладкое, ароматное, холодное молоко на блюдечках и сказали, что это мороженное. Холодильников не было. Я все время хотела домой. Вернулась домой счастливая, с полной головой вшей.

Играть со сверстниками во дворе было интересней. Играли в прятки, в «войну», иногда в похороны. Гражданская панихида по летчику – испытателю произвела на нас, детей, большое впечатление. Он лежал в клубе, стоял почетный караул и цветущая герань в керамических горшках, звуки оркестра.

Игрушек не было. Я лепила из глины разные фигурки, собирала цветные стеклышки, шила из тряпочек кукол. Игры во дворе продолжались до тех пор, пока не раздавалось шарканье ног и гул глухих голосов. Это вели с работы заключенных. Их сопровождала охрана, они шли нестройными рядами, в колонну по 4, одетые в серые телогрейки. Некоторых несли на деревянных щитах, не знаю, были это больные или мертвые, но нам, детям, становилось жутко и, прячась по подъездам, мы из полузакрытых дверей наблюдали за шествием.

Из сладостей самым вкусным был кусок хлеба, политый постным маслом, но питание как-то отходило на второй план, забывалось чувство голода, когда удавалось попасть в кино. Билеты доставали с боем, хотя один и тот же фильм шел 10–12 дней. Цены на билеты были низкие. Помню фильмы «Подкидыш», «Волшебное зерно», «Сказка о царе Салтане».

Летом бегали босиком, помогали пропалывать грядки, собирали съедобные травы: щавель, борщевку, лебеду, крапиву.

У меня было еще одно тайное увлечение. Рядом с нашим домом были вырыты котлованы под фундаменты других домов, но война помешала строительству. Земля там была глинистая, котлованы заполняли водой, летом она покрывалась зеленой тиной. Я любила сидеть одна около этой воды и бросать в нее кусочки глины. Тина на мгновение расходилась, и я представляла, что это вход в подводное царство, где среди красивых водорослей стоит прекрасный дворец, в котором одна комната из шоколада, другая из мороженого, третья из пышных булочек, живет там сильный рыцарь, у которого щит отражает все снаряды и пули, они возвращаются и поражают фашистов. Фантазировать на тему «еда и война» можно было долго.

Телевидения тогда не было, радиоприемники конфисковали еще в начале войны, но в 1942 г. к нам в дом провели трансляцию. На стену повесили черный круглый динамик, по которому слушали музыку, последние известия, сводки с фронта. Однажды

передавали Отрывки из поэмы Алигер «Зоя». Я была потрясена и решила испытать, способна ли я на что-то такое. Раздевшись до штанишек и чулок, выбежала зимой на улицу. В это время с работы шел мой отец, он сначала остолбенел, а потом за шиворот втащил меня домой. На вопрос, почему я так сделала, я ничего не отвечала, плакала, но «тайну» не выдала.

Война отняла у моего поколения детство. Многие потеряли отцов, матерей. Трудно было всем. Я дважды лежала в городской детской больнице с диагнозом «ослабленное здоровье», но все мы, и больные, и взрослые ждали победы, надеялись и верили [4].

Быков Анатолий Петрович **Жили и выживали**

22 июня 1941 года ничто не предвещало беды. Было лето. Мы с мамой жили в то время в двухэтажном доме № 36 на ул. Новоподберезской (ныне это дом № 30 на ул. Тверской). Мама работала учительницей начальных классов в школе №1, а я ходил в детский сад, в котором сейчас располагается музыкальная школа №2.

...22 июня 1941 года был солнечный день. К нам в гости из Риги приехала мамина подруга Полина Александровна с мужем-пограничником. Ему дали отпуск, и они направлялись навестить своих родителей в деревнях Неклюдово и Керузино Кимрского района. Вся компания отмечала встречу, шла, как обычно, оживлённая беседа. Меня же мама послала с большой тарелкой за мороженым, которое продавали тогда на передвижной тележке около кафе рядом с нашим домом. В то время фасованного мороженого не было, продавцы заполняли лакомством формочки с круглыми вафлями и укладывали их в тарелку. Довольный покупкой, я, обходя стороной разгуливающих около кафе индюков, вернулся домой к столу, и вдруг... Я не мог понять, что случилось. Полина Александровна плакала на плече мужа, а он твердил одно и то же слово: «Война, война». Прямо из-за стола, попрощавшись со всеми, он уехал... в никуда и навсегда. После этого дня о нём никаких сведений не было, и нет до сих пор. Звали его Алексей Зобков, из деревни Керузино. И таких, как он, бесследно пропав-

ших, было очень много. Все они обрели общее звание «неизвестный солдат».

А у нас во дворе» наступила тревожная пора. Мимо нашего дома проходили и проезжали на подводах беженцы, иногда прогоняли большие стада коров. Однажды в числе беженцев у нас появилась и мамина сестра. Она потом жила в селе Ильинское.

Какое-то время с начала войны я еще посещал детский сад. Но уже периодически в поселке звучала сирена, а из репродукторов на столбах звучал голос: «Воздушная тревога. В том месте, где находится сейчас овощной магазин, находилось бомбоубежище, в которое воспитатели детсада переводили нас на время тревоги, а после отбоя возвращали назад.

Но скоро детский сад был закрыт. Гудки сирены продолжались и во время тревоги жители наших домов прятались на окраине в болоте. Очень хорошо помню звук немецких самолётов. Однажды самолёт пролетел очень низко над нами, и я чётко увидел свастику на его крыльях. Рёв самолёта был оглушительным. Всё происходило в какой-то миг, но это был очень страшный миг. Иногда наш посёлок бомбили. Я запомнил результаты разрывов двух бомб. Одна разрушила угол дома, что возле овощного магазина, а вторая попала в заводской корпус, но... не взорвалась по какой-то причине. Ходили слухи, что она была начинена песком. Ее потом откопали, разрезали пополам, и эти половинки долго стояли на крыльце углового дома на нашей улице.

После эвакуации завода поселок заметно опустел. На улице Ленина пустовали почти все каменные дома, а на улице Стахановской (ныне ул. Свободы) – несколько бараков. Правда, через какое-то время их облюбовали «семейные» вороны с воронятами. Мы с мальчишками ходили подкармливать в гнёздах ещё голых птенцов дождевыми червями. Встречали они нас многоголосыми криками. По-моему, черви для них были просто лакомством. Матери-вороны обычно не поднимали шум, наблюдая за трапезой со стороны. То есть все были довольны. Доброта ведь она всему живому существу понятна и приятна.

Из населения в поселке, как я вспоминаю, остались учителя, вернее, учительницы (ведь мужчины-учителя тоже ушли на войну), врачи да, как правило, многодетные матери из местных и

беженцев, которые осели у нас навсегда. Некоторые из них и сейчас живут в Дубне (потомство, конечно). В общем, среди детей была почти сплошная безотцовщина, однако заботой нас никто не обделял.

За летними каникулами наступило 1 сентября 1941 года. Школа №1 не работала, а оставшиеся ученики ходили учиться в одноэтажный дом на ул. Тверской, стоявший напротив барака, в котором располагалась милиция. Сейчас этого дома нет. Чтобы не оставлять меня одного дома, мама брала меня с собой в класс и сажала за последнюю парту. Об этом помнят и ее бывшие ученики, живущие в левобережье, Тамара и Александр Башарины, с которыми я общаюсь, и по сей день.

Незаметно наступили короткие зимние ночи. Тревожные сводки всё чаще напоминали о себе. Гитлеровские войска находились на подступах к Москве. Уже были в районе Дмитрова и совсем близко от нас в сторону Калинина (Твери). Гул вражеских самолётов стал чаще и назойливее, но в болото уже никто не прятался, во-первых, привыкли, во-вторых, мороз не позволял – замёрзнуть можно было.

И всё-таки мама, беспокоясь обо мне, решила отправить меня в деревню Неклюдово к подруге. Оттуда за мной приехали на лошади, впряжённой в сани, заполненные душистыми сеном (корм для коня) и деревенскими овчинными шубами. В таком уютном транспорте я укатил в незнакомые мне доселе «пенаты». Ехали мы днём и ночью. Помню, как в ночном небе за Кимрами отражалась огни прожекторов и всполохи от разрыва снарядов. Прожектора периодически «ловили» вражеские самолёты и старались подольше задержать их в этой «ловушке». Обстрел в это время усиливался. Но, видно, самолёты находились на очень большой высоте, и потому снаряды их «не доставали».

Под утро я был уже в деревне. ...У моих спасителей зимой появился ребёнок. Полина Александровна родила сына, об отце которого – пограничнике Алексее Зобкове – я уже рассказывал. Я любил качать его в деревенской люльке, которую подвешивали к потолку. Спал я на русской печке в компании с тараканами, которых в деревне было предостаточно, но я не помню, чтобы кто-то с ними «воевал», да и мы к друг к другу претензий не имели. Под их

шуршание я и засыпал. Ведь они тоже были «местными жителями» с незапамятных времён.

Парную баню принимали по-чёрному тоже в русской печке, на соломенной подстилке, а ополаскивались в кадучке. Меня, правда, в печку запикивали с трудом и под мои громкие вопли. Но зато потом наступали такая истома во всём теле и бодрость, что хотелось петь и плясать. Моя любимая баба Марфа, между прочим, научила меня деревенским частушкам. Да и на посиделках под гармонь (зимой это было как правило) и их наслушался вдоволь, так что, вернувшись потом домой, был «подкованным» деревней на все сто.

Хорошо ещё помню запах каравая чёрного хлеба, который баба Марфа пекла в печке каждую неделю. Пожалуй, лучшего лакомства не было на свете. Зерно на муку мололи на ветряной мельнице, которая стояла на краю деревни. И, в общем, в деревне с едой проблем не было. А вот в посёлке... Это был сложный вопрос и большая проблема. А проще – голодали. Хлеб – по карточкам, о качестве его и вспоминать не хочется. Но главное, его совсем не хватало. Больше пайки ни гу-гу. Поэтому многие жители посёлка бродили по деревням и меняли свой скарб на пропитание. В один из дней в деревне появилась и моя мама. На плечах у неё был мой детский трёхколёсный велосипед. Как она донесла его до деревни, одному Богу известно. И поменяла она его в деревне Керузино на котомку гороха. Так с этой котомкой и отправилась назад домой. Слезы наворачиваются от таких воспоминаний...

*Прошли зима и золотое лето,
Той деревенской прелести пора.
Счастливым сном я вспоминаю это,
И снится мне наша детвора.*

...Российская морозная зима и сибирские дивизии разбили фашистов под Москвой. В деревню поступали вести, что в поселке жизнь стала оживать, и завод наш тоже зашевелился, но только под другой «символикой». Да и мне наступило время собирать (как тогда говорили) свои манатки и возвращаться домой. Домой я добирался впервые в своей жизни на речном транспорте – катере,

который причалил почти к самому левому берегу недалеко от плотины. Причала никакого не было, и мы спускались по трапу. Здесь меня ждала мама.

Шел 1942 год, а затем 1943-й, 1944-й и долгожданный, победный, 1945 год. Но это уже было потом [5].

Викторова Валентина Петровна Никогда не забуду наши ночные смены

Я родилась в 1931 году в деревне Ковшино, неподалеку от Яхромы Дмитровского района. Помню 22 июня 1941 года. Воскресенье. Из Дмитрова вернулась соседка и сообщила, что началась война. Помню первый налет на Москву – в конце июля. Мы всей семьей сидели на крыльце и смотрели на огненное небо, прожектора освещали его с такой силой, что видно было на пятьдесят километров вокруг. 22 августа мы с мамой проводили папу в Дмитровский райвоенкомат. Больше мы его не видели, папа погиб в боях под Смоленском.

Однажды, было это в конце ноября, мама увела нас в окопы-землянки, вырытые возле соседнего дома, сказала, что скоро немцы будут в нашей деревне. Ночь мы и вместе с нами еще три-четыре семьи провели в окопах. В семь часов утра к нам вбежали трое русских солдат с винтовками и предупредили, что немцы уже близко. Через час слышим голоса: «Рус, выходи!» Солдаты вышли с поднятыми руками, оставив винтовки. После этого под крики «Рус, выходи!» немцы открыли пальбу по входу. Услышав выстрелы, мы страшно закричали. В землянку вошли немцы, увидели винтовки, оставленные солдатами, заорали: «Рус партизан!» Но, убедившись, что тут много маленьких детей, перестали стрелять и выгнали нас прочь. Мы побежали в ближайший дом. Вошли с заднего входа, передние двери были закрыты. Через некоторое время слышим, как немцы принялись выбивать запертую дверь. Ввалились высокие рыжие фрицы, принялись осматривать дом. Из-за печи и из подпола стали выходить русские солдаты... Вечером нас из этого дома выгнали, мы отправились в другой. А в нашем родном доме немцы устроили баню. Через несколько

дней, когда шли бои за Перемиловскую высоту, наш дом пострадал от снарядов.

Жили мы, четыре семьи, на кухне, а комнату немцы заняли под лазарет. Раненых прибывало, становилось тесно, и нас из дома выгнали. Хорошо помню, положили мы вещи на санки и решили бежать, а куда – не знаем! Помню: вечер, сильный мороз, полная луна, и мы куда-то идем. Нас останавливают местные жители и говорят, что в той стороне, куда мы шагаем, идут сильные бои. Вскоре добрые люди пустили нас в дом.

Однажды мы с мамой отправились в Яхрому, проведать ее отца, который оставался там один, а был уже пожилой человек. Идем: снег, метель – вдруг слышим немецкий голос. Фриц-часовой преградил нам дорогу, мама принялась ему объяснять, куда и зачем мы идем, а он в ответ выстрелил сначала вверх, а потом принялся стрелять нам под ноги. Мы ползком вернулись домой...

От взрослых мы, дети, слышали, что в Яхроме осталось несколько коммунистов, которые взорвали мост через канал и лед, чтобы фашисты не смогли перейти на другую сторону канала. Слышали еще, что русские ребята вели бои за яхромскую школу. Жили мы при немцах десять дней. 8 декабря Яхрому освободили наши войска.

Весной мы пошли в школу. Подвозили на саночках брикеты торфа, чтобы топить печь. В школе нам выдавали хлеб – по 50 граммов каждому. Дома мы шили кисеты для наших солдат, заполняли табаком, прикладывали к кисету теплые носки и относили все это в школу, там собирали посылки и отправляли на фронт. Весной 1942 года все дети и женщины отправились из Яхромы в колхоз за десять километров сажать картофель. Картошку несли в мешках через плечо все 10 километров.

Учились мы только зимой, а все остальное время работали в колхозе. Никогда не забуду наши ночные смены: до 3 утра молотили рожь. Взрослые были у молотилки, а мы, дети, стояли парами и отбрасывали солому. Помню, какой стоял голод. Ели крапиву, откапывали мороженую картошку, толкли ее, делали лепешки и обжаривали на плите. Никогда не забуду эти черные крахмальные лепешки... 9 мая 45 года утром в школе нам объявили, что война закончилась. В 11 часов весь город собрался на шествие и митинг в честь Победы [6].

Глаголев Виктор Викторович Тулу немцы не взяли

21 июня 1941 года мы собрались в доме по улице Бундурина, 30, на именины маминой сестры Антонины и там заночевали. Часов в 11 утра 22 июня по радио сообщили о том, что в 12 часов дня выступит Вячеслав Михайлович Молотов. Женщины сразу заплакали и сказали, что это война. Так и оказалось. В мои девять лет мне было непонятно, как они догадались, и чем-то даже интересно.

Буквально через день из своей новой квартиры на Рогожинском поселке (южная окраина Тулы) мы увидели цепочку столбов черного дыма в северной части города, но взрывов не слышали – далеко. Потом узнали, что немцы целились в железнодорожный узел, а бомбы попали на улицу Братьев Жабровых, где каждый второй дом был уничтожен. Многие жители погибли. После этого в городе не раз звучали сирены воздушной тревоги, оконные стекла были крест-накрест заклеены бумажными лентами, соблюдалась строгая светомаскировка. Мы перебрались на время к бабушке, в центр города. Теперь здесь собрались все ближайшие родственники по линии мамы.

Мама, как и многие женщины, ходила рыть противотанковые рвы. За день работы давали буханку черного хлеба. Но после того, как она попала под пулеметный обстрел с самолета, на эти работы ходить перестала.

Фронт быстро приближался, и на мой день рождения 30 октября (исполнилось 10 лет) уже слышалась артиллерийская канонада. Позднее стало известно, что в этот день немцы предприняли танковую атаку в районе Рогожинского поселка. Эта атака, как и последующие, была отбита. Враг потерял в этот день 30 танков. События ускорились. Вышел приказ, чтобы все мужчины покинули город и собрались в назначенных пунктах. Отец и дядя Слава выполнили приказ и через некоторое время эшелонами были доставлены в город Киров, где стали работать на танковом заводе. Третий мужчина в доме дядя Коля был уже пожилой и одноглазый. Всю войну он оставался единственным взрослым мужчиной в доме.

Тем временем в Туле напряженность возрастала. По ночам начались минометные обстрелы. Бомбежки проводились без объ-

явления тревоги. Туляки распознавали немецкие самолеты по характерному «ухающему» звуку моторов, прятались в убежища. У бабушки в саду тоже была вырыта землянка, перекрытая бревнами и засыпанная сверху землей. Запомнилось, как однажды в сильный мороз днем при ярком солнце бомбили город пикирующие бомбардировщики. На большой высоте они выстроились в круг, и по очереди стали пикировать и сбрасывать бомбы. Разрывы были где-то далеко, но зрелище фантастическое. Не менее фантастичным было впечатление от полета осветительных ракет. Они медленно опускались на парашютах, и по снегу плыли тени деревьев...

В памяти сохранилось несколько ярких эпизодов. Помню, прикрутил к валенкам коньки и вышел за калитку покататься по тротуару. Слышен гул самолета. Мать выбегает, хватая меня, тащит в сени, воют летящие бомбы, через открытую дверь вижу одну из них, мать швыряет меня на пол и сама падает сверху... Взрывы – сзади, спереди и дальше. Двери хлопают, звенят стекла, сверху падают комья мороженой земли. Пронесло. Но в эту бомбежку убило одного моего одноклассника, а другому оторвало ногу. Одна из бомб попала в тот дом на Пушкинской, где мы раньше жили, другая – в хлебный магазин, где под прилавком спасся продавец.

Впервые видел, как стреляют «Катюши». Останавливается машина прямо на нашей улице, снимается чехол, раздается шумный и дымный залп. Зачехляют, уезжают, а мы прячемся по подвалам, опасаясь ответной стрельбы. А стреляли «Катюши» по тому самому Рогожинскому поселку, где был наш дом и где отец перед войной затеял строительство собственного дома. По домам ходили патрули и требовали, чтобы все уходило из города. Помню, пришли, когда мы, дети, были с бабушкой. Бабушка сказала этим молодым солдатам: «Куда же мы с детьми пойдём?» Солдаты ушли и больше нас не беспокоили.

После одной из бомбежек по улице ползла немецкая овчарка, которой перебило позвоночник. Мы, ребята, остановили молодого лейтенанта с пистолетом. Просили его добить бедное животное. Он сначала отказывался, потом вынул пистолет и начал стрелять ей в голову. Наверное, он зажмурился, потому пришлось истратить всю обойму. А собака сама тянула к нему голову до последнего выстрела...

Школы не работали, хлебных карточек еще не было, и хлеб давали по килограмму в руки. Хотя был комендантский час, затемно дворами пробирались к магазинам и записывались в очередь. Номера писали чернильным карандашом на руках. Проводились переклички. Дети ходили вместе со взрослыми, чтобы запастись хлебом на несколько дней. Других продуктов не продавали. На рынке буханка черного хлеба стоила 100 рублей. Это было примерно месячное жалование служащего.

Было голодно. Ввели продовольственные карточки. Единственное, что выдавалось регулярно, – это хлеб: 400 граммов в день «иждивенцам» и 800 – рабочим. Изредка можно было купить крупу. Ели, что могли достать. Например, вымачивали овсяную шелуху с крупорушки и варили из нее горький кисель голубого цвета. Однажды под городом немцы побили нашу конницу. Кто-то из взрослых притащил кусок конины. Котлеты из нее казались лакомством. Иногда перепадала американская тушенка. Делали «тируны» из очистков картошки, зачастую подмороженной. Все шло в дело. Чай пили, какой придется, и, для экономии, с сахаром вприкуску, а бывало, что и вприглядку. Привычка пить несладкий чай сохранилась на всю жизнь.

Позднее, ближе к концу войны, в пригороде выделялась земля под посадку картошки. Помню, как ездил с тяткой на трамвае до конечной остановки, а потом шел пешком в сторону кирпичного завода. Один раз по ошибке окучил чужие грядки. Сказали спасибо.

В бабушкином сарае стоял наш кабинетный рояль. Другого места не было. Мама отдала его за четыре килограмма сливочного масла – детей надо было кормить. Немецкие самолеты разбрасывали листовки-пропуска с призывами переходить к ним за линию фронта. Подбирать эти листовки строго запрещалось. Город защищали полк НКВД и рабочее ополчение. Ополченцы ходили строем, но в гражданской одежде, с оружием, перепоясанные пулеметными лентами, как в революцию. Окопы были прямо за городским парком в каком-нибудь километре-полтора от бабушкиного дома. На главной улице (Коммунаров) за брустверами из мешков с песком стояли зенитные орудия – против ползущих с юга танков армии Гудериана.

В городе бродили разные слухи. Были и случаи мародерства. Недалеко от нас разграбили пекарню. Сам видел, как женщина во-

локла прямо по грязи огромный мешок с сухарями. Но это быстро прекратилось с приказом о расстреле за мародерство на месте. Достаточно было применить эту меру два-три раза. Вскоре на улицах появились солдаты сибирской дивизии, присланной на подкрепление. Один их бравый вид, а они были в полушубках и валенках, сильно поднял настроение у населения. Появилась уверенность, что город не будет сдан врагу.

Действительно, в начале декабря началось наступление наших войск, и немцы были отброшены далеко от Тулы. Буквально через пару дней не стало слышно ни стрельбы, ни артиллерийской канонады. И хотя в двухстах-трехстах километрах к югу на Орловско-Курской дуге ожесточенные бои шли еще долго, в городе начала налаживаться относительно нормальная жизнь. В нашей школе был размещен военный госпиталь, и занятия возобновились в три смены в другом помещении.

После отхода фронта были и печальные последствия. В руках детей и подростков оказалось немало «трофеев». Снаряды, гранаты, порох наделали много бед. Пятеро малышей, сев в кружок, прямо дома пытались разобрать гранату при помощи молотка. Всех выпотрошило. Мы с друзьями нашли в саду неразорвавшийся снаряд. Отнесли его на дно воронки от авиабомбы и разожгли костер. Сами спрятались в стороне за деревьями. Ждем. Прошел мимо пастух с коровой. Дым из воронки перестал идти. Решили, что костер прогорел, и двинулись посмотреть. Не дошли несколько метров до края воронки, как снаряд взорвался. Пронесло.

Зима была суровая и снежная. Мы с мамой взяли санки и отправились в Рогожинский поселок на участок, где отец начинал строить дом. Нашли разваленный сарай, рядом подбитое немецкое орудие и торчащую из-под снега руку. Нагрузили рамы, доски и отправились домой. С большим трудом по сугробам выбрались на дорогу. А через дом, в котором мы перед войной получили новую квартиру, прошла линия фронта... В нашей пустой квартире стояли горшки из-под цветов, заполненные нечистотами. В одной из квартир лежал на полу рояль без ножек с открытой крышкой, с тем же содержимым... В одной из кухонь была вырублена амбразура для крупнокалиберного пулемета – на полу осталось много стреляных гильз.

Итак, Тулу немцы не взяли. Это вселяло гордость за город, который на протяжении веков не доставался врагам. Немцев мы видели только пленными, когда они по нашей улице вели газопровод от «Подземгаза» к заводам. Работали почти без конвоя и в обеденное время ходили по домам, предлагая обменять свои поделки на еду. Пленные вырезали из дерева что-то вроде шкатулок или портсигаров. На крышке увеличительными стеклами на солнце выжигали рисунки. Долго хранил я одну такую поделку с надписью «Тула», на которой были изображены дома с готическими крышами. За кусок хлеба отдавали авторучки...

К моей бабушке повадился один пленный по имени Пауль. Сердобольная бабушка его подкармливала, хотя с питанием было очень туго. Иногда я сидел на кухне с ними вместе и пытался общаться. Пленный объяснял, что он не немец, а мадьяр. Очень боялся дядю Колю. Когда их переводили в другой город, Пауль зашел к бабушке попрощаться. Это была очень трогательная сцена. Здоровый молодой парень плакал и целовал бабушке руки.

Потом пришла похоронка – погиб дядя Слава. Тетя Леля, его жена, хлопотала о его переводе из Кирова на оружейный завод в Тулу. Его отпустили, а во время трудной дороги в эшелоне с Урала дядя Слава заболел дизентерией. Попал в госпиталь, оттуда на фронт и погиб в городе Малоярославце. Там и похоронен. Так моя тетя Леля в 35 лет стала вдовой.

Отец вернулся с Урала в Тулу позднее и продолжил работу в военно-строительной организации.

На время войны у всех были отобраны радиоприемники, чтобы не слушали вражескую пропаганду. Приемники лежали в подвалах Дворца пионеров. Это был бывший дворец самоварных фабрикантов Баташовых. Во Дворце пионеров работали детские кружки. Абсолютно бесплатно. Я сам посещал три кружка: шахматный, радиолобительский и авиамодельный. Научился неплохо играть в шахматы, освоил азбуку Морзе и построил самолет с резиновым моторчиком, который даже летал во дворе. По окончании войны приемники возвратили. Телевидения еще не было, и вся информация о положении на фронтах

передавалась в сводках Совинформбюро по радиотрансляционной сети (черная тарелка). Мы с дядей Колей, мужем тети Тони, следили за сводками и на карте флажками отмечали продвижение фронта.

В классе у нас была группа активных комсомольцев (Юра Мишуков и другие). По их инициативе организовали мы Тимуровскую команду. Помню, нашли через военкомат одинокую мать фронтовика, и на санках всей командой, а было нас больше десяти человек, привезли с Лихвинской базы через весь город дрова, распилили, раскололи и сложили в поленницу...

Одно время через школы раздавали американскую помощь. Это была, в основном, одежда, конечно, не новая. Помню, получил серое демисезонное пальто покроя реглан. С трудом привык к нему из-за необычного фасона. Ходил в школу в этом пальто, сапогах и с офицерской планшеткой – подарком отца.

Нам было известно, что во время войны при освобождении населенных пунктов казнили предателей. Это были люди, прислуживавшие немцам. Обычно их ставили в кузов грузовой машины с открытым задним бортом под перекладной, надевали петли на шеи, машина давала газ, предатели качались под перекладной. Эти сцены показывали в кинохрониках. В Туле тоже прошел слух, что будет казнь на площади Челюскинцев. Народу собралось очень много, но слух оказался ложным.

Потом пришла Победа. Сообщение о капитуляции фашистов диктор Левитан читал очень торжественно в ночь на 9 мая. Перед этим, как и перед всеми важными сообщениями, звучали позывные на мелодию песни «Широка страна моя родная...». Радио всю войну не выключалось, но уже ожидали ее конца. Народ сразу вышел на улицы. Было такое ликование, какого я больше в жизни не помню. На площадях пели, плясали, подбрасывали на руках подвернувшихся военных...

Мне всегда казалось, что мой город заслужил награду. И в конце концов, ему присвоили звание города-героя! Вот такие остались детские впечатления о той большой войне. Память хранит много эпизодов того времени [7].

Гребёнкина Галина Викторовна **И пошли, куда шли люди**

Летом 1941 года мы с братом были в деревне у бабушки (15 км от Калинина). Мне тогда было 7 лет, брату – 4 года. Место там очень хорошее, кругом леса, много ягод было. И ничего не предвещало грозы. Не помню точно число, когда ночью увидели огромное зарево. Это горел наш город. Началась паника. Люди знали о начавшейся войне, но не думали о быстром продвижении немцев по Волоколамскому шоссе к Москве. В городе остались наши родители. Из деревни народ стал уходить, не зная куда, бросая дома, животных. Бабушка наша собрала нам с братом узелки, положила туда хлеба, яиц, сваренных кур. А сама собрала кое-какие вещи, привязала за веревку козу. И пошли, куда шли люди.

Много деревень было пройдено. Немцы шли по пятам, часто бомбили. Было страшно. Особенно на открытом месте. Самолеты летели низко, сбрасывали бомбы. Шла стрельба, люди падали: раненые, убитые. Стоял стон, крик. Все это врезалось в память и надолго осталось. Уйти от немцев нам не удалось, и пришлось возвращаться в свою деревню. Там нас встретили родители. Бабушкин дом сгорел, в него попал снаряд. Собравшийся народ (а тут были еще и беженцы) размещали по домам по несколько семей. Из домов выходить немцы не разрешали, стоял патруль с собаками. Еды не было. У хозяев дома были подвалы под домом. Что не успели взять немцы, стали варить.

В одном из домов (он был большой, кирпичный), когда-то размещался детский сад, теперь расположился немецкий штаб. Туда для работы (уборка, приготовление пищи, стирка) под конвоем приводили женщин. Запомнился один эпизод с моим отцом. Отец – инвалид с детства, он хромал и ходил с палочкой. У него на пиджаке был приколот значок с силуэтом Ленина. Так вот немцы собрали народ, построили в коридоре вдоль стен и заставили отца снять значок, растоптать, а затем бегать от стенки до стенки без палки, и под пулеметным прицелом. Стреляли, но не в него, а мимо. Отец остался жив.

Однажды собрали много народу, вывели из домов и посадили в большой подвал, облили вокруг бензином и хотели поджечь, но в

это время наши бойцы открыли огонь из леса, пошли в атаку. Подошли танки, стреляли из пушек. И деревня была освобождена. А 16 декабря был освобожден город Калинин (Тверь) и мы вернулись домой. Много было разрушенных домов [8].

Громов Кирилл Яковлевич **Было и страшно, и интересно**

Когда началась война я только закончил шестой класс школы в Ленинграде. 8-го июня 1941 года исполнилось 14 лет, а 22-го июня началась война. Я хорошо помню этот день. По ленинградскому радио в 11 часов был концерт Утёсова, а в 12:15 уже сообщили о том, что началась война. После такого известия конечно появилось чувство тревоги за свою страну, за своих родных. На самом фронте не был, потому что 18 лет исполнялось только в 1945 году. Но свой вклад в победу он принес, спасая свой родной город Ленинград. Мы с другом по ночам дежурили на крышах, защищали дома от бомбардировок. Было и страшно, и интересно. Страшно, потому что в любой момент они могли погибнуть от взрыва бомбы, а интересно, потому что они были совсем ещё детьми, и в памяти у них была игра в «войнушку». А днями работал монтером в мастерских Ленинградской телефонной сети, ведь тогда устройство на работу давало возможность получить рабочую карточку, по которой давали еду. В мастерской вместе со мной работали четыре парня и 15 девушек. Парни были старше меня и все они ушли на фронт.

В 1941 году разбомбили школу, в которой я учился, поэтому пришлось пойти учиться в вечернюю школу. В 1942 году начался страшный голод. Запасы еды в городе закончились. Ленинград уже год находился в блокадном кольце. Люди умирали от голода и холода. Только в январе 1943 года блокадное кольцо было прорвано. По единственной «Дороге жизни» в Ленинград начали подвозить продукты и медикаменты, и хотя это были крохи для огромного голодающего города, эта дорога давала всем надежду и спасла многие жизни, в том числе и мне.

Именно поэтому Днём победы больше запомнилось не 9 мая, а другой день, 27 января 1944 года. В 19 часов И.В. Сталин объ-

явил, что закончилась блокада Ленинграда, а в 20 часов объявили, что вечером будет салют. Мы с сестрой побежали на Невский проспект к театру Пушкина (Александринка). Там было много людей вокруг, после долгой тьмы в Ленинграде, тут вдруг всё осветило, было очень красиво и конечно все мы были очень рады.

К ветеранам я причислен за то, что участвовал в противовоздушной обороне родного города. Имею медаль «За оборону Ленинграда». В 1945 году закончил вечернюю среднюю школу. Потом успешно поступил в Ленинградский университет на физический факультет. После университета стал специалистом по ядерной физике и работал в Радиовом институте. После приехал в Дубну, где живу здесь с 1959 года и работаю в ОИЯИ [9].

Гуринович Юлия Афанасьевна **Дом писателей**

Когда началась война, мне не было 6 лет. Жили мы в селе Введенском недалеко от станции Звенигород. В 1942 году, когда немцы подходили к Москве, была захвачена Истра, а Звенигород и окружающие деревни эвакуировались, помню, мама собрала узлы, посадила меня на санки, и мы двинулись в сторону Москвы. Зима была ужасно холодная, мы остановились в одной избе погреться, там уже было много беженцев. Я точно не помню, но мы вскоре вернулись назад, в с. Введенское.

Мама заболела очень серьезно, я в это время жила у тети, она мне сказала, что мама умерла, и она устроила меня в детский дом в Голицино. Взять меня к себе она не смогла, ее мужа убило в первый месяц войны, а у нее на руках остались двое маленьких детей. Воспитывалась я в детском доме Голицино с 1943 по 1945 год.

В Голицино до войны находился Дом писателей, там работали и отдыхали писатели, такие как Цветаева, Павленко, Первенцев и др. Директором Дома писателей была Фонекая Серафима Ивановна, она же и осталась директором у нас в детском доме. Замечательная женщина, очень добрая, она делала все, чтобы мы жили одной дружной семьей, и не чувствовали всех

тягот войны, хотя в то время это было сделать не легко. В моей памяти остались дети, с кем я воспитывалась в детском доме. Это Юра Барто (брат А. Барто), Краузе Ю., Тамара Блиндер, Северис Р., Павленко Н., Иванова В., Иоффе Неля и Роза – две сестры и другие. Интересно, как сложились их судьбы? Шла война, время было трудное, но о нас, детях думали и помогали нам наши шефы: ЛИТФОНД и ЦК МОПР. Мы учились, помогали, чем могли, дежурили по комнатам, убирали территорию детского дома и старались помочь взрослым во всем.

Несколько раз ко мне в детский дом приезжала тетя, да и к другим детям тоже. Очень запомнилось, как к Барто Юре приезжала А.М. Барто, она была худенькая, небольшого роста, одета была в военную гимнастерку. Очень приветливая, мне она понравилась. Думаю, что она была военным корреспондентом.

Очень запомнился мне день Победы. Прибежала к нам взволнованная воспитательница и сказала, что кончилась война. Мы от радости прыгали на кроватях, кидались подушками и валтузили друг друга, а воспитательница стояла и со слезами на глазах улыбалась и не бранила нас. Очень запомнился мне день, когда мы пошли встречать поезд, в котором возвращались наши воины домой с победой. К станции Голицино подходил поезд, он был украшен зелеными ветками, яркими лозунгами. Впереди паровоза был портрет И.В. Сталина и большой лозунг: «Мы из Берлина!». Солдаты из теплушек бросали нам печенье и махали нам руками, многие плакали.

Вскоре детский дом расформировали, многих детей забрали вернувшиеся с фронта родители, а остальных перевели в другие детские дома. Я была переведена в детский дом в местечко Дубки Московской области, а затем перевели меня в детский дом имени Ленина ст. Виноградово.

После войны в Голицино опять открылся Дом писателей, где писатели работали и отдыхали. Мы были в гостях у писателей (по приглашению), мне запомнилось, как тепло они нас встречали и угощали горячим шоколадом в малюсеньких чашечках... [10]

Демченко Николай Иванович **Какая же радость была для всех**

Перед началом войны дедушка жил на станции Киломяки, куда они всей семьей приехали в 1939 году со станции Б. Волга. Утром 22 июня 1941 года дедушка проснулся от того, что его мама плакала. На вопрос, почему она плачет, мама ответила, что началась война и что отец уйдет на войну, потому что принесли повестку из военкомата. Отца проводили на войну, а сами уехали в Ленинград, а затем в Киев. По дороге их уже бомбили и всю дорогу они ехали в страхе. Из Киева они уехали в с. Шевченково на родину отца.

Уже через неделю через их село шли немецкие танки и затем немцы пришли в село. Немцы забирали евреев и оставшихся в селе коммунистов. Затем наступила очередь и женщин. Тех женщин, которые были трудоспособные, всех отправили на работу Германию.

В течение оккупации, около 4 лет, немцы вывозили продовольствие. Если односельчане что-то не отдавали, то у них немцы забирали насильно. При этом использовали местных полицаяев, которые знали, что есть в селе. В центре села Шевченко немцы разрушили памятник Т.Г. Шевченко.

Весной 1945г. в селе скопилось очень много военной техники и немецких солдат. Из села они ушли очень быстро, в одну ночь. А утром дедушка и его мама увидели советских солдат. Как такового боя за село не было. Наши солдаты остались в селе, и начался весенний сев. 9 мая дед и его мама копали огород и вдруг прибежала соседка и сообщила, что Гитлер отравился и войне конец. Какая же радость была для всех. Народ ликовал.

Через несколько дней возвратился с войны дедушкин отец. Раненый и больной туберкулезом, но счастливый, что все живы в семье. Вскоре они вернулись обратно на станцию Б. Волга...

(Со слов дедушки записала внучка Инна.) [11]

Дубинчик Владимир Борисович Судьба хранила

Родился в белорусской деревне под Бобруйском Могилевской области. Когда началась война, отец, ветеринарный фельдшер, ушел на фронт, оставив жену с пятью детьми дома. Правда, две старшие дочери уже были взрослыми – одна училась на втором курсе пединститута, а другая только закончила школу, средние – еще подростки, а мне исполнилось шесть лет. Немцы в село вошли тихо, без боя. В доме поселились два солдата, одного из них звали Отто. Он много шутил, смеялся, но, по воспоминаниям сестер, от него исходила какая-то опасность, затаившаяся в глазах. Когда немцы ложились спать, ставили напротив двери пулемет, а Отто часто тыкал в мальчика пальцем и говорил: «Кляйне партизан», – и при этом, видя испуг ребенка, громко хохотал, довольный своей шуткой...

Шел ноябрь 1943 года. Из собственного дома нас выгнали, и семью приютила такая же женщина-солдатка. Обычно мать и старшие дочери вставали рано, доили коров, подолгу работали в поле, а в доме оставались я с сестренкой, у них тоже было много обязанностей по хозяйству. Однажды нагрянули полицай, немец и переводчик, спросили, где старшие, и приказали сестренке бежать за матерью и сестрами, которые копали картошку. Этот день запомнился на всю жизнь. Шел мелкий дождь, было прохладно, но нам не дали ничего с собой взять из одежды: «Не пригодится», – бросил на ходу полицай. Привезли вместе с четырьмя мужчинами, сначала поместили в тюрьму Кировска, районного центра, а затем в бобруйскую тюрьму, где они провели несколько суток. Потом посадили в машину и вывезли к уже подготовленному рву на окраине города.

Сначала расстреляли мужчин. Затем подвели ко рву всю семью, мать развернула меня лицом к себе, прижала и прикрыла кофтой, немцы вскинули автоматы... В это время на дороге появился автомобиль, мчавшийся к месту казни на полной скорости. Машина резко затормозила, из нее вышел офицер и крикнул что-то на немецком языке. Старшая сестра знала немецкий и поняла, что он приказал остановить расстрел. Так пришло неожиданное спасение. Впереди была жизнь, невыносимо тяжелая, но жизнь.

Что же произошло? Почему из всей деревни немцы выбрали именно семью? Ответ до банальности прост – месть. До войны отец как ветеринар много разъезжал по району, у него был определенный график выездов, но однажды из-за плохого самочувствия жены он остался дома, а вечером нагрянули грабители – решили поживиться кабанчиком. У отца был наган для самообороны, он выскочил и задержал преступников. Один из них стал при немцах старостой села. Мы уверены, что это он на нас донес. Но почему была остановлена казнь? С этим еще проще. Шел 1943 год, война истощила трудовые ресурсы Германии, нужна была рабочая сила. Вся Европа работала на Третий рейх, но военная машина требовала все больше и больше. Скорее всего, своим чудесным спасением наша семья Дубинчик была обязана какой-нибудь срочной депеше из Берлина.

Через несколько дней нас посадили в «товарняк», вагоны опутали колючей проволокой, и начался путь в неизвестность. У старшей сестры был карандаш и клочок бумаги, и когда поезд проезжал мимо села, где жила тетя Мария, она выбросила записку: «Нас везут в Германию». Уже после войны выяснилось, что какая-то женщина ее подобрала и передала тете, поэтому родня знала, что они живы.

Дорога была долгой и тяжелой. Помимо угнанных насильно, в вагонах ехали и «добровольцы» – те, кого немцы сагитировали на работу в Германию. Некоторые везли с собой швейные машинки, ели сало, а нам давали такую еду, что на нее даже смотреть нельзя было без отвращения, не то, что есть. Но, наконец, их привезли в Лотарингию, в оккупированную часть Франции.

Лагерь располагался недалеко от городка Сааргемюнд. Конечно, он не был похож на лагеря смерти, но вся жизнь, если это существование можно назвать жизнью, проходила за колючей проволокой – хлеб с опилками, пустая баланда на обед, изнурительная работа. Женщины шили для немецкой армии гамаши, мужчины, скорее всего, комплектовали снаряды. Часто стала появляться американская авиация. Подвергался бомбежкам и лагерь, в котором мы находились. О налетах администрация лагеря узнавала заранее. Три гудка – самолеты летят стороной, и прятаться никуда не надо. Шесть – всех плетками сгоняли в бомбоу-

бежище прямо под зданием, в котором жили узники. Как правило, это происходило по ночам. О массированных налетах предупреждали девять гудков – тогда распахивались ворота, и все устремлялись за пределы лагеря. Начальство побегов не боялось, знали, что истощенным людям далеко не убежать, да и укрыться негде.

Так длилось до первого мая 1944 года. В этот солнечный теплый день раздалась команда: «Всем на выход!», – распахнулись ворота, и люди устремились в лес. Через несколько минут небо стало черным от самолетов, раздался вой снарядов, загрохотали взрывы. Ни до, ни после я не видел ничего подобного – это была так называемая «ковровая» бомбардировка американцев. Лагерь превратился в руины – если бы там оставались узники, никто бы не уцелел. Когда самолеты улетели, еще долго рвались снаряды в разрушенных цехах и складах. Оставшиеся в живых узники сбились в одну группу и пошли на восток, в деревнях местные жители – французы давали им еду и кров. Но далеко уйти не удалось, немцы всех выловили.

Семью разделили и отдали в рабство фермерам или, как их называли, – «бауэрам», снабжавшим немецкую армию продуктами. Старшие сестры попали к французам, средние – к немецкому «бауэру», я с матерью – тоже к немцу. Он получил ферму в Лотарингии в награду за участие в военной кампании, в которой была завоевана почти вся Европа. Это был рослый, суровый, немногословный и очень требовательный к работникам фашист, он с гордостью носил на рукаве повязку со свастикой. Его жена была посердобольней, работников кормили неплохо – еда ни в какое сравнение не шла с лагерной.

На плечи матери и сестер легла работа в поле, в хлеву, а мне дали тележку для перевозки разных грузов. Хозяин часто брал с собой в поле. За полем находилась зенитная батарея, на их глазах был подбит американский самолет, двое летчиков катапультировались. Хозяин бурно выражал свой восторг. Вдруг, откуда ни возьми, появились два истребителя с незнакомыми опознавательными знаками. Один устремился к месту падения самолета, а другой развернулся и направился к ним на бреющем полете. «У немецкой армии появились новые машины», – сказал «бауэр» и помахал пилоту, которого хорошо было видно через стекло кабины. В ответ

раздались выстрелы: это были английские самолеты, прилетевшие, чтобы забрать союзников. Пули просвистели рядом. – Думаю, что пилот увидел на рукаве моего хозяина повязку со свастикой и дал очередь. Это просто судьба, что я остался жив.

В который раз хранила судьба! Бывали стычки с племянником хозяина, его ровесником. Однажды в копне, куда так приятно было прыгать, я чуть было не наткнулся на припрятанные вилы. Отдубасил племянника хозяина, но вскоре тот со своими друзьями подкараулил меня около речки, затащил его в воду и долго удерживал в воде. Спасла проходившая случайно по мосту мать.

Вскоре на ферме появились немецкие солдаты. Они сразу стали разделявать мясную тушу, а «бауэр» начал «качать права»: «Вот я воевал, мы пол-Европы завоевали, а вы все сдаете, отступаете...». Повар с ножом кинулся за ним, тогда хозяин с женой все побросали и уехали... Скоро начался страшный артобстрел, опять были снаряды, опять убитые и раненые, оторванные ноги и головы... Ранило и старшую сестру – она пожалела недоенную корову и решила ее подоить. Осколок снаряда угодил в мягкую часть подбородка. Кое-как перевязали, а на следующий день вошли американцы и оказали настоящую медицинскую помощь, наложили швы. Американцы переправились через Ла-Манш, среди них было много негров, украинцев, они улыбались, угощали шоколадом.

Нас отправили в лагерь для перемещенных лиц, мы жили в домах, нас хорошо кормили и платили деньги, охраняли лагерь французские жандармы, но вскоре они раздали оружие и некоторым нашим мужчинам для защиты от своих же мародеров и бандитов. В лагере были только русские, но народ был всякий.

Долгим было ожидание отправки на родину. Корабли топили, самолеты сбивали, решили везти бывших узников на поездах. Запомнился еще один эпизод – перед отъездом в СССР от всей группы отделили молодых крепких молодых людей и отправили через Ла-Манш в Англию. Тогда не принято было задавать вопросы, но думаю, что, скорее всего их просто запугали, что дома их ждут неприятности. Старшую сестру тоже уговаривали остаться во Франции фермеры, у которых она работала, предупреждали, что, если вернется на Родину, ее расстреляют. Но никто из нас в это не мог поверить, своей вины не видели и всей душой рвались домой.

2 октября 1944 года почти невредимая и в полном составе наша семья двинулась на специальном поезде на Родину. Впереди было еще очень много испытаний – возвращение в разоренный голодный край, да еще в канун зимы, без продуктов и одежды (все накопленные деньги незадолго до отъезда из лагеря кто-то из «своих» у них украл). Но все выдержали. Встретили Победу, дождались отца, который прошел все войну и не был ни разу ранен [12].

Дубровский Николай Григорьевич
Лесник
(рассказ-быль)

Валька лежал на холодной печи, натянув на себя все старье, имевшееся здесь. Но тепла это не прибавляло. Откуда будет тепло, если уже два дня печь не топили – не было дров. Хоть деревня стояла на краю леса, но дров никто так и не мог запасти, кроме председателя колхоза и лесника. На себе дров не навозишь, да и в лес запретили ходить, когда немец подошел совсем близко. В деревне остались одни женщины, дети, да старики. А в колхозе осталась одна лошадь, да и та больная. Лесник свою лошадь никому не давал. Вот так осталась вся деревня без тепла.

И вот лежал Валька и думал: («Что делать? Ведь его оставила мать за хозяина»). Она так и сказала: «Сынок, тебе шесть лет, ты уже почти взрослый, оставайся за хозяина вместо папки и смотри за братишкой и сестрой, они еще маленькие, а я ухажу на заготовку леса для детдома». На прощанье она показала на стакан молока и велела этим молоком кормить сестренку, она еще грудная. «А вам с Вовкой я вот набрала мелкой картошки, может быть, какой-нибудь суп сварите. И не балуйтесь, я приду поздно».

Валька лежал, смотрел в потолок и внимательно слушал, как за печкой чирикал сверчок. Так не хотелось вставать, вылезать из-под лохмотьев, но ничего не поделаешь, раз уж проснулся Вовка и начал хныкать, просить есть. Вальке и самому хотелось есть, ведь ему, как и Вовке, вчера досталось пол картошины и то только потому, что мамка отдала свою. Валька тяжело вздохнул, как взрослый, и начал потихоньку слезать с печи.

Возле лежанки стояла консервная банка с картошкой, по размеру похожей на клюкву. Валька помешал ее рукой и вздохнул, не зная как ее чистить, уж больно мелка. Взял ножик, картошину и начал чистить. Попробовал скоблить, как молодую картошку, но ничего не получилось. Валька долго сидел, не зная, что делать, но потом решил очень хорошо вымыть и варить прямо с кожурой. Эта идея так ему понравилась, что он даже засмеялся. Дело сразу пошло. Валька зажег керосинку, вымыл как следует картошку, крошил, хотя ее крошить-то незачем, и начал варить суп, довольный собой. Но не успел разнести запах вареной картошки по избе, как с печки слез Вовка и начал кричать: «Есть хочу, хочу есть!» Валька пытался его успокоить, но он продолжал свое.

Наконец, похлебка сварилась, и Валька гордо начал наливать ее в чашки. Вовка нетерпеливо крутил ложкой. Валька налил Вовке в чашку и, подвинув ее к Вовке, строго сказал: «На, жри, ненасытная утроба». Так, когда-то до войны, бабка ругала поросенка. Сказав эти слова, Валька почувствовал угрызение совести и хотел было попросить у Вовки прощения, но тот вдруг закричал во все горло: «Зачем ты наложил в похлебку горчицы?» Валька опешил.

– Жри сам такой суп, – заревел Вовка. Валька взял ложку и осторожно попробовал суп, он действительно был горький. Повидимому, из-за очисток, которые Валька поленился чистить. Но делать было нечего, и Валька для примера Вовке съел три ложки. Вовка долго сидел, гундел, но понемногу начал тоже есть.

В избе было холодно почти как на улице. Вода в ведрах замерзла. Скоро начала хныкать сестренка – даже под ватным одеялом ей, видно, было холодно. А тут еще начал снова гундеть Вовка, что замерз. Валька растерялся, не зная, что делать. Он долго сидел на скамье у замерзшего окна и глядел в оттаявшее отверстие на улицу. «Что делать? Что делать? Ведь сестренка и братишка могут замерзнуть». Валька соскочил со скамьи, натянул с тряпками мамкины сапоги и одел мамкину плюшевую жакетку. Тяжело вздохнул и отправился к соседке – «колдунье» попросить санки для дров.

Услышав просьбу Вальки, бабка почему-то тяжело вздохнула, вытерла глаза, но санки дала. Валька, как заправский мужик,

Заточина Галина Ильинична
Уже ледок на лужах, вязкая грязь,
а я – босиком в школу

заткнул топор за пояс, взял веревку, санки и направился в лес. Он знал, что на краю леса сухого валежника – сколько хочешь, а лесник может и не попадет. Валька быстро набрал валежника и нагрузил санки, крепко их увязал и довольный собой потащил санки домой, мечтая о том, как он затопит печь и согреет своих. Но не успел он перейти мост, как откуда ни возьмись, появился лесник. Он, как великан из сказки, встал перед Валькой и, глядя на него своим единственным глазом, начал ругать его последними словами. От страха Валька не мог произнести ни слова, а только лишь хныкал и размазывал по лицу слезы. Лесник вытащил свой топор и, в одно мгновение, Валькины санки и сучки превратились в кучу дров.

Закончив с этим, он громко выругался и, обзвав Вальку, спокойно ушел. А Валька стоял, утирая слезы, и не знал, что ему делать. На ругань лесника он даже не обратил внимания. Затем он сложил остатки санок в кучу, перевязал их веревкой и пошел домой.

Дома его встретили плачущие детишки. Сестренка уже плакала во весь голос. А о Вовке и говорить нечего. Валька долго стоял у печки, не зная, что делать. Дети плачут, холодно. Санки изрублены, что сказать соседке? Подумав немного, Валька собрал в кучу остатки санок и заложил их в печь. Сухие дрова быстро разгорались и, наконец, в доме запахло теплом. Но у Вальки на душе было жутко, он не знал, что сказать бабушке – соседке, и от страха он забрался на печь и зарылся в тряпье. Не прошло и 30 минут, как пришла бабка. Она громко ударила об печь палкой и грозно спросила: – Так где же мои санки, сорванец? Валька от страха еще глубже зарылся в тряпье – Ну, что молчишь, отвечай! Где ты там? Дрожащим голосом Валька пропищал: – Да их лесник кривой изрубил. И я подумал, что они уже не нужны и сунул их в печь.

– Ах, душегуб, чтоб ему ни дна, ни покрывки! – закричала бабка, – а ты не бойся, сынок, это не ты виноват. Будьте здоровы, – сказала она и спокойно вышла. Валька не верил своим ушам. Почему бабушка не наказала его?

[Автор воспоминаний избрал форму рассказа, потому что еще живы многие родственники лесника – *ред.*] [13]

Когда началась война, мне было 12 лет. К этому времени я окончила 4 класса. ...1941 год, город Ржев, 2 ветки железной дороги: на Ленинград и на Москву. Люди оставались в городе, потому что сдавать его никто не собирался. Немцы начали бомбить.

С одной стороны летело столько самолетов, что они напоминали стаю ворон. С другой стороны самолетов было чуть меньше. Бомбежка застала меня на улице. Иду, меня за ноги кто-то дернул, я упала. Оказалось, солдат. Он сказал: «Лежи, а то убьют». Потом я пошла домой.

В городе были накопаны бомбоубежища. Как сирены – мы сразу в убежище. Одни раз сидим, влетает один мужчина: «Уходим, вон бомбят! Может быть прямое попадание!» Влетает второй: «Ни с места осколками прибьет!»

В Ржеве стояли солдаты, многие жители эвакуировались. Мама – инвалид, трое детей, наша тетя и ее сын (моей сестре было 11 лет, брату 8, двоюродному брату – тоже 8 лет). Пришел командир: «Уходите, немцы зверствуют, немцы не те!» Мы ушли. Был декабрь 1941 года. На сани положили муку. На нас мать одела много рубашек, платиц, пальто. Пошли от немцев в бабушкину деревню Лапино. В первый день отошли на 3 км от города. Там, по сравнению с городом, показалось очень тихо. В городе – взрывы, пламя.

Пришли в деревню, дом был заколочен, но т.к. это родина матери, нас пустили. Жители хорошо относились к беженцам. Одна две ночи и вдруг налетел карательный отряд немцев (черные шинели, повязка с черепом и костями). Каждый немец забегает в избу, обливает бензином дом, поджигает. Людей на улицу выгоняли. Молодежь в колонны, кого-то расстреливали, матерей с детьми, пожилых людей тоже строили.

Мы потихоньку побежали в сторону, увидели один не горевший дом. Все набились туда, как селедки в бочке. Мы сидели тихо на шестике, не кашляли. С полседьмого вечера досидели

до двенадцати ночи. Вдруг кто-то скребется в дверь. Открыли – 3 наших разведчика в белых халатах, на лыжах. Все им рады. Разведчики спросили, где немцы. Мы рассказали им, как было, а как теперь, не знаем. Мы вышли на улицу – вдалеке горят 11 костров (деревень), 12-й самый большой – это горел Ржев.

С этого момента не помню, куда пошли из этой деревни. Рядом в деревне был эвакуационный пункт. Пришли туда. Было организовано питание, стали кормить. Было много народу, составляли списки. Погрузили нас в машину, отвезли на станцию. Нас погрузили в грузовые (товарные) вагоны и повезли в Калинин. Высадили в апреле на берегу Волги. Дали направление в Кимрский район в деревню Губин Угол, а оттуда в деревню Окулово.

Начали работать в колхозе: сажали свеклу, капусту, поливали, сажали картошку. Вставали рано, т.к. все надо было посадить до жары. В обед кормили детей. Давали гороховый суп и по куску хлеба. В июне ходили вязать веники на корм мелкому скоту. На 1 трудодень 400 веников. Потом поспевала картошка, окучивали. Потом теребили лен. 1 трудодень несколько соток. Лен молотили, снопики в кучу. Кто постарше работали на лошадях. Их забирали на лесозаготовки, копать окопы. За трудодни давали картошку, гречку.

Зимой учились. Одевать было нечего. Уже ледок на лужах, вязкая грязь, а я босиком в школу. Училась на 4 и 5, в педагогическое училище приняли без экзаменов.

Вечером в деревню пригнали солдат, расселили по домам. В нашем доме было 3 семьи. Эти солдаты вечером поужинали, сели в красный угол и пели песни. На второй день отправились в бой, вечером пришло меньше половины. Опять помылись, поужинали. Каждый солдат выбрал себе ребенка и оставлял ему поесть. На 3-й день никто не вернулся. От всей части осталось 2-3 человека.

Потом привезли тяжелораненых, забинтованных с головы до ног. Их 18 человек. Встаю, смотрю, говорю себе: «Этого забыть нельзя и простить нельзя». Вдруг раздается голос из бинтов: «Девочка, подойди, пожалуйста, ко мне, не бойся». Я подошла: «Возьми на память ручку». Я все время возила ее с собой. Я помню их и никогда не прошу немцев... [14]

Золотухина Нина Леонидовна **Не успеваем**

Война пришла в тихие дома нашего небольшого мирного города с первым известием о нарушении советской границы. Пришла повестками из военкомата, плачем жен и детей, провожающих своих кормильцев на фронт; гулом пролетающих днем и ночью мимо станции эшелонов с бесконечной вереницей «теплушек», из распахнутых дверей которых седые старики и совсем юные мальчишки в новеньких гимнастерках смотрели на нас, любопытных ребятишек, грустными прощальными глазами. Они что-то пели, кричали нам из вагонов. Мы же во время уроков военного дела маршировали по улицам, стараясь четко отбивать шаг, и во все горло распевая:

*Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если черная сила нагрянет...*

А война уже катилась по земле, кромсала гусеницами танков наши мирные поля, оставляла вдоль дорог виселицы, сожженные деревни, города...

Не заставили себя ждать и первые «похоронки». Бледнели, вскрикивали вдовы, плачем исходили оставшиеся ничьими невесты... А мы, еще мало что понимавшие в этом всенародном горе, азартно играли в войну, шили, вязали носки, шарфы, варежки для доблестных наших воинов и все больше мечтали о том, как побыстрее попасть на фронт...

«Гарелка», прикрепленная к столбу. Люди ловили каждое слово о войне, о победах и поражениях, о сжимающемся вокруг Москвы вражеском кольце... Фронт подходил все ближе к столице, от которой наш городок отделяют всего 300 километров!

Впервые ужас войны заглянул в Данилов опустошенно – безразличными глазами ленинградцев, вывезенных по «Дороге жизни», измученных голодом и кошмарами блокады, похожих на собственные тени со скорбно – удрученными лицами. Их везли через Данилов, и горожане все несли и несли к поездам варенную «в мундирах» картошку, пареную репу, морковь, свеклу, – все, что

сохранялось еще в домах от скудных припасов прошлого урожая. «Никогда и нигде не ела я такой вкусной картошки, – вспоминала спустя много лет учительница дубненской школы №2, Екатерина Сергеевна Волкова, – ее приносили женщины, явно, от сердечной боли за нас, за наших детей. Удивительно добрый народ в нашем Данилове!». Ленинградцы, привезенные в наш город, были сразу разобраны по домам. Вскоре в Данилов привезли из блокадного Ленинграда и детей. Дом на улице Вятской стал теплым приютом для обездоленных войной ребят...

Но вот снова увеличился поток эшелонов. Шла на фронт техника из Сибири, новое пополнение двигалось на защиту столицы. Из города, из педтехникума провожали молодых ребят. Многие долго еще писали письма своим педагогам, но не все они вернулись живыми. И все-таки город продолжал жить. В клубах и кинотеатрах шли фильмы, пожилые педагоги педтехникума давали концерты классической музыки, в Доме пионеров работали кружки, воспитанники детского дома и интерната занимались музыкой, пением, танцами, рукоделием. В лютые морозы, в голодные зимы мы писали письма на фронт, выступали с концертами перед ранеными бойцами, согревая сердца ни с чем не сравнимым взаимным духовным общением...

Наш «заштатный» городок не знал ни оккупации, ни частых налетов. Лишь однажды какой-то заблудившийся самолет сбросил остатки бомб на рыночную площадь, не причинив городу особого вреда. И все-таки, мы наперебой стремились дежурить по ночам на крышах рядом со старшими школьниками в ожидании очередного налета вражеской авиации. Мы помогали колхозникам убирать урожай, собирали оставшиеся на полях колосья, теребили лен и вязали снопы, молча страдая от боли в исколотых руках...

Мы выросли не ради того, чтобы СТАТЬ ВЗРОСЛЫМИ, а для того, чтоб побольше помогать выбивающимся из сил матерям, сестрам, бабушкам. Нам хотелось хоть чем-то поддержать фронт, все дальше уходивший на Запад, к победе. И мы понимали, что НЕ УСПЕВАЕМ! ...Многие наши сверстники – сыны и дочери полков – прошли фронтовыми дорогами, помогая разведчикам, санитарам, артиллеристам в их ратном подвиге. На плечи моих земляков – ровесников легли в основном тяготы послевоенных лет. И все-

таки самым страшным народным бедствием навсегда останется для меня ВОЙНА [15].

Иванова Надежда Васильевна
Мы не знали, будем ли мы завтра живы

Я родилась в Смоленской области. В 1941 году нас с матерью немцы с собаками повели, а куда мы не знали (брату было 10 лет, мне – 11). Нас погрузили в товарные вагоны, набили так, что было трудно дышать. Мы не знали, что с нами будет. Выгрузили нас в сарай, на ночевку. Женщины стали отрезать волосы, резать вены, пачкаться кровью. Позже мне объяснили, что немцы бояться лишая. Они вырезали волосы и затирали землей. Погрузили нас опять и повезли. Только слышим, как лают собаки.

Мы были в трех лагерях. Один лагерь – в Дюссельдорфе, а другой – польский. Нас разделили с матерью. Отец с фронта писал домой, когда освободили наше село, интересовался семьей, а ему отвечали, что ничего неизвестно. Нас перевели в третий лагерь в Тангоф. Это военный завод в Германии. Он этот был за колючей проволокой. Там были наши военнопленные, они делали оружие. Когда они выпускали брак, то их расстреливали сразу при нас. Мне помнится лагерь, железные миски, похлебка из брюквы. Спрашивали, что здесь детей держат. Говорили, что привезут раненных, а нас пустят на латки. Народ был очень добрый. Мы не знали, будем мы завтра живы или нет. Но в мое время была женщина с тремя детьми. И говорит нам: «Не плачьте, кончиться война, вас отвезут к отцу и матери на Родину».

Получилось так, что нас освободили американцы. Нас переправили через р. Эльбу, мост был разбомблен, проехать нельзя было, а до этого там шел эшелон с продуктами. Его тоже разбомбили. Брат побежал к эшелону и набрал макарон. Американцы нас должны были передать русским. Нас перевозили по понтонному мосту, а там плавали раненные, мертвые, но мы были ко всему привычны. В Бресте нам дали документы.

Женщина из концлагеря так с нами ехала, хотела передать нас через людей родителям. Приезжаем мы в свое село, Смоленскую

область. Наш дом завален опилками, находился там комиссар. Нам все помогали разбирать завалы, чтобы мы могли жить. Отец нам посылал по аттестату 500 руб. денег. Я купила стакан соли, а люди мне принесли картошки, муки. Я воды накипятила, стала варить блины. Вдруг прибегает брат. Говорит, что едет мама. Мама вскоре умерла, переживала, что детей нет, мужа нет.

Отец нас увез на Украину. Я при Доме офицеров ходила в клуб на кройку и шитье. Преподаватель говорил, что я хорошо делала чертежи. Затем меня взяли в мастерскую. А потом отец приехал в Подберезье. В то время никому нельзя было говорить, что мы были в Германии, потому что ни на работу, ни на учебу не возьмут, как врагов народа. Отец написал автобиографию, что я находилась в Калининской области. Поступила в швейную мастерскую, меня приняли мастером пошива легкого платья. Мы ночью разгружали кирпич, когда прибывала баржа, чтобы построить ателье на Левом берегу. Я всегда получала медали, была городским депутатом, народным заседателем. Мне вручали медаль в Москве. Здесь я начала жить по настоящему [16].

Иванова Ольга Сергеевна
Никто не хотел уезжать
(московский дневник)

8 сентября

В двенадцатом часу – тревога. Одеваемся. Я говорю маме, что нужно идти в метро, потому что сегодня, наверное, будет сильный налет, так как уже не было с 28 числа. Мама соглашается со мной – идем в метро. Народу много, с платформ отправляют в туннель. Туда идти не хочется. С собой взяли только несколько газет (Шурка таскает их в кармане пальто). Сидим, ложиться нельзя, потому что не взяли одеяла, а газета прорвалась. Отбой. Выходим из метро. Ночь темная, лица людей трудно различить. По площади и улицам быстро едут машины с еле видимыми огоньками фар.

Входя на Лубянку, Шурка говорит: «Наш дом цел». По пути встретили Веру Когтеву. Она говорит, что никуда не ходила и что на улице – лучше, чем в убежище.

10 сентября

Сегодня приехал муж Иры Кудряшовой с фронта. Вместе с ним приехало еще 7 лейтенантов – танкистов. Ира проговорилась и сказала, что они приехали для переформировки и за правительственной наградой. Сегодня у них будет большой вечер в честь приезда. Миша ранен в руку и лежал в госпитале под Москвой, а Ира думала, что его убили на фронте, а сегодня она говорит, что это самый счастливый день в ее жизни. Ночь прошла тихо.

13 сентября

Сегодня последняя ночь нашего дежурства. Я дежурила за Мишу и маму, сегодня нужно за себя. Очень хочется спать. Устала, мыла пол дома, чтобы не мыть маме, у нее болят ноги. Нужно идти дежурить. Могу ложиться спать, потому что Витька согласился дежурить за меня. Ночь очень темная. Выйдя на улицу, вижу только темные силуэты домов, больше ничего. Налетаю на машину, которая стоит в проходе во дворе.

На парадном сидит Нелька, Витька и Люська. Отдаю Нельке ее рубль, который она давала, чтобы купить папиросы – папирос не было. Витька остается дежурить, а я иду домой спать. Как хочется спать. Сразу же засыпаю.

14 сентября

Сегодня воскресенье. Проснулась в 7 часов. Разбудила музыка. Играли на баяне около нашего дома на улице. Оказалось, что это из НКВД собираются на воскресник. Долго пели: «В бой за Родину, в бой за Сталина», повторяя один и тот же куплет. Потом слышно было, как стучали сапогами по машине грузовика, это плясали.

Когда шла я в магазин, по улицам встречались большие колонны людей. Это шли на воскресник. Сегодня Миша тоже идет на воскресник.

16 сентября

Сегодня получила получку (150 р.). Хочу маме что-нибудь купить в подарок. С занятий отпускают, еду в трамвае, чтобы зайти в магазин. Начался сильный дождь. На Сретенке купила маме шелковый платок (38 р.) и духи, о которых она говорила

«Аэлита» (7 р. 50 к.). Мама очень довольна подарком. Я сначала хотела не сразу ей показать его, но не выдержала, когда мама спросила: «Получила деньги, нет?» Я сказала нет, а мама тихо улыbnулась. Витька сказал, что сразу видит, что получила. Я дарю маме платок и духи. Знаю, что маме очень приятно, и я хочу что-нибудь для нее купить каждую полочку – так и делаю. Это уже второй платок кроме шарфа. Мама посылает меня в магазин купить что-нибудь вкусненькое. Иду вместе с Верочкой Когтевой.

18 сентября

Около двух часов ночи началась стрельба. Стреляли очень сильно. В промежутках между стрельбой, включали несколько раз радио, раз пять, но тревоги почему-то не дали. Стреляли около часу. Сегодня приходится оставаться заниматься в военном кружке. Занимались полтора часа. Теперь знаю, как брать на мушку, умею вкладывать патроны, делать разряд, проверять наводку. Только еще очень трудно ложиться и вставать с винтовкой. Одолею.

8 октября

Оказывается, что говорят в народе, то и правда. Вчера мне сказала Екатерина Ивановна (курьер), что немцы взяли Вязьму, и что наше управление дорогой оттуда выехало. А сегодня по радио в 7 часов утра узнали два новых направления: Вяземское и Брянское. Вероятно, немцы и Москву хотят окружить.

Каждый день новости все хуже и хуже. Правда, нельзя всему верить. Вчера в магазине на Тверской слышала, как одна женщина говорила другой, что в Ленинграде дают по 200 граммов хлеба, а работают много. А что будет у нас здесь, если немцы подойдут ближе? Все хотят чего-нибудь одного, только чтобы быстрее кончилась война. Сейчас и так в магазинах трудно найти то, что раньше продавалось на всех улицах, на лотках. Даже по коммерческой цене невозможно купить конфет, кроме печенья и бисквитов.

Правда, по коммерческой цене есть мясо, колбаса, сельдь, крупа, а масло бывает редко. Молока теперь не купить, потому что ввели карточки для детей на молочные продукты. Хорошо, что хоть картофель есть в продаже и без карточек.

Вечером выхожу немного погулять. Девочки, Вера и Лиля сказали, что вчера на нашем дворе упала зажигательная бомба. Сима Когтева в это время вышла во двор, потому что очень сильно стреляли, а тревоги не было. Она видела, как тушили зажигательную бомбу военные из школы. Она упала на клумбу возле их школы.

10 октября

Сегодня узнала, что вчера бомбили Язу – мост. На вокзал приходят целые эшелоны раненых. Сегодня, когда я шла во время обеденного перерыва, минут за 10 проехало машин 25 с ранеными, а в каждую машину кладут по 5 человек. Сколько же их! О, ужас! А как они плохо одеты. Шинели на них грязные, рваные, старые, подол украшает бахрама из рваных кусков. Перевязки на них очень грязные. Видя такого человека, становится неприятно и жалко его. Долго ли все это будет продолжаться? Очень много жертв и ничего хорошего. А впереди еще хуже: голод, холод. Даже сейчас становится плохо с продуктами. За картофелем большие очереди.

15 октября

Отбой дали в 6 часов утра. Утром сказали, что к городу провались немецкие самолеты и сбросили зажигательные и фугасные бомбы. Сегодня сказали, что наши войска оставили город Мелитополь. Вчера Лилия сказала мне, что ее мать еле выбралась из Подольска. Наверное, войска немецкие очень близко от него. Все говорят, что им осталось километров 50 до Москвы. Что делать? Говорят, что будут насильно эвакуировать из города. Все москвичи против этого. Никто не хочет ехать. Куда ехать, когда везде одинаково «хорошо»?

С 1942 года Ольга Сергеевна находилась на фронте [17].

Калуцкая Александра Ивановна **Спасали мы раненых**

Когда мимо той деревни, в которой я жила, проходили наши отступавшие бойцы, то из всех домов женщины несли молоко, сало,

яйца. Шли они к Вязьме, немец очень быстро наступал, ему хотелось занять этот город. Ведь Вязьма была связана с Москвой. И там такие были бои, грохотало день и ночь. Все было слышно, так как наша деревня была от города в 35 км. Наши отступили, рядом в 1,5 км уже было полно немцев, а наша деревня была в лесу.

Наш дом был крайний. Бывало, ночью постучат отступающие русские солдаты к нам в дом. Отец выйдет, а там человек 20-25. Отец накормит и провожает их лесом. Знал дороги. Днем с опаской приезжали немцы. Они боялись партизан. Однажды один русский офицер не мог идти, так как он был ранен в ногу. Мать и отец оставили его в доме, а лечить было нечем. Так лечили ногу детской уриной, а как немцы приходили за печкой клали байковое одеяло, открывали половицы. Один раз немцы чуть не захватили раненого.

Стали останавливаться у нашей деревни партизаны и попавшие в окружение солдаты. Наши окруженные войска стремились, чтобы пробить кольцо, соединиться с войсками, шедшими из Москвы, но они никак не могли этого сделать. Сила большая была у фашистов. Каждый день были бои. Много возили убитых и раненых. Раненых клали в дома на солому или на сено, а кормить было нечем. Спускали парашютистов, и много из них погибало, попадая на елки и сосны. Увидим раненых, прибежим, оботрем их, ведь не было медсестер. Бывало, накормим их, а на следующий день придем, уже многих нет, похоронены в лесу. Мы прорыли вокруг деревни окопы и немцы об этом знали [18].

Каныгина Надежда Семёновна **В оккупации было трудно**

...Было семь лет, когда началась война. Пришлось рано повзрослеть: отец ушел на фронт, мама работала. В семье жили еще тети-инвалид и сестренка на год младше, так что с малых лет выполняла любую домашнюю работу – и вязала, и шила, и готовила еду.

...Мой отец Козлов Семен Михайлович 23 июля 1941 года был призван на фронт. У меня есть книга, которую прислала моя учительница. Там значится, что он погиб 31 декабря: в землянку в окопе попал снаряд, и ему оторвало руку. Она писала, что это

было на Смоленщине. Но мой сын нашел в Интернете другую информацию: «Козлов Семен Михайлович, родился 2 февраля 1910 года, Краснодар... Был найден и похоронен в Берлине». И там написано, что его жена – Козлова Наталья Никитична (это мама моя), и его отпечатки пальцев. Я все время считала, что, раз он погиб в землянке, значит, похоронен где-то на Смоленщине. Оказывается, без руки он продолжал воевать в пехоте, их, наверное, перегоняли, может быть, он лежал где-то в госпитале. И написано, что он похоронен в братской могиле на кладбище в Германии».

...В поселок Биофабрика12 (ныне Прогресс) Новокубанского района Краснодарского края война докатилась в августе 1941 года, когда на Кубань нагрянули немцы. Они забирали у населения всё что было. Мы уже не могли учиться в школе: там немцы сделали госпиталь. Прошел год, и они прочно обосновались: и пехота, и связисты, и БТРы, и танки.

У нас была учительница, которая хорошо знала немецкий язык. Она не могла уйти с Красной армией, потому что у нее был маленький ребенок. Женщина работала у немцев при штабе и иногда сообщала сведения нашим разведчикам. В двух километрах от поселка находилась железнодорожная база. Допустим, идут поезда, а мы знаем, что они с продовольствием. Партизаны взрывали их и забирали продукты питания. Когда немцы узнали, что она является разведчицей, они на площади у памятника Ленину поставили столб и приковали штыком к столбу ее девятимесячного ребенка, рядом постоянно находились немцы с двумя собаками, чтобы нельзя было снять ребенка. После смерти сына женщина продолжала мстить, сотрудничая с партизанами. Немцы натравили на нее собак, хотели повесить, но потом расстреляли.

Перед Новым годом немцы разбрасывали длинные конфеты наподобие карандаша, которые обвивали золотистой бумагой. Ребятишки падали на конфеты. Помню, Толя Шульц взял такую «конфету», и она взорвалась. Так погибло много детей.

Были немцы и хорошие, конечно. Один немец нам давал продукты: масло сливочное, хлеб из столовой. Мне было семь лет, а сестренке шесть. Скажет: «Идите сюда, коммен». Мы говорим: к маме хотим. Он иногда приводил нас посмотреть на нее. Она слезами обливается, но выпустить ее из подвала он не мог.

Когда у нас стояли немцы, учительница водила нас в поле собирать колоски, мерзлую картошку, помидоры, щерицу, лебеду, крапиву и готовили оладьи. Мокрицу, даже чертополох собирали. Из этого и суп варили, и лепешки делали. Когда была кукуруза, мы делали суп и пекли оладьи, а из зерна попроще варили кашу. Если был картофель, очистки не выбрасывали: отваривали их или делали котлеты, добавляли туда всякую траву.

Когда мы ходили за травой, полицай все время верхом на лошади объезжал уголья и все докладывал немцам. Он так стегал кнутом, что у меня до сих пор на спине шрам. Хотя у этого полицая у самого было семеро детей. Чтобы спасти детей, он и перешел на сторону немцев. А когда пришла Красная армия, он повесился.

Не было ни овощей, ни сахара. Иногда маме удавалось купить конфеты-подушечки: килограмм за 90 копеек. Мы с сестрой их делили так, чтобы каждый день было по одной подушечке. Денег было мало, так что иногда хлеба не на что было купить. Принесем 400 граммов на всех: мне, сестре, маме и тете. Постоянно ходили голодные. Во время оккупации мы жили очень очень тяжело...

...В оккупации у нас были дни карантина: в семь часов пришел в гости, а в семь ноль пять уже не можешь пойти домой, потому что наступал комендантский час и тебя обязательно убьют. Мы очень боялись: в те годы почти каждый день кого-то расстреливали.

Несколько раз за войну бомбили школу и электростанцию. Несколько раз на электростанцию падали бомбы, которые не взрывались. Очень сильные бомбежки были. Мы жили в 2этажных каменных домах, все окна которых были заклеены крест накрест лентой, чтобы не выбило стекла. Жили при свечах. Воды не было, ходили собирать снег, на талой воде готовили пищу.

В феврале 44го года пришла Красная армия, и мы начали ходить свободно, уже не боялись ни собак, ни винтовок. Когда немцев прогнали, снова пошли в школу. Я помню свою первую учительницу Александру Ивановну Каляеву. Она объединила 1-4 классы – нас было около 15 человек – и преподавала сначала в своей квартире. Потом открылась школа, были скомплектованы классы, появились учителя. Бумаги не было, но появились газеты, и мы писали в них через строчку карандашами, поскольку не было ни чернильниц, ни перьевых ручек.

До войны в поселке жили около пяти тысяч человек. ...Около 600 человек из нашего поселка погибли... [19]

Карасёв Вениамин Васильевич **Большеволжские пацаны**

...Родители мои поселились на Большой Волге в 37-м году, когда мне было два года. Отец работал обходчиком на железной дороге, а жили мы в поселке Лесозавод – это были семь домов в том месте, где сейчас магазин «У папы Карло». Так что всю войну я прожил здесь. Первым из нашей семьи ушел на фронт в самом начале войны брат Михаил. Он погиб под Ржевом в 42-м году. Отца призвали позже, он с боями дошел до Румынии, вернулся живым, только одно легкое ранение получил.

Мы здесь остались вдвоем с матерью, да и почти во всех семьях остались женщины и дети. Трудно было прокормиться: ходили на поле, мерзлую картошку копать, мать носила в деревню вещи менять на продукты. Помню весну, когда ждали с нетерпением, когда уже трава пойдет, крапива. Нам легче было, чем другим – у нас было корова.

В те годы местные власти находили возможность откачивать воду из озера рядом с каналом. И когда обнажалось дно, все жители устремлялись туда набирать карасей, их было так много, что можно было просто зачерпывать мешком. Набирали и на еду, и на откорм свиней, и на продажу на рынок в Дмитров.

Жили тогда дружно, помогали одна семья другой, чем могли. Мы, пацаны, следили за ходом боев на фронте, подсчитывали, гадали, когда война закончится, сознавали, как трудно родителям нас прокормить. Но при этом у нас была своя, мальчишеская жизнь – и она была заполнена до отказа. Если летели мимо немецкие самолеты бомбить Москву, мы их по звуку моторов узнавали издалека, выбегали из домов, следили, как они пролетают и как стреляют по ним наши зенитки. Бывали и у нас бомбежки. В основном их целью были « тридцатка » и ГЭС.

На железной дороге за Вербилками рельсы были разобраны, и просеку железной дороги немецкие самолеты-разведчики

использовали для укрытия: они пролетали по ней на бреющем полете, так, чтобы зенитчики за деревьями их не видели, и уже у самой ГЭС вдруг появлялись в небе. Зенитные орудия стояли у канала, между озером и дебаркадером – после обстрелов мы собирали боеголовки неразорвавшихся снарядов – это были наши трофеи. Не понимали же, что опасно: тащили тайком домой, прятали. Я, помню, под домом целый склад боеприпасов собрал. Не знаю: когда дома наши сносили, нашли их или зарыли глубже экскаватором...

И еще похожая «заноза» есть в памяти: во время бомбежки дебаркадера на пристани Большая Волга одна бомба пробила ступеньки и ушла, не взорвавшись глубоко в землю. На моей памяти ее не доставали. Может, уже и трогать не стоит, но если придется – могу точно показать, где это было, детская память цепкая...

Часто мы, пацаны, наблюдали за воздушными боями. Однажды, помню, мирный бой был: наши «ястребки» с «юнкерсами» расстреляли боезапас и разлетелись в стороны, никто никого не подбил. Но вообще в этих боях чаще почему-то наших сбивали, что было нам и жалко, и обидно. Очень часто шли войска через Большую Волгу: пехота, танки, однажды проходили батальон аэросаней. Мы, конечно, крутились всегда возле них – нам все это было очень интересно. Увидели, что один из танков ушел под воду, не удержался на понтоне (там, где сейчас паром) – потом ныряли, доставали из него снаряды и бросали в костер в лесу.

А если проходящие части останавливались на ночлег, в доме негде было ногой ступить: везде, где только можно было хоть как-то лечь, спали бойцы. После войны здесь появились пленные немцы – асфальтировали шоссейную дорогу, пленные венгры – строили бараки. Охраняли их чисто формально: один охранник, вооруженный на большую группу пленных. Да им и бежать было ни к чему, разве что уходили незаметно к нашим жителям в деревню, просили поесть. У наших, хоть и голодно было, но делились, находили что-то из еды. Вот эти пленные покормятся – и назад, а работу. А День Победы мне запомнился как будничным рабочим днем, только по радио объявили, что кончилась война [20].

Карнаухов Виктор Александрович **Настроение сменилось на тревожное ожидание**

...Начало войны застало меня десятилетнего в пионерском лагере. Он располагался в бывшем барском доме в Троицко-Лыково Кунцевского района. Это известие мы восприняли возбужденно. Все были убеждены, что война скоро закончится нашей легкой победой: моська напала на слона! Но потом настроение сменилось на тревожное ожидание. Пронесся слух, что немцы где-то недалеко сбросили десант, и будто бы старшим ребятам раздали какое-то оружие. Потом была ночная «тревога», и весь лагерь вывели в лес, точнее в лесистый парк на территории лагеря. Мы захватили свои одеяла и расположились кто под кустами, кто под деревьями. Я не заметил, как уснул. Когда очнулся в кромешной темноте леса, понял, что кроме меня здесь никого нет! В чем дело, где все? Наверное, подошел немецкий десант и забрал всех в плен, а меня не заметили. Преодолевая страх, я побрел в сторону дома, где были наши палаты. Весь отряд, как ни в чем не бывало, мирно спал, моя кровать была пуста. По-видимому, свет не зажигали, и моего отсутствия не заметили. Наутро я никому не рассказал о своих переживаниях, захватили другие события. Лагерь закрыли раньше срока, и нас отправили в Москву в клуб МВД на Бутырке, а затем в эвакуацию в Воронежскую область.

Наша «эвакуация» продолжалась недолго. Уже в феврале 1942 г. отец прислал офицера Алешина, чтобы вывезти нас поездом назад. К этому времени немцев отбили от Москвы, а Воронеж на оборот отдали. Так, что военная обстановка здесь в Воронежской области была более тревожная, чем в Москве. К тому же, почта почти не работала, и отец ничего о нас не знал. В результате, в конце февраля мы были уже в Кунцеве.

Весной 42-го немцев вытеснили из Можайска (100 км от столицы), и отца отправил и туда в командировку кого-то отлавливать (впоследствии он был награжден за эту операцию орденом Знак Почета). Я упробил его взять меня с собой. Ехали на машине, повсюду свежие следы войны.

В Кунцеве было несколько госпиталей. Я участвовал в концертах самодеятельности перед ранеными. Здесь надо рассказать

о моих «театральных» увлечениях. В течении нескольких лет я с увлечением посещал драматический кружок в клубе «Заветы Ильича», который принадлежал 14-ой ткацкой фабрике и был культурным центром нашего города. Этот кружок был скорее театральной студией, которой руководила О.Н. Сидякина.

В моей памяти война разделилась на две части: до разгрома немцев под Сталинградом и после, когда их устойчиво погнали назад, и грустные голоса перестали сообщать по радио, что сдан очередной город. Жизнь в тылу была немного голодна, но спасали огороды и откорм свиней и кроликов. Были правилом принудительные работы школьников на полях пригородных колхозов после длинной дороги туда пешком. До сих пор помню один такой поход в Крылатское по шоссе, босиком по утренней прохладе, но с солнышком.

В день окончания войны меня разбудило шумное застолье. Раннее утро, еще нет 6 часов, собрались отцовские друзья и очень хорошо отмечали. Это был великий день для всех...

Кирейцева Галина Ивановна **В эвакуации**

Я родилась в январе 1934 г. и накануне войны, вместе с родителями проживала в военном городке Лядище райцентра Борисова (в 71 км к востоку от Минска), Минской области Белоруссии. Мой отец был начальником гарнизонного госпиталя, кадровым военврачом. 22 июня 1941 г. жены командиров (как тогда называли офицеров) с детьми, на грузовой машине, поехали в центр Борисова на рынок. Ехали в этой машине и мы с мамой. Возвращаясь домой, увидели большое скопление военных и гражданских лиц возле штаба. Оказывается, все ожидали выступления В.М. Молотова: на столбе висела черная «тарелка» репродуктора. О начале военных действий на границе, о бомбежке городов Барановичи, Брест, Гродно и ряда других уже стало известно. Итак, война...

Надо сказать, что ожидание худшего, как говорится, «носились в воздухе», многие военные в отпуск не уезжали. Пришли мы в

нашу квартиру (городок был очень благоустроенным, новым), а часа в 2 дня прибежал домой отец за своим «тревожным» чемоданом. В это время по центральному радио передавали отклики на речь Молотова. Я запомнила как кто-то, выступая, сказал: «Лезут – хорошо, сотрем в порошок!» Папа попрощался и ушел в госпиталь.

На улицах городка появились наши танки, которые в Лядище дислоцировались. Примерно в 16 часов поступила команда: всем женщинам с детьми, взяв с собой самое необходимое, отправиться в ближайший лес. Опасались бомбардировки. Но Борисов пока не бомбили. Зато над Лядище кружили немецкие разведывательные самолеты и стреляли из пулеметов. Было очень страшно, дети плакали, просидели мы в лесу до 23-х часов и вернулись в квартиры. Ночью мама сожгла много фотографий, так как сохранялась высадки вражеского десанта.

Ранним утром 23 июня городок прибыли первые эвакуированные жены военных, вместе с детьми, из г. Гродно. Но в каком виде они приехали! Женщины и дети были почти раздеты и разуты, ведь из домов все выскакивали под бомбами, кто как успел. В Лядище их накормили и одели, выдали небольшие денежные пособия. Вплотную встал вопрос и о нашем отъезде. С собой разрешалось взять не более 50 кг. Уехали мы 24 июня, утром, (фашисты вошли в Борисов 2 июля), мне не было позволено взять любимую куклу, вместо нее я несла 2 пары валенок.

Грузовик ваял курс на Смоленск, но на ближних подступах к городу нас остановил военный патруль и объявил, что Смоленск только что начали бомбить. И действительно стали слышны разрывы бомб, было решено повернуть назад. Проселочными дорогами машина вывезла нас на станцию Красное. После недолгого ожидания всем с огромным трудом удалось сесть в пассажирский поезд, шедший от Западной границы в Москву. На станции Вязьма нас покинула, вместе с сыном, жена военного врача Дубровина.

С Женей Дубровиным я ходила в одну группу детского сада, мы дружили. Наше расставание в Вязьме сопровождалось оглушительным ревом. Мы как будто чувствовали, что больше никогда не увидимся. Я до сих пор не знаю, остались в живых Женя и его мама, у которых в Вязьме проживали родственники, или нет.

В Москве пассажиров не выпустили из вагонов, состав «гоняли» по окружной дороге, а затем, отправили в г. Муром Владимирской области. На вокзале нас уже ждали и встречали очень тепло, разместили в одной из школ города. А буквально на следующий день всех разобрали по своим квартирам местные жители. На новом месте мы надолго не остались, а уехали к маминому брату в г. Пермь (тогда Молотов). Дядя страдал сильнейшей близорукостью, поэтому призыву в действующую армию не подлежал, а будучи учителем химии, начал работать на военном заводе.

Что прежде всего поразило меня в этом уральском городе? Многоводная красавица Кама, деревянные тротуары и трамвай. С моим двоюродным братом мы ходили на высокий Камский откос и оттуда наблюдали, как на железнодорожных платформах везли артиллерийские орудия. Уральские заводы работали на Победу круглосуточно.

О жизни в Перми можно написать много, но за неимением места остановлюсь на отдельных деталях. Было холодно и голодно, дважды от недоедания у меня случались обмороки. Вместе с классом (я пошла в школу в сентябре 1941 года) мы летом собирали лекарственные травы, которые затем передавали в аптеки. Так что и от нас, детей, была пусть небольшая, но помощь раненым. Несколько раз на колхозных полях собирали выкопанную картошку, за что удостоились благодарности. На всю жизнь осталась в памяти первая школьная учительница Ксения Александровна Каргопольцева.

Мой отец все время находился на Северо-Западном фронте, в конце 1943 г. совсем недалеко от Дубны, на станции Удомля Калининской (ныне Тверской) области.

В конце апреля 1944 г. мы покинули Пермь и двинулись в г. Полтаву, где нас ожидал, переведенный туда начальником отдела эвакогоспиталей, отец. Освобожденная от гитлеровцев Полтава (3 сентября 1943г.) произвела страшное впечатление: весь город в развалинах. По улицам нагло бегали огромные рыжие крысы-пасюки. В школу следовало прийти со своим стулом. А еще лучше со столом, в классе вместо доски висела толстая коричневая клеенка (старая), окна заложены кирпичом и только вверху оставались стекла. Тетрадей не имелось, писали на оберточной и прочей бу-

маге. В ночь на 22 июня 1944 года Полтавский аэродром подвергся массированной бомбардировке немецкими ВВС. В воздушном налете участвовали более 100 бомбардировщиков Ю-88 («Юнкерс») и Хе-111 («Хейнкель»), взлетавших со своих баз в районе Минск – Барановичи. Почему Полтавский аэродром привлек такое внимание немцев?

Согласно межправительственному соглашению СССР – США там находились американские летчики с бомбардировщиками В-17 («летающая крепость») которые, совершали боевые вылеты. В результате бомбежки в Полтаве было уничтожено 44 американских самолета и повреждено 25. Дома мы провели страшную ночь, так как взрывные волны шли одна за одной. В нашей школе выскочили остатки стекол в окнах.

Еще продолжалась война, но Полтаву начали восстанавливать. Не передать словами энтузиазм людей, трудившихся на стройках! И уже через 10 лет, в 1954 г. город вновь стал красавцем. Правильно сказал недавно кто-то из ветеранов Великой Отечественной войны: такого поколения больше не будет, именно у этого поколения мы учились любви к Родине, трудолюбию и порядочности С этими идеалами и уйдем из жизни. Пусть и наши краткие, скромные воспоминания войдут в Летопись великого подвига всего советского народа... [21]

Кладницкая Евгения Николаевна **Трудовая закалка**

Родилась я в 1929г. в г. Серпухов Московской области в семье преподавателей русского языка и литературы в средней школе. Детство прошло в Серпухове. До начала войны закончила начальную школу, была отличницей. Летом с подругами ходила купаться на р. Нару, с тех пор очень люблю плавание. Зимним увлечением были лыжи, катание с горок. Об этом времени остались светлые воспоминания.

22 июня 1941 г. папа сказал, что Германия напала на нашу страну. Уже через месяц первые бомбы упали на наш город, одна из них совсем близко от нашего дома, погибла моя однокласс-

ница. Первое потрясение. Брат был призван в армию. Родители работали на строительстве оборонительных сооружений за городом, а позднее и в городе. Папа не был призван в армию по возрасту. На мне остались домашние и огородные дела. 1 сентября учебный год не начался, моя школа была занята под госпиталь для раненых.

Враг приближался к Серпухову, бомбёжки продолжались, а позднее (октябрь, ноябрь) и артобстрелы. Спасались в подвале бывшего купеческого дома на нашей улице. Там собирались жители всех окрестных домов. Фронт в октябре был в 10 км от нашего города. Жизнь в городе замерла, не работали магазины, школы. Предприятия эвакуировались. Жителям были выданы продукты: мука, крупы. Магазины открылись в январе 1942г., а школы (всего две) – в марте. К счастью, в Серпухов немцы не прорвались, а в начале декабря 1941г. началось наступление наших войск. Мимо нашего дома непрерывным потоком двигались машины с солдатами и боевая техника. Стояли сильные морозы, военные просились в дома погреться, иногда ночевали. Их бодрое настроение, вера в нашу победу передавались и жителям. Это был переломный момент в нашем настроении, враг был отброшен от Серпухова, и опасность захвата Москвы миновала. Постоянно слушали радио, сводки Совинформбюро.

Впереди нас, к сожалению, ожидали тяжёлые годы. Пришлось голодать. Купить на деньги можно было только хлебный паёк по карточкам, в магазинах больше ничего не было, а на рынке деньги не котировались. Нужно было иметь сахар, соль, мыло, водку, табак, чтобы получить что-нибудь взамен. Особенно тяжело было весной, когда кончались огородные запасы.

Пятый класс прошёл по укороченной программе – март-июнь. Шестой и далее – в обычные сроки. Учителя у нас были замечательные, профессионалы в своём деле и очень доброжелательные. Меня особенно покорила преподаватель физики – настолько интересно и увлекательно он вёл уроки. Он фактически решил мою дальнейшую судьбу.

В летние каникулы (3-4 месяца) всем классом вместе с классным руководителем работали в совхозе «Большевик» вблизи города (занимались прополкой, уборкой овощей). Весной с классным

руководителем выезжали в лес для заготовки дров к зиме (руководил работой лесник). Валили и распиливали деревья (норма – 2 куба на пару), позднее грузили метровые брёвна в товарные вагоны, а уже осенью заготовленные брёвна пилили и кололи в школьном дворе. Зимой дежурные ученики топили классную печку. Вот такую трудовую закалку пришлось пройти. Конечно, уставали, но не ныли, а пели песни. Просто не верится, что пятнадцатилетние девчонки и мальчишки справлялись с такой работой, а после того как школа стала женской (8-10 классы), все дела легли на плечи девчонок. Педагогический коллектив был тоже женский – один физик преклонного возраста да инвалид войны, военрук, который вёл военное дело, составляли мужскую часть коллектива.

Наша школа шефствовала над ближайшим госпиталем. Многие девчонки, и я в том числе, посещали раненых, писали под их диктовку письма, читали рассказы и стихи известных авторов, старались выполнить просьбы раненых. Так хотелось поддержать их морально, как-то помочь. Они радовались нашему приходу и благодарили нас.

Незабываемый день 9 мая 1945 г. Услышав по радио сообщение об окончании войны, родители и я не могли сдержать слёз радости. Вышли на улицу, там уже собирались соседи, все друг друга поздравляли, обнимали, целовали. Мама с папой пошли в свои школы, а я в свою. Собрались ученики, учителя, директор школы поздравила всех с таким замечательным событием. Долго не расходились. Конечно, были не только слёзы радости. У многих учеников погибли или пропали без вести отцы или близкие родственники. Моему брату повезло: он уцелел в этой жестокой войне, был только ранен. Он демобилизовался в 1946 г., и надо было видеть мать и отца, встретивших с войны своего сына... [22]

Крюков Алексей Сидорович **Не просто было работать**

В 15 лет я встретил войну. Семья у нас была большая – 6 человек. Как только началась война, отца забрали на фронт, потом его ранило под Ржевом. Прокормить такую большую семью в то вре-

мя было непросто. Мне как иждивенцу полагалось всего лишь 300 граммов хлеба. Труженикам тыла приходилось по 600 грамм хлеба и сушеная рыба вместо мяса. В армии с провизией дела обстояли лучше. Я старался попасть туда, но так и не призвали.

Работал в тылу, взяли рабочим на завод. Рядом с пос. Иваново проходила военная зона. В октябре немцем был взят Калинин и наш завод, находившийся вынужден был эвакуироваться. Не было специальной техники, оборудование приходилось перевозить на баржах, санях, лошадях. Стоял экскаватор и грузил оборудование на понтонный мост. Возили день и ночь. До Горького не довезли. Ноябрь – Волга заморожена. Преодолевать километры пути с тяжелым обозом не просто. Оборудование погрузили в вагоны и направили в Москву на завод, где делали гидросамолеты. Немцы летали вокруг Иваново, бомбили гидроузел, бомбили пустой завод. Одна пятисот килограммовая бомба упала и взорвалась.

В конце 1941-го устроился на хлебозавод, собрал несколько станков, а в 1942 г. После возвращения завода поступил на работу токарем, получил 3-й разряд. Ремонтировал самолеты, по образцам делал детали для самолетов, которые сразу увозили на фронт. Не просто было работать, жили по 50 человек в бараках... [23]

Либерман Михаил Абрамович **Трудная дорога в эвакуации**

...В 1941 году началась война, удивительно, как в один момент кардинально изменилась жизнь. О начале войны я узнал, когда мы с отцом были в пригородном пионерском лагере, он там был с комиссией, где исполнял должность главного бухгалтера профсоюзной организации работников Медсантруд. Запомнилось, что у отца дрожала рука, когда он застёгивал пуговицу на сорочке. В то время я уже учился в 5 классе. Учились мы в другом здании, а в здании школы организовали призывной пункт.

В Пятигорск эвакуировалось Полтавское танковое училище и жители Пятигорска встречали эвакуированных из Ленинграда. Тогда по Ладожскому озеру удалось вывести большую группу лю-

дей. К тому времени папа уже уехал на фронт, а мама, как и многие жители города, подбирала ленинградцев для дальнейшей жизни. Не предполагалось, что войска дойдут до Северного Кавказа, однако в жизни сложилось иначе. Как известно, Кавказские Минеральные Воды – это тупик, который начинается в Минеральных водах, есть такая станция.

Фашисты разгромили эти Минеральные воды, и мы оказались в капкане. Единственный выход был уйти пешком. Маме сказали взять с собой немного вещей, только самое необходимое. Обещали, что будет автомобиль, и мы за ним потихоньку пойдём. Мама сделала правильное решение, пойдя со всеми из нашего родного города, т.к. потом до нас дошли сведения, что оставшиеся еврейские семьи были уничтожены. Нас было приблизительно десять семей, но нам далеко уйти не удалось: подойдя к Георгиевску мы увидели, что ж/д станция, с которой мы собирались отправляться дальше, была охвачена огнём. И вот нам сообщили, что движение дальше мы продолжаем сами. Неподальёку находилась ж/д станция Прохладная (я до сих пор помню все названия).

Посоветовавшись с остальными, мы решили добраться до этой станции. Из той нашей дороги до станции у меня осталось много впечатлений, одно из них – горевший элеватор. Мы двигались в начале осени, уборку уже провели, и вот горела пшеница, гора пшеницы. Одна из ж/д станций вдоль которой мы двигались в Прохладное была захвачена немцами. Людей на улице не было, были лишь следы. В общем, это были первые следы фашистской оккупации.

Наконец мы добрались до Прохладного и нам сообщили, что имеется последний состав, который должен уйти. Он везёт рельсы, по которым только что проехал. Поезд направлялся в сторону Каспийского моря, к Махачкале. На этих грязных рельсах сидело много народу. От того чемодана, что мама ставила в машину, остался маленький чемоданчик, в котором было самое дорогое: фотографии, деньги, драгоценности. Но сил совершенно не было, и когда мама уснула, одна из пассажирок этого состава украла этот чемоданчик. Мы ехали мимо светофоров, у подножия каждого лежали ящики с динамитом, видимо, после того как проходил состав – пути подрывали. Итак, мы добрались до Махачкалы, а это, как известно, порт Каспийского моря.

Цель наша была добраться в город Мары, там жила мамина сестра. Она ещё до войны туда переехала жить, потому что её муж был пограничником. В Махачкале перебраться через Каспий возможности не представилось, но нам подсказали, что мы можем отправиться в Баку, но туда для начала надо было добраться. Случайным образом мы встретились со знакомыми из Пятигорска и вместе с ними в составе, перевозившем авиационные двигатели в ремонт, отправились в Баку. Нас усадили в вагон и вагон запломбировали. Вот мы приехали, но не в Баку, а в Баладжары, это пригород Баку, где все эвакуированные распределялись.

Всё было более или менее организовано, хотя было много народу. Особенно мне запомнилось, что по паспорту выдавали хлеб. Ставили штамп в паспорт «хлеб выдан». Но нам надо было ещё перебраться через Каспий. Там была организация, которая помогла нам перебраться в Красноводск, на другой берег Каспийского моря. Мы плыли на сухогрузе, с огромной палубой, которая вся была заполнена людьми. Люди очень тяжело переносили дорогу, всех укачивало.

Но, наконец, мы добрались до Красноводска. В этом городе была особенность – вода здесь продавалась. Нельзя было подойти и набрать воды из крана, можно было только купить. Из еды там продавали селёдочные головы. Вот и всё питание, которое было организовано в Красноводске. Но потом нас посадили в поезд и повезли в город Каган в Узбекистане, где находился отдел распределения эвакуированных по местам жительства и рабочим местам. Но дорога до Каган оказалась очень долгой, и мы решили слезть по дороге в Мары, и пошли искать мамину сестру.

К тому времени как мы появились у маминой сестры, мы путешествовали уже месяц. У нас, конечно же, был адрес, но она нас не ждала, считала нас погибшими. Муж её ушёл на фронт. И стали мы жить в Мары. Я пошёл там в школу. Запомнилось, что было голодно, не смотря на то, что Туркменистан богатая едой страна, с благоприятным климатом. Но несмотря на голод, все работали: работали школы, мама и ее сестра работали. А мы с двоюродным братом, сыном тётушки, подрабатывали – продавали воду. У нас был кувшин, набирали туда воды из водопровода и шли на рынок

В школе мы все очень упорно и усердно занимались, все каждый урок тянули руки, хотели отвечать. Школы были отдельные для мальчиков и девочек. Нас в классе было человек 10-15, не больше и мы все жадно слушали преподавателей, с учебниками дело было плохо. Но преподаватели были хорошие, из числа эвакуированных. До сих пор у меня перед глазами стоит образ преподавательницы по математике, преподавателей по биологии, физике, я всё ещё их хорошо помню. Моим самым любимым предметом была математика, мне очень нравилось решать трудные задачи. Я испытывал огромное удовлетворение, когда решал очередную трудную задачу. Тем не менее, я однажды всё таки получил единицу за контрольную. Моя любимая преподавательница поставила мне кол и поиздевалась при подведении итогов. Нашло какое-то затмение на меня.

Школа решала свои хозяйственные вопросы сама: сломался забор - мы его чинили, не говоря уже о какой либо уборке, грязи у нас на территории никогда не было. Каждое утро все классы выстраивались в линейку, выходил директор. У него не было одной руки, поэтому он не попал на фронт. Первые слова, которые он говорил: «Период морального воздействия закончился, начался период физического» - так говорил он каждый день. Но, тем не менее, учились очень хорошо, я до сих пор сохраняю тёплые воспоминания о той тяжелой поре, когда мы учились в школе.

Мне очень хотелось стать комсомольцем и в 14 лет я им стал. Я решил продолжить образование в Москве и что буду инженером-конструктором, ни о каких других вариантах не могло быть и речи. В 47-м году началась реэвакуация из Туркмении. Таким образом, мы с другой маминной сестрой и её мужем реэвакуировались. Они – в Брянск, а я – в Москву...

(Записано Шпиньковой А.)

Лигус Луиза Александровна **Хоть и было тяжело мы, дети, не унывали**

Тогда был поселок Большая Волга. Город начали строить только в 1946 г. Мы приехали на Большую Волгу в 1939 г. Прошло немного времени, и в 1941 г. началась война. Учились мы в старой

деревянной школе, получали семилетнее образование. В классе было 35-40 человек. Я училась в 4 классе. Выстроили новую школу на Большой Волге, мы перетаскивали туда парты. Едем за книгами в с. Домкино и нам на переправе сказали, что началась война и немец может быстро к нам подойти.

В ноябре месяце к нам стучаться люди и говорят: «Мы должны расквартироваться в вашем доме, прибыла автоколонна, мы обслуживаем фронт». Все разместились на кухне. Машины автоколонны были спрятаны в лесу. Они обслуживали фронт: перевозили боеприпасы, отсюда привозили раненых. В детских садах, яслях, больнице, здании ВОХРА был помещен перевалочный госпиталь. Это был 101 госпиталь, который потом был переведен в г. Кимры. Там он уже был более капитальный.

В нашу школу стали привозить раненых. Мы их встречали, размещали. В больнице на втором этаже школы лежали легко раненые, в шинелях на полу, нам через них приходилось перешагивать. Они лежали, возмущались, холодные, голодные. Мы носили дрова, чтобы истопить им печку, приносили табачок покурить. Учиться начали с марта.

Одна из наших девочек, Алексеева Валентина, работала в госпитале. Она нам рассказывала, как умирали раненые. Их заворачивали в простыни и увозили на телегах на братские могилы, где сейчас у нас стоит мемориал. Там были колышки и засыпаны белым песком могилы. Очень много людей умирало, которые лежали в госпиталях. На Большой Волге постоянно были слышны оружейные залпы.

Очень много летало немецких бомбардировщиков, которые хотели разбомбить плотину и шлюз. В старой деревянной школе размещались зенитные батареи, был обстрел. В районе нынешней ул. Энтузиастов были сделаны бомбоубежища. Выкопаны широкие траншеи и потом из бревен был сделан накат на них, присыпан землей. Когда была воздушная тревога, мы там прятались (это недалеко от школы №2).

Страшное было время. Окна были заклеены крест на крест газетами, чтобы в случае бомбежки не вылетели стекла. Нам давали 1-2 урока, чтобы мы ходили заниматься, учили уроки. Света не было, писали мы на газетах, сидели в пальто в нетопленной школе.

Хоть и было тяжело мы, дети, не унывали. Ходили в здание ВОХР, помогали перевязывать раненных, писали письма раненым домой, писали письма Сталину.

Потом, когда госпиталь перевели, мы доучились, закончили 6 класс. Потом мы работали в подсобном хозяйстве. Подсобное хозяйство распространялось на Юркино и на близлежащие деревни. Там мы собирали урожай [24].

Лошкарёва Нина Васильевна **Воевали по-своему**

Начало войны

В июне 1941 года едва исполнилось одиннадцать. Жили в глухой деревушке со Дубьё. Помню, как провожали всей деревней первую партию мобилизованных мужчин. Женщины плакали, сморкались в платочки, а мужики, которым ещё не пришли повестки, пели под гармонь что-то разухабистое. На нескольких телегах, где сидели не только уходившие на войну, но и их маленькие дети, повезли наших односельчан на сборный пункт в районный центр Горицы. А мы, подростки, долго бежали следом, махали им руками и тоже безутешно плакали...

Остались в деревне одни женщины, ребятишки и старики. Отец мой умер ещё до войны, в 1940 году, так что мама стала вдовой раньше многих других односельчанок, мужа которых не вернулись с войны. Да ещё мы у неё на руках – четыре дочери от 5-ти до 15-ти лет. Но ведь жить как-то надо?

Сразу же после начала войны к старшей сестре Пানে начали применять так называемую трудовую повинность – посылать её рыть окопы, работать на лесозаготовках и торфоразработках. А я помогала маме на колхозном скотном дворе. Вставали с ней в пять утра, шли в ближайший лес за дровами, волокли на себе брёвна. Придём, распилим их, растопим большой котёл, сварим в нём полугнилой картошки для телят. Здесь же и сами подкрепимся. Из того же котла. Без хлеба и соли...

А уж как нагрянула зима, да такая морозная, стало совсем худо. Есть было нечего. Воду для котла надо носить из пруда, а силёнок-

то нет. Выдолбишь топором небольшую полынью и в тяжёлых деревянных кадках, которые быстро обрастали льдом, волочешь эту воду вверх по крутому берегу. Стонешь, плачешь, а тащишь.

Накормив телят скудным пойлом, ехали с мамой в поле за сеном. Лошадь по брюхо вязнет в снегу, ветер хлещет в лицо, мороз жгучий. Накидаем из стога в сани сена, утопчем его и – назад. Съежмися от холода под дерюгой и согреваем друг друга тёплым дыханием. А лошадь сама бредёт, она дорогу знает...

После скотного двора бежали домой. А там – новые хлопоты. Печь надо растопить, сварить картошки, натолочь её вместе с кожурой и сляпать из этого «теста» примитивных лепёшек, чтобы покормить ими младших сестрёнок. Ни масла, ни хлеба, ни молока, ни тем более мяса мы не видели. Соли – и той не было. На одних овощах выжили – в основном на картошке и капусте. Да и этого хватало лишь до февраля. Дальше становилось совсем голодно...

Бомбёжка Гориц

Осенью 1941-го шли ожесточённые бои под Калининым и Ржевом. День и ночь слышали мы несмолкаемую канонаду. Однажды немецкий самолёт залетел и к нам, начал кружить над деревней. Бабы, что работали в поле, перепугались до смерти, бросились врассыпную. А самолёт так низко пролетел над нашим домом, что я разглядела чёрные кресты на крыльях и фигуру лётчика в кабине. Подумала: конец нам пришёл, сейчас разбомбит Дубьё, и живого места не останется от деревни.

Но самолёт развернулся и полетел в сторону Гориц. Там был в то время крупный районный центр. Минут через десять в той стороне четыре раза оглушительно рвануло, а потом из-за леса показался огромный столб дыма и пламени. По рассказам очевидцев, бомбы разметали живую очередь за хлебом, райисполком и местный рынок. Убитых было больше сотни. Так что не только на фронте гибли люди...

Четыре суровых года

С наступлением тепла начинались в колхозе полевые работы. Женщины и подростки на лошадях и быках от зари до зари пахали, боронили, сеяли. Зачастую «тягловой силы» не хватало, пото-

му что коней сдавали в армию, а быков уводили на мясокомбинат. Приходилось самим колхозникам впрягаться в бороны и плуги. В том числе и ребятишкам. А какие у них силёнки, когда есть нечего? Рад бы травой свежей насытиться, но она выростала позже. Потому именно весной одолевал людей страшный голод.

Крапиву вообще за подарок считали! Нажнём её целый мешок, мама высушит его на печке, а затем перемелет на ручных жерновах, перемешает с горсткой серой муки и наляпает некое подобие лепёшек. И этому рады были! Уплетали за обе щеки!..

Летом и осенью – заготовка сена, овса, картошки. Подростки сами косили, ворошили траву, везли высушенное сено в колхозный сарай. Ближе к осени убирали с полей картошку. Несколько здоровенных корзин (по 50 килограммов) затаскивали мы с подружкой на дроги и везли их за два километра в картофелехранилище. И так непрерывно, пока не стемнеет.

А потом – уборка льна. Вручную вязали снопы, которые назывались «бабками», и через некоторое время молотили их, превращая лён в так называемую тресту, которую по первому снегу отвозили на льнозавод в Быково. Шелуху от семян льна, оставшуюся после молотбы, тоже использовали для еды. Мололи её на самодельных жерновах и пекли «оладыи». Так и прозвали – блины из мякины.

Нужда заставляла колхозников находить время для работы и на своих огородах. Ведь на них держалось всё население деревни. Что посадишь, то и поешь. А бегать по лесам, где можно разжиться ягодами и грибами, нам, подросткам, было совершенно некогда. Как и ловить рыбу в пруду. С утра до вечера работа на скотном дворе или в поле. Без выходных. Понимали – это нужно для нашей Родины, чтобы быстрее одолеть ненавистного врага.

День Победы

Очень хорошо запомнился мне тот майский день. С утра вышла я в поле боронить, а рядом двое ребят пахали землю на быках. Смотрим – бежит к нам бригадир по прозвищу Васька-хромой. «Выпрягайте! – кричит. – Война кончилась! Айда в деревню!» А парни не поверили: «Да иди ты к лешему, чёрт хромой! Не мешай работать!» Дело в том, что до нашей деревни сводки с фронтов

доходили очень скудные. Электричества тогда не было, жили при лучинах и керосиновых лампах. Что уж говорить про радио?

Но я почему-то сразу поверила бригадиру. Распрягла лошадь и поскакала верхом в деревню. За мной, смотрю, и ребята тоже потянулись. А около сельпо уже народное гулянье! Кто плачет, кто пляшет, кто просто от счастья смеётся. Прибежала я домой, дала лошади сена, зашла в избу и... После того как наплакались с мамой досыта, я ей тихонько сказала: «Мамуль! Дай мне, пожалуйста, сколько-нибудь копеечек. Ведь такой праздник у нас! Я в магазине куплю чего-нибудь на день Победы. Мы всю войну только и знали, что работали не разгибаясь. Позволь мне сделать себе какой-нибудь маленький подарок!»

Мама тяжело вздохнула, перекрестилась и дала мне денежку. В сельмаге я купила на неё небольшую коробку пудры. Она стала первой в моей жизни женской косметикой. Как же я была счастлива! И за себя, и за всех, кто выжил в ту войну...

Весной 1945-го исполнилось мне всего лишь пятнадцать. И впереди была целая жизнь, в которой ещё с избытком хватило и горя, и радости. Но главное, что мы победили! [25]

Лукашенко Л. **Жизнь в оккупации**

Мы с братом родились 11 апреля 36-го года. Мамин брат Макар с Анною родили ребенка в том же году – 15 апреля. Когда Макар в 41-м году ушел в партизаны, мама забрала его сына к себе. Получилось как бы трое «близнецов»: Лида, Витя и Боря.

Когда началась война, мобилизовали всех мужиков до одного. Трактористов сначала хотели эвакуировать с семьями, но директор МТС выступил: «Наша коммунистическая партия постановила: не будем брать детей и колхозников». Со всей МТС взяли только две семьи – директора Гладкого и главного инженера Чубукина. На всю жизнь у меня в памяти возмущение!

Папа, Иван Захарович, который был бригадиром трактористов, и 7 его братьев эвакуировались за Волгу, в Ростов, сеять урожай для армии. По дороге папа тонул с трактором 3 или 4 раза.

Пока не забрали отцов, каждая семья после первой же бомбежки успела вырыть по окопу. Первые немцы пришли в село 26 сентября 41 года – это были строительные бригады, они чинили железную дорогу, взорванную и разрушенную нашими отступающими частями. (Через Васильковку проходит «железная артерия», соединяющая центральную Украину с Донбассом.) Двести раз немцы наступали, только одних выгонят – приходят другие. Когда выгоняли, два-три дня шел бой страшный. Бомбили каждый день, а как вступали немцы, так вообще горела земля.

Мы, дети, гуляли одни – ни няньки, ни сада, матери в колхозе на немцев работают. Но мы такие грамотные были, такие послушные! Музыкальным слухом я ориентируюсь: летит «Мессершмитт» – сразу все в ближайший окоп. Каждый день кто-нибудь умирал от бомб. Ночью перед бомбежкой тетя Маруся побежала от нас к себе с 4 детьми. Первая бомба вырывает у нас окно, вторая падает перед Марусей, и ее убивает осколком. Но крошечки живы, только 8-месячную Галю, которая была у нее на руках, контузило (сначала подумали – умерла). А хоронить нельзя было, за это расстрел на месте. Но мама и соседка баба Лиза потянули Марусю за ноги в конюшню, положили в корыто и сверху – маленькую дочку. На второй день женщина с другой улицы пришла к нам на колодец и говорит: «У вас в сарае дите кричит». Галя выжила.

Расстреливали тоже каждый день. У папы была сестра Алёна, ее сын Лешка нашел пионерский галстук, завязал. Немец увидел и прямо на глазах у всех расстрелял.

Как мы думали спастись среди всего этого? Мы не думали, жили – и всё. Каждый день ложимся спать: под одним маминым боком Витя, под другим – Боря, а я ложусь поперек, к ее голове, чтоб, если будет бомба, нас всех сразу убило, никто б не мучился.

Мы жили в длинной-предлинной хате кулака Токового, которого забрали перед войной. Соседнюю хату кулацкого сына дали таким же, как мы, бедным, Ляшко. Хаты стояли в очень хорошем месте, на углу, где сходятся шоссе, дорога в центр села и железная дорога. Потому у нас в хате всегда был или немецкий штаб, или русский, а в хате сына жил начальник – немецкий или русский, всю войну.

Мама все время варила еду и красным, и фашистам, тем самым нас подкармливала. Немцы боялись отравы, сажали нас за стол

первыми. При них мы были неголодные. При красном штабе есть было особенно нечего, но нам давали сухие макароны.

Васильковку освободили в октябре 43 года. Когда наши пришли, выгребли всё, у кого что было. Забирали для фронта коров, курей. Тебе повезло, если спрятал поросенка и не попался, в другой раз быстрее режь и закапывай.

Мы не знали, что такое вкусно или невкусно. Большой казан сварится, в нем пшеница для поросят – и мы это едим. Вместо шоколада мама нагревала нам свеклу в духовке.

В особенности голодали маленькие дети, а те, кто постарше, цеплялись на ходу за поезд, перевозивший продукты, и кидали консервами под откос.

Школа у нас была в церкви. Мы, дети с 30-го по 36-й год рождения, учились в одном классе. Приходишь, ложишься на глиняный пол на животик и пишешь. Писали на газетах, на книжках – у кого что хранилось. Зимой почти не гуляли и не учились – надеть было нечего, одна пара валенок у порога. Главное было сбегать в них в туалет, это была проблема – в 41 году какой был мороз! И не простужались. Только раз у нас была ветрянка. Мама развела марганцовку, искупала нас и посадила на печку. Заскакивает немецкий комендант: «Дер киндер?..», а она: «Чума!» Они как рванули, 12 км до Богдановки!

Один раз мне дома рвали зуб, и я пошла пятнами – началось заражение. Пришли в жандармерию, а там сотни людей, мы сидели в очереди часов пять. Комендант спрашивает: «Фатер – где отец?» Мама говорит: на войне. Он нас вышвырнул из кабинета. Идем по улице, плачем. Навстречу едет Мария Коваленко – ее муж-летчик был маминым родственником, погиб в 43-м, а сама она в то время кадрилась с немецким комендантом. Наши женщины ее осуждали, думали – шкура продажная (на самом деле Мария была разведчицей партизан). Она посадила меня на повозку – и до коменданта. Мне тут же почистили рот, она забрала меня к себе домой, отдала целый мешок одежды, игрушек.

Весной 43-го на жандармерии повесили объявление: все некрещеные дети будут считаться евреями. Нас, детей некрещеных, было 35. Мама с кумой насилу разыскали священника. Тот сказал, надо найти еще хоть одного мужика, безотцовщину он крестить

не будет. Выручила встретившаяся женщина: «У меня муж Федор с плена бежал, ночью приполз». Она его на лежанке в одеяло завернула, он был всего 30 кг, на тачку посадили, привязали к корове. Нас покрестили, это было в ноябре 42 года. А евреев всех до единого расстреляли.

В 1943 году в Васильковке был госпиталь. Там лежали несколько сотен человек, у кого руки оторваны, у кого ноги. Раненые, все в крови, голодные, но мы приходим – они выздоравливают. Прикасаются к детям – и выздоравливают. Дают нам по щепоточке сахару, которого мы сроду не видели. Песню век не забыть: стоим и поем «Долой Гитлера с кониной, давай Сталина со свининой!» (немцы ели конскую колбасу).

Сознание-то какое было – нынешнему поколению не понять. Витя на Олега Кошевого хотел быть похож, я – на Зою Космодемьянскую. Это сейчас стало не на кого равняться, нет героев! Тогда для нас это магия была – помочь фронту, все дети в школе собирали металлолом, чтобы победить фашистов. У мамы была двоюродная сестра Галя, ее сын Витька находит чайник и надевает на голову. Поворачивает нос и так: «У-у!» Мы хохочем-валяемся, а потом – бац! – чайник-то не снимается. Как он плакал, как кричал! В жандармерию пошли, а там: «Вег, вег! – уходите отсюда». Мамы наши снять не могут, уши ему надорвали, кровь течет. И через носик ему водичку льют, дышит тоже через носик, задыхается. На седьмой день женщины опять пошли в жандармерию, Галька упала перед комендантом на колени и говорит: «Ну, расстреляйте меня, ну, убейте, но спасите! За что ж детина страдает?» Дал указания, мы пришли в артель, немцы чайник разрезали ножницами по металлу, а потом эти раны, наверное, целый год заживали.

С немцами нам было легче, чем с полицией. Эсэсовцы ничего о нас не знают, расстреливали, наказывали по приказу, а так мы им были не нужны (как не были нужны и Сталину). А все полицаи – знакомые, соседи. Поступает, например, распоряжение: подать в жандармерию по улице Петровской списки детей, которым исполнилось 13 – 14 лет. Их на второй же день отрывают от матерей, сажают в вагоны и отправляют в Германию как рабочую силу. И тут же, тут же были списки! Без полицаев они бы не сделали эти списки!

Или полют колхозницы кукурузу до потери сознания с 5 часов утра, а полицаи на лошади кругом объезжает, и только где кукуруза не шевелится – он прямо туда. Подъехал, а люди присели на минуточку перекусить. Он всех пересчитал – и подал список в жандармерию. Приходишь, сидишь, и тебе назначают сколько-то плеток. И мы сидим в очереди, ждем, пока будут маму пороть – маме было 25 плеток...

Мы были в школе, когда нам сказали, что всё, война кончилась. Стали возвращаться домой некоторые мужики... Вся тяжесть хозяйства легла на женские плечи... В 47-м году снова был страшный голод. Но после войны люди были на все согласны, лишь бы не было войны!

Однажды во время оккупации к нам зашел немец, а наши женщины режут капусту. Он посмотрел на кадушку и говорит: «Неправильно делаете, надо в баночки». Наши мамы как стали смеяться: «Что этой ораве баночка!» И тут мы заходим. Он увидел, что дети похожи друг на друга, и мама пояснила: «Близнецы». Немец как заплачет: «И у меня близнецы. Немецкий и русский солдат не виноваты, это всё Гитлер и Сталин, надо их взять, столкнуть лбом – и конец войне! Чтобы не мучились дети!» [26]

Малькова Зоя Александровна

Сидишь за уроками, а сама думаешь, чего бы поесть

Жила в деревне, работала в колхозе. Война началась, 10 лет мне было. Два брата были на фронте, с мамой мы жили вдвоем. Хозяйство, конечно, было на маме. Она работала в колхозе и дояркой, и на свиноферме. Я ходила, помогала. И мне прикрепили двух маленьких жеребятенок, за ними ухаживала. Тогда мне было всего 12-13 лет. Кормила их, поила, воду носила, сено носила им, ухаживала, жалела их – я вообще люблю животных.

Немец был в 10 км от нас, от нашей деревни. У нас и коров всех угнали, и лошадей, которые хорошие были, — у нас очень большое стадо было. Зимой училась. В выходной день помогала маме: в погреб ходила, картошку перебирала. Летом с мамой сено сушила – тоже помогала. И боронили. Пахать, конечно, я не пахала, у нас ребят много было.

Деревня была большая – 120 дворов. Мужчин, конечно, всех забрали на фронт. Осталась одна молодежь. Конечно, плохо было и голодно было: и очистки картофельные ели, и картошку гнилую. А уж весной, чуть росток маленький вырастет, я иду собирать; клевер ели, крапиву, лебеду – любимая наша еда была. Все ели. Коробочки льна, они же колючие, семя на масло уходило а вот коробочка колючая оставалась. Мы ее парили, ступа у нас была – в ступе толкли и пекли лепешки. Начнешь эти лепешки есть – они не глотаются, и в желудке колет, и кишечник колет...

В школу ходила за 4 км. Сидишь за уроками, а сама думаешь, чего бы поесть. Осенью соберем картошку, из колхоза что-то мама получит на трудодни – плохо было. И беженцы были с маленькими детишками. Мы их приютили. Надо было и уроки писать. Я найду на чердаке старые книжки, вот между строк пишу. А беженцы приходили, и я обменивала тетради на хлеб, картошку. Ведь им тоже есть надо. У всех беда такая большая.

Вот выйдешь на улицу, помотришь, у кого печка топится, возьмешь совок, побежишь за углями, чтобы печку растопить. Плохо жили. За 10 км был немец. Страшно было, как начнут бомбить. У нас рядом деревня была, бомба взорвалась, и стену всю вывернула, хорошо, что никого не убила.

Немец уже переправился через Волгу. Они даже умерших солдат хоронили на нашей стороне. Но наши войска их дальше не пропустили. От нашей деревни Калинин в 60 км. Видно было, как Калинин горел. Я жила в Калининской области (сейчас Конаковский район) в деревне Ременица.

У нас была землянка, мы ее называли «точка», там жили радистки. Как сейчас помню: лежу на полу сплю, мама стала печку топить. Стучат в дверь, мама открывает, а ей сообщают: «Война кончилась! Кончилась война!» И она побежала по всей деревне сообщать, что кончилась война. Столько было радости. И какая тут еда? Мы, ученики, собрались около школы, и нам сказали: «Война кончилась!» И всех директор школы распустил по домам. До обеда день был хороший солнечный, теплый, а уже после обеда пошел дождик. И вот сейчас я наблюдаю, как 9 мая, обязательно, с утра – хорошая погода, а с обеда – дождик.

И какие все-таки люди были добрые в войну, дружные, куском хлеба делились. Никогда не забуду, соседка напечет сдобные лепешки и принесет мне: «На, дочка, поешь». А я маме оставляла. Мама придет со скотного двора: «Мама, на, ешь». А она отвечала: «Да ешь сама, Господи, ты ж у меня маленькая, ешь», а я сама не съем – маме отдам. Я и сейчас такая, у меня двое детей, я уже прабабушка, я сама не съем, лучше отдам детям. У нас так заведено было в семье... [27]

Маляревский Икар Анатольевич **Родненькие**

Хлеб Фронту!

А завод все работал и работал, молот зерно на муку, работал без сбоев, хотя многие мужики ушли отсюда и уже воевали. Вся тяжесть легла на женские плечи. В прямом и переносном смысле, ибо им пришлось таскать мешки с мукой и грузить их в вагоны. На что был крепкий и очень сильный дядя, в молодые годы игравший в футбольной сборной города, но и у него после погрузки появились мешки под глазами. На погрузку хлеба выходил даже директор завода несмотря на свою болезнь – порок сердца.

А каково было женщинам? Но русская женщина, как правило, крепкая – все съедит. Но ведь там были и хрупкие, очень красивые поволжские татарки с браслетами на тонких, детских руках, были чувашки, мордовки. И всегда работали хорошо, потому что на фронте были их самые близкие: отцы, братья, женихи... И все они должны быть сытые, иначе, как говорил мой отец, солдат винтовку в руках не удержит. Где уж там воевать голодному!?

И молох войны требовал все больше и больше хлеба. Редкими исключениями были дни, когда на завод направляли мужчин, перед тем, как их отправить на передовую. Они были уже в форме, и вот один такой солдат попросил меня принести ему спички для курева. Дядя в то время еще не курил, спички от меня прятали (еще мал), тогда я спер у дяди лупу, с помощью которой в солнечную погоду можно было разжечь огонь. Солдат, видимо, понимал, что лупа не моя, долго не хотел ее брать, но я его обманул, сказав, что

дома есть еще такая же. В конце концов он махнул рукой, сказав, что у него таких, как я, двое остались дома, и что он не знает, куда его направят и где он будет уже завтра. Лупу он бережно положил в карман на груди.

Пароход

Поскольку переезд в Куйбышев предполагался водным путем, на пароходе мимо Жигулей, дядя в письме просил выяснить расписание движения проходящих рейсов. За этим мы и отправились с мамой уже на большую реку, за город, на настоящую Волгу, по которой ходил с ватагами казаков Пугачев и плавал Стенька Разин (отец, когда я был еще маленький, и он качал меня на руках, пел тенором: «Выплывают расписные Стеньки Разина челны», «По Дону гуляет казак молодой» или «Метелицу»). Я, конечно, этого уже не помню, но мне рассказывала об этом часто мама, чтобы я не забывал отца, мало ли что с ним может случиться на войне...

Все выяснив на причале, что нужно для отъезда, мы уже собирались было отправиться обратно домой, когда почувствовали волнение (пароход плывет!) среди окружающих людей, вытянувших головы в том направлении, где по реке из низовий шлепал плицами пароход. Пароход как пароход, ничем не отличался от многих виденных до этого мной. Но дело в том, что этот пароход был транспорт с ранеными бойцами. Он все ближе и ближе подходил к причалу. И вот уже ясно видно скопление на палубах, за сеткой лица людей, их усталые, измученные лица... У многих белеют на теле, на голове бинты, а кто и на носилках лежит... Но все они в выгоревшей на солнце военной форме солдаты!... Раненые солдаты! Солдаты, получившие первичную санитарную обработку на поле боя, от которых пахло потом, кровью и порохом! Эти солдаты пролили за нас кровь! И путь их, возможно, начинался на той же Курской дуге (стояло лето 43-го, и был разгар боев), а теперь окончится в местном госпитале... Пароход, между тем, дал уже гудок и начал швартоваться, но тут запричитали, заплакали женщины у пристанского рынка: «Родненькие!... Спаси вас Христос! Спасители наши!»

Рванулась милиция на дебаркадер, схватились за руки, образуя цепь вдоль опускаемого трапа, уперлись ногами, стараясь спинами оттеснить людей, которые все прибывали невесть откуда, рвались,

стараясь дотянуться до раненых воинов. «Отведай, родимый, моего парного молока – может оно исцелит тебя»... «Возьми с собой мои яблоки из сада»... «Угостись огурчиком»... «Откушай медку»...

Как ни старалась милиция обеспечить нормальную выгрузку раненых, ей это явно не удавалось... Проворные женские руки сквозь локти и спины милиционеров находили щели и брешни, через которые хватали солдат, засовывали в карманы куриные яйца, головки лука, совали в протянутые руки кринки с молоком, кто что мог и чем был богат. «Дай Бог тебе здоровья!... Да исцелит тебя оно сынок. Может пойдет на поправку!» И все это бесплатно! Да и какие тут могут быть деньги, всё шло от сердца, от души!... Какой-то старик, возможно бывший священник, влез на пожарную лестницу и истово крестил проходящих под ним и проносимых на носилках солдат, в пафосе кричал: «Защитники наши, с вами Христос!»...

Такого единения армии и народа, ни до, ни после я никогда видел. Что-то похожее было на похоронах Сталина, но тогда страна прощалась с вождем... И я понял, что ничего не страшно, когда народ и армия вместе! И горе тому, кто против этого пойдет!..

После выгрузки за лежачими пришел транспорт – машины, а кто мог самостоятельно ходить, сам отправился в госпиталь. Хотя это было и не близко... Мы, возвращаясь домой, шли с одним капитаном, который хромал сильно и опирался на палку. Приехал дядя и забрал нас в Куйбышев [28].

Матвеев Виктор Иванович **22 июня закончилось детство**

Для меня война началась, как поется в песне «22 июня, ровно в четыре часа». В это время, когда бомбили Киев, бомбили и нас, проживающих рядом с военным аэродромом в военном городке под городом Бердичевом. В этот день для меня и моих сверстников закончилось детство. Мы стали сразу взрослыми, так как на наши плечи легла ответственность за семью. Отцы на фронте с первого дня, матери добывают хлеб насущный, а нам надо быть хозяевами в доме, ведь я старший, а в семье еще брат 1936 года рождения и две сестры с 1938 и 1940 годов.

В первый же день мы узнали, как погибают от бомб и пулеметных очередей с немецких самолетов. Через несколько дней нам пришлось познать, что такое эвакуация, голод, постоянные бомбежки эшелонов, гибель наших сверстников и их мам, так как мужчин в эшелоне практически не было. Они ушли воевать. Познали мы голод и тревогу за отцов на фронтах. И что такое труд узнали не понаслышке. Летом 1942 года мне было 11 лет, а я работал на маслобойне, целыми днями гонял с напарником по кругу лошадей в поселке Благодарном Краснодарского края, куда нас эвакуировали. Но снова пришлось все бросить и снова бежать в Ташкент. Летом 1943 года узнал, как убирают виноград, так как всех мальчишек с 5 класса отправляли на лето в колхоз убирать сладкий виноград. Но для нас он был очень горьким, когда под палящим солнцем целый день работаешь наравне со взрослыми.

После переезда из Ташкента в Москву к родным в 1944 году уже все лето работал с другими школьниками в совхозе на реке Оке в районе Серпухова. И не просто колоски собирали, а выполняли нормы взрослых по прополке капусты, моркови, картошки. Зато как гордились тем, что в сентябре за работу всем нам выдали сельхозпродукты на заработанные трудовые. Ведь норма хлеба для школьников была 400 граммов, а тут такая добавка. Хотелось поскорее попасть на фронт. На Северном Кавказе, когда подошли немцы, начитавшись книг о войне, особенно запомнилась книга «Алеша, партизанский сын», решили уйти к партизанам. Но соседи не дали осуществить наш замысел. Я из Москвы пытался санитарным поездом уехать на фронт, но был возвращен домой.

Зато никогда не забуду 2 мая 1945 года, когда узнали о том, что Берлин взят, и, конечно, 9 мая, когда я с друзьями наблюдал салют Победы на Красной площади. Это был для нас праздник особый, ведь с фронта возвращались отцы, и мы снова становились детьми, правда, сильно повзрослевшими. И я счастлив, что через много лет, командуя батальоном на уборке урожая, мне пришлось снова побывать в Благодарном и своей помощью отблагодарить тех, кто принял нас в трудную военную годину! [29]

Молчанов Юрий
Из писем на фронт отцу – М.И. Молчанову

07.10.1941.

...Самолет уже готов, сделан и покрашен. И скоро я на нем полечу к тебе. Я сделал еще лук и стрелу. Бьет высоко: если выстрелить вверх, то и стрелы не видно. Из лука буду бить фашистов.

29.10.1941.

Теперь, как всегда, провожу сборы со своим звеном. У меня в звене 8 человек. Через день надо проводить сборы. А какие бывают сборы? На сборах надо учиться метать гранаты. Мы назначили «сражение»...

17.02.1942.

Папа, помнишь, ты прислал мне открытки с летчиками и танкистами? У тебя больше их нету? А если есть, пришли мне чуть-чуть. Я уже сделал альбом под названием «Великая Отечественная война». Кроме твоих «Крокодилов» я собрал много карикатур. Альбом уже толстый от карточек. Кроме того, я еще сделал альбом, в котором много хороших рассказов о Красной Армии.

16.06.1942.

Сейчас уже начали родиться грибы. Этот год надо набирать их побольше. Теперь еще надо собирать брусничный и земляничный лист и цвет для чая. Сейчас пока хожу за щавелем для супа. У нас в школе его сушат.

18.02.1943.

В школе учимся как всегда. Горячо готовимся к Дню Красной Армии. Я срисовал картинку, как гитлер погнался за двумя зайцами и ни одного не поймал. Ты уже, наверное, думаешь, почему я написал «гитлер» с маленькой буквы? Я его человеком не считаю.

03.06.1943.

В школе мы теперь часто ходим за крапивой для столовой. Нам сказали, что если наберете 200 кг, то всем дадут по 200 гр. Конфет.

Скоро я буду ходить за щавелем на нашу полянку, где мы с тобой любили отдыхать и есть землянику.

13.06.1943.

Теперь я работаю на цветбазе, получаю 600 гр. хлеба и обед в столовой. В общем, дают рабочую карточку.

12.07.1943.

За каналом почему-то нет черники, да туда никто и не ходит дальше вглубь, боятся напороться на мину. Посылаю тебе картинки: «Ходит Гитлер» и «Вот тебе, фашистский гад, вместе хлеба наш снаряд!» [30]

Орехова Анна Владимировна
Лошадей не хватало, пахали на коровах

К началу Великой Отечественной войны мне исполнилось 11 лет. Жила со своей семьей (родители, брат и две сестры) в селе Волобуевке Тимского района Курской области. Немцы много раз проходили через село, поэтому жители заранее угоняли и прятали скот. До войны мама работала в колхозе.

На протяжении войны немцы захватывали село Волобуевку 12 раз, и 12 раз русские войска освобождали его. 4 декабря 1941 года в 7 часов утра немцы напали на село, сожгли его, а жителей угнали в соседнюю, уже захваченную деревню. Всех жителей загнали в сарай, в центре которого навалили бревен и подожгли их. Сарай заперли. Люди начали паниковать. Матери следили, чтобы их дети не подходили близко к огню. Однако утром немцы выпустили перепуганный народ. Молодых ребят они забрали в плен, а женщин, стариков и детей отпустили, запретив им возвращаться в родное село.

Некоторое время людям пришлось скитаться, ходить по расположенным недалеко деревням, просить подаяния. Потом они все вернулись в родное село, где остался всего-навсего один дом, да и тот со сгоревшей крышей. В это время через деревню проходили русские солдаты. Сначала они не узнали жителей, подумали, что это немцы и хотели стрелять, но вскоре ситуация прояснилась.

Все вернувшиеся 12 семей стали жить в одном полуобгоревшем доме. Места было очень мало, спали сидя. Питались остатками запасов из погреба. Во время метелей опасно было ночевать в погребе, т.к. людей могло завалить снегом.

Но однажды именно так и произошло. Отец пытался пробить палкой снег, сделать ход наружу. Воздуха не хватало. Все попытки были тщетны. К счастью, в это время один из жителей возвращался из плена в родное село. Он и увидел торчащую из снега палку и спас «людей-заложников».

После этого жители села построили землянку, где про жили 7 лет. Леса и кирпича не было. Наступила весна, люди ели траву (крапива, клевер), оставшуюся мороженую картошку, которую употребляли вместе с кожурой. Также из кожуры пекли хлеб. В поле часто собирали колосья, из-за чего часто попадали под обстрел. Шести семьям удалось спасти скот. Но т.к. сено сгорело во время немецкого захвата, то скотину кормили семечками.

Отцу тоже удалось уберечь корову, которую все же зарезали. Половину съели, а вторую половину отец продал и на вырученные деньги купил пчел. Каждый день он давал детям по ложке меда, чтобы они не опухали. Вскоре на фронт забрали брата. Вернулся он искалеченный.

В 1943 году начали работать. Так как лошадей не хватало, пахали на коровах. Работала погонщиком в колхозе. Позже стали пахать на волах. А потом появились комбайны, стали молотить зерно. Сестра косила, другие девчонки вязали снопы, носили их на себе.

Работали с 5 часов вечера до 8 утра, т.к. было мало оводов в это время, всячески старались выполнить норму. За это получали по 100 грамм хлеба. Сажали картошку, свеклу, семечки. Комбайны берегли, использовали лишь в крайних случаях, в основном заставляли работать людей. Были ручные веялки, получали чистое зерно. Огромную работу выполняли дети [31].

Рожин Василий Петрович **Интересный русский характер**

Родился я в Елабуге, в Татарии. Работать я стал в 1937 г., тогда мне было 8 лет. Мы очень старались заработать, чтобы получить

хлеб и муку. Я иногда пас с братом лошадей. Закончил пять классов. Читал газеты, рассказывал рабочим, которые были неграмотные. Был у меня такой дедушка, он очень хорошо разбирался в политике, 4 года был в плену в Германии в Первую мировую войну. И, когда заключили мир с Германией, он мне сказал: «Васютка, Гитлер обманет Сталина. Поверь мне, скоро начнется война». 19 июня 1941 г. я пошел в свою родную деревню, ...22 июня 1941 года началась война. Накануне, 20 июня, я пришел в Гари в гости к сестре Марии Петровне... Все было тихо, мирно, ничего не предвещало беды. Неожиданно пришло страшное известие. Я оббежал всех своих родственников, чтобы попрощаться. Я знал, их могут забрать в армию.

Прибегаю к себе домой в деревню, а там уже идет митинг, набирают добровольцев. Вот где проявился патриотизм. И почти две трети из них не вернулись с фронта. Одних моих родственников 27 человек.

В деревне мужиков почти не осталось, все легло на плечи женщин и нас, ребятишек. И мы в Татарии испытали не меньше. Мы сеяли, пахали, бороили, не спали ночами, вязали варежки, носки, шили теплые шубы, чтобы быстрее отправить под Москву. А сколько эшелонов шло с востока мимо нас! Все для фронта, все для победы. Это было законом для всех – стариков, женщин и детей. Хлеб мы сдавали на хлебоприемный пункт Елабуги.

Война продолжалась. Немцы уже были в Сталинграде. У сестры Марии убили мужа Виктора (в станице Клетская, недалеко от Сталинграда). Кроме Виктора, погибли еще два брата – Иван и Федор, и зять Яков. Брат Василий Михайлович вернулся раненым в Гари и работал председателем колхоза (было два колхоза), затем завхозом в школе села Бехтерево. Вот так коснулась война одной семьи.

Шел 1943 год. После разгрома немцев под Сталинградом десятки тысяч пленных потянулись по России, в том числе не обошли и Елабугу. В 1943 г. увидел я живых немцев. После победы под Сталинградом, гнали к нам 700 человек немцев. Нас, ребятишек, которые умели запрягать лошадей и ездить, взяли сопровождать этот лагерь немцев.

В конце февраля 1943 года директор школы Игнатьева пригласила меня и моего товарища Костю Марова и спросила, умеем

ли мы управлять лошадьми. А мы в колхозе работали на лошадях. Сказала, что предстоит очень важное задание. Оказалось, в Елабугу со станции Кизнер переправляют военнопленных из-под Сталинграда. С собой мы должны были взять корм для лошадей и попросить у родителей что-нибудь из теплой одежды – полушубки, шубы, тулупы. Нам объявили – немцы очень плохо одеты, а погода стояла холодная. Вот такая забота проявлялась русскими людьми о фашистах, которые убили под Сталинградом сотни тысяч наших соотечественников. Вот она – душа русского человека!

Как нам сказали, так мы и все и сделали. Дали нам в колхозе самых лучших лошадей, чтобы они могли дойти до Елабуги (это 45 км). Набрали в домах кое-что из теплой одежды и приехали в Грахово. Там уже было несколько сотен немцев, потом узнали точно – более 700. Смотреть на них было страшно: небритые, одеты кто во что. Из Кизнера их сопровождало около сотни лошадей с такими же ездоками, как и мы с Костей. Среди немцев было много больных, их и перегрузили на наши сани. А всего прибыло более 70 подвод. Мы двинулись в сторону Елабуги. Ко мне на сани посадили троих немцев, не совсем здоровых. Один из них говорил по-русски, правда, не очень хорошо, но я понимал, так как в школе немного изучал немецкий.

Сейчас некоторые «писатели» утверждают, что большинство пленных расстреливали. Это ложь. Мы – живые свидетели того, как их сопровождали. Среди офицеров, кроме немцев, были румыны, итальянцы и другие. Сопровождали военнопленных также врачи, как немецкие, так и советские. В дороге немец, который знал русский язык, признался, что они очень боятся лагеря, опасаясь, что над ними там будут издеваться, как они поступали с русскими. Я отвечал, что наши люди на такое не способны, и они сами в этом убедятся. ...Некоторые трусливые немцы наносили себе телесные повреждения, чтобы не идти пешком.

В селе Гари разместили пленных, где только было возможно, в основном, в школе. Я своих немцев сдал в клуб и пошел к сестре Марии Петровне. У нее было уже трое детей, младшую дочь Анну, которая родилась в 42-м, отец так и не увидел. С сестрой жили двое стариков – родители погибших троих сыновей и зятя. Сестра, работая в колхозе, содержала пятерых человек да сама шестая. У

нее была корова и овцы. Сено заготавливала сама, за дровами ездила в Граховский район. Отец ей помогал в этом. И всех она сумела спасти от голода и холода. Конечно, голода как такового не было, от этого в Гарях не умирали. Все работали, всех кормили. Большую заботу о народе проявляли районные власти.

Из райкома партии и исполкома постоянно приезжали представители и помогали жителям. Выращивали хлеб, кормили армию и рабочих.

...Когда я пришел к сестре (3 марта 1943 года) и рассказал, что едем с пленными немцами в Елабугу, где будет лагерь, она обошла всех соседей на своей улице, рассказала про пленных, что везут их на лошадях, больных и плохо одетых. И женщины организовали сбор продуктов – принесли вареную картошку, хлеб и теплую одежду, оставшуюся после мужей, братьев, сыновей.

Сама Мария Петровна, кроме продуктов, отдала полушубок погибшего мужа, чтобы пленные не замерзли, добираясь до Елабуги. Я возмутился: «Что ты делаешь, сестра? Ведь эти немцы из-под Сталинграда, они убили Виктора и двух его братьев, а ты им несешь продукты и полушубок». Она мне ответила: «Эх, Васька, Васька! Неужели ты не поймешь? Мы же русские люди, пусть они знают наших людей, пусть в Германии своей расскажут, как к ним здесь относились». Немцы были поражены. Тот, который говорил по-русски, не мог слова вымолвить после такого поступка. Он стал ругать Гитлера за то, что тот начал войну с таким народом.

По прибытии в Елабугу своих немцев я сдал в здание напротив психинтерната. Мы с другом Костей сфотографировались на память. Как мы потом узнали, немцев разместили в здании школы милиции.

Этих немцев я увидел осенью того же 1943 года, когда после окончания семи классов поступил учиться в Елабужское педучилище. Это были уже не те пленные – грязные, небритые, худые и плохо одетые, а сытые и вполне сносно одетые. Второй лагерь военнопленных был японский – на территории монастыря, и к ним было такое же отношение.

Еще одна встреча с военнопленными немцами случилась уже не в Елабуге, а в Ижевске. Это был щит Родины, кузница. В Ижевске был завод, где делали автоматы. Немцы пытались его бомбить, чтобы разгромить военные заводы. Лошадей кормили, чтобы от-

править на фронт. Затем меня забирают в школу ФЗО (фабрично-заводское обучение), мне было 16 лет. Я попал на завод, где делали пушки, пулеметы, автоматы. Я окончил в 1944 г. школу ФЗО. Попал в группу прокатного производства, практику проходил на металлургическом заводе №71 Министерства вооружения. Видел, как работают люди на этом заводе. Они не считались ни с чем, лишь бы больше давать продукции фронту. И здесь был тот же лозунг: «Все для фронта, все для победы». Прокатывали сталь для пушек, пулеметов, автоматов, винтовок. Стал прокатчиком.

Мы видели, как работают подростки 15-17 лет. Приходим утром в цех, а они лежат, как мертвые, за нагревательными печами, сил нет идти домой, стараются отдохнуть. Там и русские и армяне работали из всех сил.

Привезли туда немцев работать, мне дали в подчинение трех немцев. Я работал контролером, и мне вменялось в обязанность подбирать металл по маркам стали, подвозить к нагревательным печам, а затем прокатывать на прокатных станках. Они грузили металл, подвозили к печам, и так я работал с ними более полутора лет. Они также были из-под Сталинграда и с других фронтов. Так вот, мы видели, как их содержали – совсем не так, как наших пленных в Бухенвальде, Освенциме и других концлагерях.

Один из них хорошо говорил по-русски. Он видел и слышал, как у нас проходили комсомольские и партийные собрания. Видел, как трудились наши люди, взрослые и подростки, выпускники школ ФЗО, комсомольцы. И говорит мне: «Вася, вас не сможет победить ни одна страна. Я вижу, какая у вас сила воли, как у вас обращен весь народ, чтобы разгромить Гитлера». Гитлер просчитался в том, что напал на Россию и нашу страну победить нельзя, когда народ, единое целое. Пленный немец приносил хлеб ученикам ФЗО, а ведь хлеб в 1945-1947 годах был на вес золота... [32]

Свешников Николай Николаевич **Много было трудной работы**

Приходит 1941 г., забирают в армию старшего, среднего брата. Старший брат попадает в летное училище, вышел оттуда лей-

тенантом. Летал на У-2 в тыл врага, на ИЛ-2. Упал на подбитом самолете, был ранен, отправили в госпиталь в Ленинград. Затем он снова ушел на фронт. Погиб во время обстрела. Второй брат – окончил артиллерийское училище. Отправляется на фронт в Карелию. Защищал мост, который связывает Мурманск с Ленинградом. Вся батарея, где он служил, была уничтожена.

Когда началась война, я учился в 8 классе на Большой Волге. Потом школу закрыли, там сделали госпиталь. В Ратмино было училище – механизации и сельского хозяйства. Первый призыв – меня приглашают в училище возить сводки со строительства оборонительных сооружений, забирать почту для училища. Согнали девушек из д. Иваново, и лошадьми нужно было возить бревна для строительства оборонительных сооружений. Нас забрали на приемку этого леса. Мы обмеряли бревно, и подписывали девушкам документы. Нас предупредили, что есть трибунал, и что с нами будет, если будут нарушения в приемке. Мы честно все выполняли. Много было трудной работы. Не обходилось и без различных казусов.

Я работал в училище, и там остались только женщины и директор. Мне поручил колесный трактор, у которого не было керосина и газогенераторную машину. Я клеил камеры. А поговаривали, что кругом диверсанты, радиостанции. Смотрю на небе белая точка, вижу – парашют опускается. Подумал, что диверсант. Прибежал директор, отъехали 100 метров, а он говорит, что забыл ружье. Выехали за деревню, видим, что парашютист потихоньку падает. И вдруг зенитная батарея, которая защищала плотину, начала стрелять. Мы стоим в поле, на нас стали сыпаться осколки зенитных снарядов, стало страшно. А парашютист полетел на берег Волги. На другой день узнаем, что проходила пристрелка зенитной батареи по парашюту с песком в мешке... [33]

Семёнов Пётр Иванович **Партизанские были**

Когда началась Великая Отечественная война 1941–1945 года, я только что сдал экзамены за 8 класс и имел возраст неполных 16 лет.

В ноябре 1941г. я с матерью попал под оккупацию. Отец был на фронте. В январе 1943г. мы с матерью, как семья работника НКВД, попадаем в концлагерь г. Слуцк БССР. В апреле 1943г, после полного уничтожения еврейского населения, нас перевезли в немецкий концлагерь «Ост Тодент», (местечко Красное, Минской обл. Это район Западной Белоруссии). Таким образом, будучи несовершеннолетним, я прошел два немецких концлагеря.

Находясь в концлагере с. Красное мы, трое ребят, установили связь с командованием партизан. Связным была моя мать. Находясь в связях с партизанами, мы выполнили около десятка их заданий. В феврале 1944 г. мы получили приказ командования партизан совершить побег, и в условном месте нас уже встречала партизанская разведка. Бежало нас 9 человек – 6 ребят и три женщины. Таким образом, я добровольно вступил в борьбу против немецких оккупантов, ибо партизаном становятся не по призыву военкоматов, а добровольно, независимо от возраста и положения. В нашем отряде, например, был 65-летний дед Юзя, и 13-летний пацан по имени Коля.

Итак, я был зачислен рядовым бойцом отдельного партизанского отряда спецназначения имени Г.И. Котовского. Командир отряда подполковник Руденко, комиссар отряда старший лейтенант тов. Дзаташвили. Отряд по численности был небольшой, порядка 60-70 человек, но хорошо вооружен, абсолютное большинство – автоматы и пулеметы. Район действия – Западная Белоруссия, БССР, Вилейская область в треугольнике Минск – Молодечно – Вилейка. Имею удостоверение «Партизан Белоруссии» №110833.

Партизанская война – это каждый день бои, разные случаи, подвиги. Это засады, подрыв вражеских эшелонов, подрыв и сжигание мостов, блокада и разгром вражеских гарнизонов, разведка, сопровождение работника ОКР «Смерш». Заготовка продовольствия, уничтожение особо рьяных полицаяв и старост и т.д. И все это ночью, в праздничные дни. Вот поэтому немцы объявили партизан вне закона. Немецкое командование считало, что ночью и в праздничные дни немецкие солдаты должны отдыхать. А здесь партизаны – ночью, из засад, из-за угла, внезапно и быстро уходят в болота, в леса, не оставляя следов.

Случаев очень много, всех и не запомнишь, но один помню очень хорошо до сих пор. Примерно в конце марта 1944 г. мы, чет-

веро партизан, получили приказ на минирование шоссе Молодечно–Илья. Выполнив задание, мы возвращались на базу. Всю ночь шел изнурительный мелкий дождь. Промокли, что называется, до нитки. Рано утром старший группы принимает решение зайти на один из хуторов, чтобы отдохнуть, обсушиться и обогреться. Зашли в дом. Расположились в передней комнате, взяв под наблюдение дороги, ведущие к хутору, а их было три. К самому хутору подступал лес, так чтобы на случай опасности, не принимая боя, можно было быстро и незаметно уйти. Нас встретила молодая женщина с двумя детьми и старушка, по-видимому, ее мать. Мужчин в доме не было. Мы попросили молодую хозяйку затопить печь, а сами занялись протиркой оружия. Молодая возилась около печи, а старая «крутилась» около нас, и все расспрашивала кто мы, откуда и куда идем, ибо одеты мы были подозрительно по ее понятиям. На одном из нас, на минере Саше, под телогрейкой были немецкие брюки, у второго на вооружении немецкий автомат. На мне было черное демисезонное пальто, что напоминало шинель полица. Как был одет четвертый – за давностью времени не помню. До базы оставалось 10-12 км. И вот на дороге, ведущей к хутору со стороны партизанской зоны, появилась группа партизан порядка 20-25 человек. Мы ее прекрасно видим, расстояние небольшое. В это время старая вышла из комнаты, мы на это не обратили внимания. Смотрим – партизаны быстро изготовили оружие к бою, хотя оружие у партизан всегда наготове, даже когда идешь в туалет. Врассыпную, бегом бросились к дому. Мы в недоумении, ведь на других двух дорогах ни немцев, ни полиции.

Вбежав в дом, командир группы скомандовал: «Руки вверх!» Несколько других партизан направили на нас оружие. Спрашиваем, что собственно, случилось? «Не разговаривать, кто такие?» Отвечаем – партизаны, котовцы, показываем удостоверения. Были у нас такие, временные. Оказывается, старая, выйдя из передней комнаты и встав на крыльцо, стала энергично махать рукой партизанам, подзывая их к себе. Когда те подбежали, шепнула, что в доме полиция, как она определила. Мы посмеялись над старой, но ведь могло быть и не до смеха, а с серьезными последствиями. Но этот случай говорит о том, что шла война народная, старый и малый стремились чем-то помочь в разгроме коварного и жестокого врага.

В конце мая 1944 года немцы решили очистить от партизан районы Вилейской области, для чего была организована карательная экспедиция в составе войск ОС, полиции, солдат РОА – власовцы. На вооружении этой банды танки, орудия, минометы и авиация. Против такой силы долго устоять партизаны не могли и с боями стали отступать от гор. Молодечно по болотам всей Вилейской области, а это несколько отрядов и бригад, отступили в район оз. Палик, район городов Лепец, Бегомель, Плещеницы, Холопеничи. Окружили плотным кольцом. Боеприпасы на исходе, продовольствие кончилось. Командование решает идти на прорыв, рвать кольцо блокады. И вот ночью, в конце июня 1944 года без всякой артподготовки, во весь рост, с криком «Ура!» идем на прорыв. Убитых и раненных было много, но прорвались. В этом бою я тоже был легко ранен. Но прорваться – это еще не все, ведь немцы бросились нас преследовать, надо было оторваться от преследователей, а это опять болото по пояс, а то и выше – в болотной, вонючей жиже. Так как не было медицинской помощи, не было возможности перевязать рану, я получил заражение, и до соединения с частями Красной Армии остался на попечении местного населения, скрывающего меня в лесу. Хотя я был ранен легко, однако в госпитале провалялся шесть месяцев [34].

Сленив Виктор Иванович **Работали все с большим энтузиазмом**

Родился я 25 октября 1927 года в деревне Иванцево Талдомского района Московской области. В крестьянской многодетной семье: отец, мать, шесть сыновей да две сестры. ... С восьми лет я пошел в школу, где учился до 1939 года. В марте 1939 г. мы переехали в посёлок Иваньково. Здесь и определялась моя дальнейшая судьба. Отец устроился на работу комендантом общежития, а мы продолжали учиться. Успели только из Талдомского района перевести и построить дом, как началась война. В 1942 году я закончил 6 классов. Отцу при эвакуации завода предложили тоже выехать, но он отказался, и тогда его взяли на фронт, а мы – 9 человек остались с мамой. Было очень трудно. Я летом пошел па-

сти коз, чтобы хоть немного заработать и помочь семье. Старший брат Сергей пошел на завод в цех №10 – плотником (столяром). А от предприятия только этот цех и остался. Немец был близко, у г. Конакова, даже была слышна канонада орудий. Но когда фашистов отогнали, то завод начал понемногу восстанавливаться. Стали возвращаться эвакуированные, но их было уже мало. Кто-то ушел на фронт, другие нашли место в других городах: в Ленинграде, Москве.

Осенью 1942 г. я пошел устраиваться на завод, но меня не брали, так как я был маленький ростом, да и было мне 15 лет. Пошла уже мама упрашивать, так как было трудно прокормить такую большую семью. Всё же пошли навстречу и приняли учеником слесаря.

Я взялся с большим желанием осваивать эту профессию. Мастером был у нас Морозов Алексей Сергеевич. Он ранее работал на Тульском оружейном заводе. Это был классный специалист. Даже он делал по персональным заказам ружья за границу. Нас было у него 25 человек. А цех №25 был плазово-шаблонный. Я был мал ростом, и чтобы достать до тисков, мне нужно было под ноги подложить решётку и ещё инструментальный ящик.

Проучившись 3 месяца, сдал на третий разряд. Меня направили в слесарно-механический цех – №1. Тогда в цехе было всего 3 токарных станка, 1 фрезерный, 1 строгальный и 2 сверлильных. Из-за нехватки фрезерного оборудования нам, слесарям, приходилось вручную пропиливать шестигранники на болтах и гайках до 50 мм. То есть 5 мм. со стороны. В цехе были 15, 17 летние мальчишки и девчонки. Работали все с большим энтузиазмом, чувствовали и понимали, что от нас страна ждёт помощи.

В годы войны были сборы на оборону. Мы по 3-4 дня отчисляли из зарплаты на строительство танковой колонны. Рабочий день с 8.00 до 19.00, но почти каждый день назначали ещё до 21.00 и до 24.00 сверхурочные. На этих работах мы делали: дверные ручки, скобы, петли, навески, запоры, то есть оказывали помощь разрушенным войной городам и сёлам. А дома наша семья после работы делала по заявкам лесничества: деревянные ложки, лопаты, лыжи, санки. В общем, всё для фронта. В 1943 году вступил в комсомол. В течение ряда лет избирался членом комсомольского бюро цеха [35].

Соловьёва Ольга Дмитриевна
Трудно вспоминаются те годы

Моя мама была из Иванькова. Деревня была у озера, рядом с маяком. Позже ее перевезли на место нынешней Дубны. После окончания учебы в Кимрах мама работала в Ленинграде на обувной фабрике. Бабушка после службы мужа уехала в Куйбышев. Мамин брат (дядя Андрей) остался один в доме, когда началось переселение деревни на новое место. Он вызвал мою маму, она приехала, здесь познакомилась с отцом и вышла за него замуж. Жилось трудно. Позже они уехали тоже в Куйбышев и вернулись перед войной. Отца призвали на фронт. Мама работала в школе №2 – заготавливала дрова, топила печи. Работала до поздней ночи. Дома оставались мы – две девочки. Я, 1937г. рождения и сестра 1940г. рождения. Жили в бараке №1 напротив школы.

Я не помню, как провожали отца на фронт. Это все рассказывала мне мама. Позже ее взяли на шлюз судопропускником, дали квартиру в бараке №14. В бараке крыша худая, во время дождей подставляли под воду тазы, корыто. Помню, как спала на железной кровати, поджимала ноги, пряталась от воды, протекающей через дыры в крыше.

Однажды проснулась среди ночи, а за столом сидит мужчина, ест щи прямо из кастрюли. Мама говорит, это твой отец пришел на побывку. Я от радости начала читать стихи, те, что учили в детском саду. Шел 1942 г. Отец был ранен под лопатку, лечился в госпитале, оттуда – на месяц домой. Помню, как с отцом ходили в детский сад за моим обедом. Сад был в корпусах, за клубом ВРГС. Дома отец пробыл долго, потом попал прямо на передовую и погиб. В Иваньково он приехал на строительство канала из Ташкента, да недолго довелось ему здесь пожить.

Жили в войну почти все трудно. Ели лебеду, крапиву, конский щавель. Покупали мешками картофельные очистки. Мыли, сушили и пекли лепешки. Перемороженную картошку отжимали и тоже ели лепешки.

Мама прислуживала в семье учителей. Все они жили в единственном кирпичном доме у школы.

В школе я училась у Галины Александровны Морковиной. Учителя все были сдержаны, дисциплина была в школе примерная. Все было плохо одеты, но учились старательно. Мама для школы сшила мне сумку из клеенки, снятой со стола. Я страдала головными болями, учителя жалели меня. Сидела с мальчиком – сыном начальника. Писали мы карандашами на листах бумаги. Учебники тоже были: «Арифметика», «Чтение», «Русский язык»... Трудно вспоминаются те годы [36].

Тяпкин Алексей Алексеевич
Это был очень тяжёлый, непосильный труд

Я, Тяпкин Алексей Алексеевич, родился 26 декабря 1926 года в Москве, неподалеку от московского Дома Ученых. Отец мой, Алексей Владимирович Тяпкин, работал служащим пожарной охраны. Во время войны пошел на фронт в коммунистический батальон добровольцем. Их батальон отправили на Селигер пробивать Ленинградскую блокаду. В ночь на 23 февраля 1942 года, как раз под праздник, он погиб.

В школе учился неважно, но экзамены, всем на удивление, всегда сдавал на отлично. Окончил семилетку, непосредственно перед войной, в 1941 году. Нас повезли в пионерский лагерь в Теплый стан, тогда еще Подмосковье, в сторону Смоленска. Но началась война, линия фронта быстро приближалась к столице, и примерно через месяц нас привезли обратно в Москву, для того, чтобы подготовиться к эвакуации из города. Приехали мы 22 июля, через месяц после вторжения гитлеровцев. Нам дали некоторое время для того, чтобы собрать вещи. Мы провели несколько дней в столице под бомбардировкой фашистов в нашем доме, неподалеку от Драгомиловского рынка.

В августе 1941 года меня с сестрой отправили в эвакуацию в город Чемкент Южно-Казахстанской области. Я стал доучиваться в 8 классе, но недоучился, потому что объявили комсомольский призыв для работы на свинцовом заводе. Я сагитировал сестру и ребят отозваться на призыв. И вот, в январе 1942 года мы начали работать на свинцовом заводе на поточной

линии, где точили трехдюймовые снаряды. Тогда мне казалось, что было не время учиться, и я усиленно работал. Сначала были учениками, у нас был восьмичасовой рабочий день.

Проработали в разных цехах. Загружали литейные печи металлом и коксом, топили печи, выполняли и другую вспомогательную работу. После этого меня, пятнадцатилетнего мальчишку, поставили работать на конвейер с двенадцатичасовым рабочим днем. Это был очень тяжелый, непосильный труд.

То, что потом, много лет спустя, я стал профессором, имеет прямое отношение к этой работе на заводе. Мы проработали полгода, потом на завод пришел новый выпуск ребят из ремесленного училища, и нам разрешили уйти с работы для того, чтобы начать учиться, но только в техникуме при заводе.

В эвакуации мы жили хорошо, с едой проблем не было, но очень часто одолевала ностальгия по родным местам. ...И вот я начал учиться в Горно-металлургическом техникуме при нашем заводе. Обнаружил в себе талант к учебе, особенно к математике и физике. Это была уже не школа, я понимал, что нужно хорошо заниматься и старался изо всех сил. В 1943 году после первого курса техникума отправился в Москву.

Когда приехал в Москву, у меня было одно желание – поступить на подготовительное отделение любого, неважно какого, ВУЗа. Вот такое сильное было стремление учиться. Но меня, человека с неоконченным средним образованием, не брали ни в одно высшее учебное заведение. Все ссылались на то, что мне надо закончить девятый класс. «Потонул» я и в Московском механическом институте, несмотря на отличные знания математики. Я решил предпринять последнюю попытку – пойти в Московский инженерно-строительный институт, который недавно вернулся в столицу из Куйбышева и находился в здании Архитектурного института.

Нашел подготовительное отделение, но заведующая Мария Васильевна отказала в поступлении. Но взглянув в мой аттестат, где было всего две четверки, изменила свое решение и сказала, что берет меня условно на один месяц, и опытные преподаватели быстро выяснят, годюсь ли я для учебы в институте. И вот я начал учиться на подготовительном отделении [37].

Федосеев Борис Николаевич **Эта война коснулась всех**

В 1941 г. я был в д. Токарево. Отлично помню 5 декабря – начало наступления. Деревни, окружающие д. Токарево, остались пустые, люди разъехались. Мой отец с братом в 1940 г. перевезли дом и хотели его собрать. Мать в 1941–1942 г.г. выплачивала страховку за дом, и мы остались в деревне. 5 декабря войск было очень много. Это были стрелковые части, пехота. Перед наступлением наш сосед скрытной дорогой провел танковую колонну. Потом мы видели, что ели, сосны были «ранены» от танков.

Везде были солдаты, дома брошены, но крыша над головой была. 5 декабря в седьмом часу вечера поступила команда наступать. Командир что был у нас на постое, имел звание лейтенанта. Моя бабушка говорит ему: «Что же вы, родимые, отступаете. А нам куда?» задала вопрос командиру. Он положил ей руку и сказал: «Мы не отступаем, а наступаем. И утром вы узнаете, как мы дадим немцам перца». Шли колонны солдат. Тут же получали оружие, боезапас и шли дальше. Мы, ребяташки смотрели на дым, как он выходит из трубы. Был вертикальный столбец, значит, будет морозная ясная ночь. И точно, был мороз, снега было выше колена.

Солдаты ушли, деревня опустела, а мы всю ночь не спали. Думали, кто кого одолеет. Утром появились первые раненные. Сейчас, будучи стариком, я все время вспоминаю, какие были люди патриоты. Философствую: «Может, жив этот командир?». В памяти моей он остался на всю жизнь. Я передаю это своей внучке, а она своим детям. Эта война коснулась всех здесь находящихся. Люди это помнят и передают из поколения в поколение [38].

Фефелова Лидия Георгиевна **Мне было всего 5 лет**

Когда война началась, у меня отца забрали на фронт. Мне было всего 5 лет. Моей маме 27. Мы жили на левом берегу. Там стояли бараки, заключенные строили дамбу. Когда началась война, из Дубны стали всех эвакуировать. Мы поехали в Калинин-

скую область. Там жили у бабушки, пока война не кончилась. Жили мы в деревне Поповка. А там проходили военные части. Один раз заходят солдаты к нам домой, а дома были бабушка и дедушка. Один военный говорит бабушке: «Мать, не поможешь? Нам тут надо па солдат постирать». И она согласилась. И я хорошо помню, как они принесли тушенки в банках и хлеба. Они постоянно приходили стирать. Когда война уже закончилась, хлеб уже давали по карточкам 400 грамм. Я помню, как с одним заключенным поменялась: он мне дал игрушку, а я ему хлеба. Мама меня за это отругала [39].

Харитонова М.
Мы вышли из войны

Ничто не предвещало беды. Жила деревня своими заботами: поля засеять, огороды посадить, урожай сохранить, вовремя его убрать, детей вырастить трудолюбивыми и жизнестойкими. ...22 июня 1941 года пришла война и с первых дней показала свое страшное лицо. Люди помрачнели, дети притихли. Малыши, глядя на плачущих матерей, плакали с ними вместе. В деревне – сенокос, а мужская рабочая сила уходила в действующую армию, молодых крепких лошадей отправляли на фронт. Постепенно молодых девушек, мужчин-белобилетчиков мобилизовали на трудовой фронт копать противотанковые рвы. Остались женщины, старики и дети.

Дел в колхозе невпроворот – и все вручную. Кончилось беззаботное детство. Взрослые и подростки косили, дети сушили и убрали сено, пололи лен. Ранним утром, подоив и согнав коров в поле, женщины шли топить печь. Бригадир стучал каждой в окно: «Мария, Дарья, Пелагея! Огород поливать!» А как уйдешь? Надо завтрак приготовить, на целый день еды припаси для семьи и скотины и на работу успеть со всеми вместе. И идет мать детей поднимать. Трудно просыпались дети, протирали глаза, потягивались, а знали, что огород поливать надо. Собирались и бежали на работу. Ленишься времени нет, надо поспеть домой к завтраку. Сон как рукой снимало, да и спать-то некогда: кому телят пасти, кому цыплят стеречь, а кому и за малышами доглядывать.

На полях культуры поспедали одна за другой. Лен пожелтел – тереть пора. Убрали с поля лен, высушили, пришло время колотить, семя от стебля отделять. После школы дети шли на гумно стучать вальком по головкам-коробочкам. Стук-гром с гумна летел по всей деревне. Много возни с этой культурой (стлать, мять, трепать, прять), но и польза велика. Наткут дерюг, половиков, полотна льняного, выбелят на весеннем солнышке во время таяния снега – вот тебе и полотенца, простыни, рубашки и прочие изделия. Лен и колхоз на плаву держал. Государство покупало льняную тресту в любом количестве.

За льном и горох созрел – убирать надо было. И опять – детские руки. Для порядка и в помощь детям давали старушек. Бабушка Устинья любила работать с детьми по наряду. Стоит, бывало, посреди полосы, что-то рассказывает, а работники горох таскают, в копны складывают. Далеко убегут от нее, а она их догонит и опять за свои басни принимается...

Осенью садились за парты. В школе свои проблемы: один учебник на двух-трех учеников, тетрадей не хватало, ручек, перьев нет. Старшие школьники (третий-четвертый класс) использовали старые книжки, грифельные доски, вместо ручек приспособивали палочки, к которым привязывали перья. Не хватало дров, всю зиму школьники сидели на уроках в пальто и валенках. Валенки были мужского размера, оставшиеся от отцов и старших братьев.

Поздней осенью стук, скрежет переселялся в дома. Ржи, пшеницы крестьяне получали мало, на мельницу везти не было смысла, поэтому их мололи в жерновах. Труд был не из легких, доставался он детям постарше. Накануне выпечки хлеба весь вечер скрежета-ла «машина», которую по очереди за ручку приводили подростки, чтоб получить муку. Утром мать пекла свежий душистый хлеб. В сенях стучали сечки, рубили капусту в больших деревянных корытах, заквашивали в кадках впрок на зиму и весну. В ступах обдирали гречку, овес, пестом толкли льняное семя. Этим порошком посыпали перед едой картофель.

Из тех, кто познал военное детство, немногим удалось закончить семь классов, большинство детей после начального обучения оставались в колхозе, помогая своим матерям. Мальчишки подрастали, уходили на войну. Ушло их много, но возвращаться было некому... [40]

Чепурченко Илья Андреевич

Люди из всех сил старались выстоять, выжить

...Мне не было и десяти лет, но память ярко сохранила и 22 июня 1941 года, и первые дни войны: первые в Москве ночные тревоги, сначала учебные (о чем мы узнавали утрам), а затем и настоящие. Помню, как вместе со взрослыми сил за домом траншеи для укрытия во время налетов вражеской авиации, как провожали на фронт соседей, сам я рос без отца. Затем эвакуация в Пензу, два года вдали от Москвы в интернате для детей, чьи родители остались работать в столице или сражались в действующей армии.

В интернате мы жили одной дружной семьей, учились, выращивали овощи. Часто выступали с концертами в пензенских госпиталях перед ранеными. Интернат находился в семи километрах от города, и радио у нас не было. Фронтовые новости нам сообщал доктор, ежедневно приходивший из Пензы, Декабрь 1941-го, вести все тревожнее – немцы у самой Москвы. И вдруг радость – разгром гитлеровцев под Москвой. Что тут началось! Прыгали, что-то кричали, а некоторые под шумок побросали в печку учебники немецкого языка.

Осенью 1943-го мы вернулись в Москву. Незабываемо впечатление от первого увиденного салюта (как раз был освобожден Киев), Конечно, были и голод, и холод. Но на это никто не жаловался, понимали, что это общая беда и старались ее преодолевать.

Дети войны выросли рано. Старшие с утра до ночи на работе, и все заботы о хлебе насущном ложились на нас, ребят. Мы хорошо знали, что почем на рынке, что можно продать из скудного пайка, чтобы купить картошки. В дни отоваривания карточек с утра до поздней ночи выстаивали в очередях, а весь месячный паек на трех человек помещался в небольшой сумке.

Зимой – борьба с холодом. Дров почти не выдавали, мы собирали уголь на железной дороге, жгли в буржуйках мебель, книги. В Москве были сожжены практически все заборы и сараи.

Люди из всех сил старались выстоять, выжить. Каждый клочок земли, газоны – все засаживали картошкой. И хотя было трудно, но сейчас это время вспоминается со смешанным чувством грусти и гордости от того, что жил в то время, хотя ничего выдающегося и не делал.

А самое яркое воспоминание – 9 мая 1945 года. На улицах Москвы – толпы радостных людей, стихийно возникающие демонстрации, тут и там над толпой взлетают солдаты и офицеры, подбрасываемые десятками рук, песни, пляски – всего не опишешь. Это надо пережить!

Красная площадь в огнях праздничного салюта... Когда показывают кадры кинохроники, вспоминаешь эти мгновения, что был там и вновь в душе возникает радость и стараешься передать эти чувства подрастающим внукам, рассказать им об увиденном и пережитом, объяснить, какое это счастье быть гражданином страны, благодаря которой наш народ живет и трудится на мирной земле [41].

Юдин Иван Степанович

Голод и жестокость войны не забыть

...Когда началась война, наша семья – родители и пятеро детей – жили в Брянской области. Отец работал путевым обходчиком, поэтому семья проживала в одиноко стоявшем в лесу доме на железной дороге. В 41-м Брянскую область не успели мобилизовать, много мужчин остались не призванными в армию. Все они ушли в партизаны. В их числе был и отец.

Немцы в то время уже стояли в соседней деревне, в Верещёвке, в километре-полтора от дома железнодорожников, но семью не трогали. Не трогали до тех пор, пока партизаны однажды не пустили фашистский эшелон, шедший по железной дороге, под откос. Тогда погибло много фрицев – немцы озверели...

...В воскресенье мать собиралась варить зеленые щи. Картошка в погребе была, а вот за щавелем в лес отправил старшего сына Колю. Тот долго упирался, будто чувствовал что-то неладное. Едва десятилетний мальчонка вышел из дома, как пожаловали фрицы. «Матка, вэк, вэк! Шнеле!» Повыскакивали из дома кто в чем был, успев прихватить немного одежды да котелок, который был и за кастрюлю, и за сковороду, и за тарелки. Дом немцы обложили соломой и подожгли. Полыхал деревянный дом, обжигая лица и руки перепуганной детворе, стоявшей от него метрах в пятидесяти, недолго – вскоре осталось на его месте лишь пепелище.

Анастасию с четырьмя детьми (пятого, Кольку, из леса никто дожидаться не стал) силой погрузили в эшелон и увезли в лагерь в Калужскую область. Был страшный голод. В поселении не осталось травы – всю съели. Варили лебеду, нередко без соли, и это – вкусно-то как! Самой маленькой в то время, Рае, было полтора годика. Девочка совсем высохла от голода, все время болела. Чтобы спасти ее, братья бегали в соседнюю деревню: глядишь, да кто из местных краюшку хлеба или картофелинку подаст.

Но чтоб выбраться из лагеря, нужна была еще сноровка. ...Заранее готовили рогатины, издалека присматривали углубление в земле, а как только часовой начнет удаляться от поста, поднимали подпорками колючую проволоку и – в деревню. Принесут, если повезет, хлебца, так мать его пожует, в марлю положит и Рае – как соску. Однажды, видя, что ребенок уже совсем погибает, решила сама сбегать за едой. Выбраться помогли мальчишки, немец не заметил. К обеду возвращается – несет в кармане бутылку молока. Да не рассчитала немного, чуть только под проволоку подлезла, как немец тут как тут. Прикладом что есть мочи огрел по бедру – бутылка вдребезги, нога – в кровь...

Спустя несколько месяцев довелось семье ненадолго очутиться на свободе, а потом снова лагерь, охраняли который полицаи. Когда было совсем голодно, они выпускали мальцов в соседнюю деревню, да раздобыть там еду становилось все труднее и труднее. Шел 43-й год, Рая была при смерти. Было-то ей всего два года, а говорить уже умела да смышленная такая была! Однажды серьезно так говорит: «Братик Ваня, я умру скоро». Что б понимала! Мать услышала, расплакалась, а братья – снова к полицаям: «Пропустите, мол, дитя умирает». В деревню пришли, где немцы базировались, а у них как раз обед – может, сжалятся, дадут чего. И точно, повезло. Один немец подозвал и быстро так в ребячий котелок наваристого горохового супа плеснул да каши гречневой туда же. И давай прогонять: «Вэк, вэк!» Пока бежали в лагерь, половину раздобытого съели – уж так ароматно, что не удержаться! Но и домашним осталось. Но, несмотря на все старания братьев, спасти малышку от смерти не удалось: девочка умерла незадолго до освобождения от фашистов...

...Шел 44-й год. Семья все еще жила в лагере. От старшего брата Николая не было никакой весточки – где паренек, жив ли? И вот в одну из ночей стук в окно: партизаны пробрались, чтоб сообщить: завтра наши в полдень наступать будут. Двенадцать, час дня, половина второго – нет Красной армии... А часа в два появились первые советские танки. ...Советский танк, первым приближавшийся к лагерю, где мы жили под охраной полицаев, подорвался на mine. У танка пробило гусеницу, так что он ни вперед, ни назад, только на месте завертелся. А мы ведь, местные мальчишки, видели, как некоторое время назад немцы минировали поле. Вот и рванули к танку. Танкист, выскочивший из люка, что есть мочи закричал: «А ну отсюда! Здесь мины!» Да что там – ребяшня, глупые еще были! Только позже, когда подоспели минеры, узнали, что бегали-то по минному полю, а спасло нас то, что мины немцы установили противотанковые, так что взрывались они при попадании на них веса около двухсот. Пришлось задерживать колонну и разминировать дорогу по полю. И снова в наступление, немцы окружены со всех сторон – это была победа!

...Отправилась на Брянщину, на родную станцию Верещёвка. Надеялись хоть там получить весточку о пропавшем сыне. Колька, как рассказали на родине, погиб от шальной немецкой пули. В тот день, вернувшись из леса со щавелем, увидел пепелище. Бросился к родным в соседнюю деревню и рассказал, что мать с младшими детьми сгорела. Все поплакали, погоревали, но, когда не нашли на пожарище останков, поняли, что удалось спастись. Колька же погиб во время карательной операции, которую фашисты вели вдоль железной дороги, ликвидируя партизан. Местные прятались в лесу. Не дай бог немец хоть шорох услышит – стреляли вслепую автоматными очередями. Коля вместе с десятилетним двоюродным братом Васькой сидел в кустах. Немец их не видел, но то ли услышал шорох, то ли просто для надежности прошелся выстрелами по зарослям. Коле сразу же угодил в затылок, тот мгновенно сник наземь, а брату пуля попала в ногу. Мальчонка закричал – боль нестерпимая, так немец прямо на глазах матери застрелил корчившегося от боли ребенка... [42]

Мы

*Есть в голосе моём звучание металла.
Я в жизнь вошёл тяжёлым и прямым.
Не всё умрёт. Не всё войдёт в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.*

*Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы –
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы – спросите жён!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображён.*

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.*

*Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.*

*И шли вперёд, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатого плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень твёрд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх – и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.*

*Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжёл, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.*

*Мир, как окно, для воздуха распахнут
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.*

*И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!*

Н. Майоров

Источники

I. ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ

1. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
2. Газета «Площадь мира», 2005 г., 9 мая. Записала Л. Козорезова.
3. Записала Еременко О. Апрель 2010 г.
4. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
5. По материалам газеты «Дубна: наука, содружество, прогресс» 28 апреля 1995 г. и сборника «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999. Подготовлено к печати Сысоевой О., Суворовой М.
6. Воспоминания записаны студенткой кафедры «Государственное и муниципальное управление» Галкиной Г. Апрель 2011 г.
7. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
8. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г., 9 мая. Подготовлено к печати Сысоевой О., Суворовой М.
9. Написано автором в ноябре 2011 г.
10. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
11. Написано автором 18.03.2010 г.
12. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
13. Там же, с. 34–35.
14. Записано Еременко О. Апрель 2010 г.
15. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
16. Там же.
17. Там же.
18. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г., 21 июня. Записала Волкова В. Подготовлено к печати Нетеребской Е.
19. Записано Гулиной А. Апрель 2010 г.
20. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
21. По материалам газет «За коммунизм» 7 мая. 1970 г. и «Дубна: наука, содружество, прогресс» 19 января 1983 г. Подготовила к печати Григорян Э.
22. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
23. Записала студентка кафедры «Государственное и муниципальное управление» Ямкова А. Апрель 2010 г.
24. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

25. Там же.
26. Там же.
27. Газета «За коммунизм». 1970 г., 8 мая. Записал Шакин А.
28. По воспоминаниям ветерана и материалам газеты «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г., 22 марта. Записала Л. Сергеева. Подготовили к печати Нежальская В. и Нетеребская Е.
29. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
30. Газета «Встреча». 2001 г., 12 октября. Записал Жизнев В. Подготовила к печати Цыганок А.
31. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
32. Написано автором 31 марта 1985 г. Подготовила к печати Малысова К.
33. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
34. Записала и подготовила к печати Урмонова Д. Апрель 2010 г.
35. Газета «За коммунизм» 1975 г., 24 января и газета «Дубна: наука, содружество, прогресс» 1985 г., 21 января. Подготовлено к печати Аксеновой Е., Жуковой В., Толмачёвым А.
36. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
37. Написано автором в 2009 г.
38. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
39. Газета «За коммунизм». 1995 г., 9 октября. Подготовлено к печати Барашковой И.
40. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
41. Подготовлено Прислоновым Н.Н. по материалам, опубликованным в газете «За коммунизм» 1970 г., 7 мая и в газете «Дубна: наука, содружество и прогресс» 2005 г., 29 апреля (автор Е. Молчанов).
42. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1985 г., 6 марта. Записала Жукова С. Подготовлено к печати Григорян Э.
43. Газета «За коммунизм», 1960 г., 7 мая. Подготовил к печати Казаков В.
44. Записала Субботина А. Декабрь 2009 г.
45. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
46. Написано автором в 1985 г.
47. Газета «За коммунизм». 1965 г., 8 мая. Подготовлено к печати Рохлецовой А.
48. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
49. Там же.

II. В ТЫЛУ, КАК НА ФРОНТЕ

1. Отредактировано и подготовлено к печати Прислоновым Н.Н.
2. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
- 3 Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Отв. за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
4. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
5. Газета «Площадь Мира». 2002 г., 9 мая. Подготовил к печати Гатицкий Н.
6. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
7. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1981 г., 11 ноября, №43. Подготовила к печати Кочешкова В.
8. Газета «За коммунизм». 1975 г., 17 ноября. Подготовила к печати Соловьева С.
9. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
10. Там же.
11. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1985, 8 мая. Подготовили к печати Губанкова А., Колгина К.
12. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
13. Газета «За коммунизм». 1975 г., 19 мая. Подготовлено к печати Соловьевой С.
14. Записал и подготовил к печати Прислонов Н.Н.
15. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
16. Воспоминания записаны студентом университета «Дубна» Кошелевым В.
17. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
18. Там же.
19. Там же.
20. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
21. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
22. Там же.
23. Газета «Встреча». 2003 г., 16 июля. Подготовила к печати Цыганок А.
24. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
25. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1985, 8 мая.
26. Подготовил Прислонов Н.Н.
27. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
28. Подготовлено Молчановым Е.М.
29. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.

30. Газета «Встреча». 2003, 12 марта. Подготовлено к печати Прислоновым Н.Н.
31. Из статьи «Рассказывают старожилы». Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1990 г., 9 мая. Записала Хрулева Е. Подготовили к печати студентки кафедры «Государственное и муниципальное управление» Козлова В. и Свириденко Д.
32. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1998 год, 25 декабря. Записала Алтынова А.
33. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
34. Там же.
35. Подготовлено к печати Милицыной А.
36. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
37. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
38. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1985, 8 мая. Подготовили к печати Губанкова А., Колгина К.
39. Подготовлено к печати Прислоновым Н.Н. по статье Смирнова Ю.Н. «Г.Н. Флеров и становление советского атомного проекта» // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е–50-е годы) // Труды международного симпозиума ИСАП96. – М.:ИздАТ, 1999. – С.158–160, 167–170.
40. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1985, 8 мая.
41. Газета «За коммунизм». 1975 г., 3 ноября. Подготовила к печати Соловьева С.
42. Газета «За Коммунизм». 1975 г., 9 мая. Подготовлено к печати Тереховым А.
43. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

III. ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

1. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000. Подготовил к печати студент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Денисов Е.
2. Газета «Встреча». 2015 г., 5 февраля.
3. Записал и подготовил к печати Прислонов Н.Н.
4. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
5. Газета «Встреча». 2007 г., 16 мая. Подготовила к печати Шагина Ю.
6. Газета «Встреча». 2010 г., 7 апреля. Подготовила к печати Шагина Ю.
7. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 2010 г., 6 мая.
8. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
9. Воспоминания записала Городняя А. Апрель 2010 г.
10. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
11. Там же.
12. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 2005 г., 7 мая. Записала Кавалерова Н.

13. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
14. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
15. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
16. Записал и подготовил к печати Прислонов Н.Н.
17. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
18. Записал и подготовил к печати Прислонов Н.Н.
19. Газета «Встреча». 2015 г., 29 января. Записала Ларионова М.
20. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г., 9 мая. Записала Алтынова А. Подготовлено к печати Сыроевой О., Суворовой М.
21. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
22. Записала Тимошенко Е.С.
23. Написано автором в 2010 г.
24. Записал и подготовил к печати Прислонов Н.Н.
25. Газета «Площадь Мира». 2014 г., 7 мая. Записал Козлов Ю.
26. Газета «Площадь Мира». 2013 г., 8 мая. Записала Борозна Н.
27. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
28. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
29. Газета: «Дубна: наука, содружество, прогресс». 2000 г., 12 мая. Подготовила к печати Шадрова О.
30. Подготовлено Молчановым Е.М.
31. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
32. Записал и подготовил к печати Прислонов Н.Н.
33. Там же.
34. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
35. Подготовил к печати Прислонов Н.Н.
36. Из книги «Переключка грозных лет». Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2000.
37. Записаны Габдрашитовым Р.
38. Записал и подготовил к печати Прислонов Н.Н.
39. Святая проза войны. Научный и художественно-публицистический альманах. Под общей редакцией И.Я. Шимона. Дубна, 2001.
40. Газета «Встреча». 1999 г., 7 мая. Подготовлено в печати Афанасьевой А.
41. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1985 г., 8 мая. Подготовлено к печати Самаревой Н., Горячевым М.
42. Газета «Площадь Мира». 2010, 14 апреля. Записала Сухая А.

Фотоприложение

1945
2015

ПОБЕДА!

Кравченко В.И. Берлин,
1945 г.

Кравченко В.И. У Бранденбургских ворот, май 1945 г.

Кравченко В.И. с детьми, 1975 г.

Стрельченко В.И.,
1945 г.

Стрельченко В.И. вручает
комсомольский билет, 1975 г.

Стрельченко В.И. с комсомольцами города, 1975 г.

Толстов В.Н., 1944 г.

Толстов В.Н., 1980 г.

Толстов В.Н. среди курсантов ВВВСКУ.

Травкин И.М., 1945 г.

Травкин И.М., 1970 г.

Кукушкин А.Ф., 1980 г.

Кукушкин А.Ф. и ветераны войны
Дубненского машиностроительного завода, 1985 г.

Кукушкин А.Ф. и Леонов В.И., 1990 г.

Толстов В.Н. и Кукушкин А.Ф. в музее ДМЗ, 1975 г.

Терентьев Г.Н.

Генерал Терентьев Г.Н.
на командном пункте, 1945 г.

Терентьев Г.Н. на отдыхе в Дубне.

На братских могилах, 1965 г.

1978 г.

Митинг на братских могилах, 1981 г.

1981 г.

1985 г.

Возложение цветов.

Минута молчания.

Урок мужества в школе №8 проводит М.С. Жохов.

Память, 2000 г.

9 мая 1971 г. Митинг, посвящённый открытию памятника землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

9 мая 1971 г. Открытие памятника в левобережной части города.

9 мая 1971 г.

Память народная, 1975 г.

9 мая 1980 г. Митинг в левобережной части города.

9 мая 1971 г. Памятник жителям пос. Иваново, погибшим в годы войны.

Май 1985 г. Ветераны войны, участники встречи в ГК КПСС, посвящённой 40-летию Победы.

1975 г. Ветераны войны – сотрудники Лаборатории высоких энергий ОИЯИ.

Май 1965 г.
Ветераны войны ОИЯИ.

Ветераны войны.

Май 1985 г.
Ветераны войны ОИЯИ.

1985 г.

Май 1985 г.

Участники Гражданской и Великой Отечественной войны, 1981 г.

Встреча в школе №9 бывших партизан Дятьковской партизанской бригады Брянской области, 1970 г.

1980 г.

Ветераны войны на городском митинге,
посвящённом Дню победы, 2001 г.

Ветераны войны: директор ЛЯП ОИЯИ В.П. Джелепов,
председатель городского Совета ветеранов войны А.М. Рыжов,
зам. директора ОИЯИ Н.П. Терёхин, 1980 г.

Митинг, посвящённый Дню победы, 2000 г.

1970 г. Ветераны войны ОИЯИ
на посадке аллеи партизан в районе ул. Векслера.

На братских могилах, 9 мая 2005 г.

9 мая 2005 г.

Митинг на братских могилах, 2006 г.

Митинг на братских могилах, 2005 г.

Ветераны на праздновании Дня победы.

Возложение цветов.

Празднование Дня победы.

Июнь 2010 г.

Ветераны и молодёжь возлагают цветы.

На братских могилах, 2008 г.

Возложение цветов.

Люди помнят защитников Родины.

9 мая 2010 г.

Торжественный митинг в честь Дня победы.

Дубненцы – участники парада Победы на Красной площади, 2005 г. М.М. Сторожев (второй слева), Герой Советского Союза В.И. Кравченко, П.С. Исаев.

Встреча ветеранов войны с курсантами ВВВСКУ, 1984 г.

Рассказ ветерана. П.С. Исаев.

Ветераны.

2008 г. Ветераны войны В.И. Леонов и П.Н. Марфушкин.

Актив городской ветеранской организации
на праздничных мероприятиях в Москве, апрель 2002 г.

Ветераны после вручения юбилейных медалей, январь 2010 г.

Ветераны г. Дубны на параде Победы на Красной площади,
2004 г.

2006 г.

Ветераны войны завода «Тензор», май 2005 г.

2006 г.

Участники Великой Отечественной войны Попов Ю.М. и Попова З.А. с воспитанниками городского лагеря отдыха, 22 июня 2008 г.

Делегация дубненских ветеранов войны в городе-побратиме
Ла Кросс (США), 1995 г.

Открытие памятного знака легендарному самолёту
Великой Отечественной войны ИЛ-2, 8 мая 2008 г.

Эстафета поколений.

Содержание

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ	3
<i>Андреанова Анастасия Сергеевна</i>	
Блокадная жизнь	5
<i>Артищева Клавдия Георгиевна</i>	
Никаких отпусков, никаких выходных	5
<i>Березовская Клавдия Ивановна</i>	
Трудное время пришлось на конец войны	7
<i>Быкова Евдокия Ивановна</i>	
Я всегда писала бодрые письма на фронт	8
<i>Васильева Валентина Николаевна</i>	
Войну выиграли раненые	9
<i>Вирясова Мария Сергеевна</i>	
Всегда хотелось спать	11
<i>Воронова Тамара Гавриловна</i>	
Была радистом	12
ВСЁ ЭТО БЫЛО НА ЗЕМЛЕ	13
<i>Ермолаева Любовь Петровна</i>	
Нелёгкая задача – вытаскивать с поля боя раненых бойцов.....	16
<i>Гакаме Людмила Ивановна</i>	
Нас, девушек, спасали ребята, рискуя своей жизнью	17
<i>Галактионова Клавдия Фёдоровна</i>	
Мы в атаку не ходили, но видели, ощущали смерть	18
<i>Галкина Елена Петровна</i>	
Мы выбивались из сил	27
<i>Гордиенко Зинаида Васильевна</i>	
Самое тяжёлое – ночи без сна	28
<i>Гудкова Мария Петровна</i>	
Опознавала вражеские самолёты	30

<i>Гусева Раиса Николаевна</i>	
Сутками стояли у операционных столов.....	31
<i>Дедюхина Софья Александровна</i>	
Крашенные ногти	33
<i>Елисеева Нина Афанасьевна</i>	
Страшные ночи бомбардировок.....	34
<i>Жаркова Ирина Сергеевна</i>	
Выполняли свою задачу, не думая о подвиге и славе	34
<i>Жижерина Тамара Ивановна</i>	
Армия была дружной многонациональной семьей.....	35
<i>Занкисова Александра Александровна</i>	
На турецкой стороне	36
<i>Игнатова Валентина Николаевна</i>	
Помогло нам выстоять мужество	36
<i>Иевлева Нина Александровна</i>	
Слёзы как приправа к каше были	39
<i>Кирсанова Мария Ивановна</i>	
Мы очень хорошо общались с немецкими ребятами	40
<i>Кобер Вера Николаевна</i>	
Вместе с 53-й армией	42
<i>Колосова Вера Ивановна</i>	
Командир орудия	43
<i>Кудряшова Антонина Яковлевна</i>	
Так мы отстояли свой склад	44
<i>Кузнецова Вера Михайловна</i>	
Спасая жизнь бойцов	44
<i>Кузнецова Ирина Петровна</i>	
Военная обстановка воспитала нас стойкими, мужественными	45
<i>Малинова Татьяна Ивановна</i>	
Война – это ужасно!	48

<i>Малькова Наталья Ивановна</i>	
Шла война, но детей не бросали.....	48
<i>Мамаева Екатерина Петровна</i>	
Мы охраняли заводы.....	50
<i>Могинская Валентина Карповна</i>	
Просто старалась восполнить свой долг.....	51
<i>Морева Софья Дмитриевна</i>	
Раненый сержант стал моим мужем.....	52
<i>Никонова Анна Дмитриевна</i>	
Мечтали о том, чтобы только остаться живыми.....	53
<i>Ошибкина Нина Афанасьевна</i>	
За то, что жива осталась.....	55
<i>Попкова Мария Григорьевна</i>	
Связь работала беспрерывно.....	57
<i>Попова Зоя Алексеевна</i>	
Каждому экипажу мы тщательно готовили парашюты.....	58
<i>Ревницкая Варвара Сергеевна</i>	
От Сталинграда до Эльбы.....	59
<i>Сатылбаева Надежда Григорьевна</i>	
Подвиг военных медиков.....	61
<i>Смирнова Екатерина Романовна</i>	
Было очень страшно, когда мы утром увидели ямы от бомбёжки.....	62
<i>Смолякова Нина Тимофеевна</i>	
Никогда в жизни потом так не хотелось спать.....	63
<i>Сосунова Зинаида Филиппова</i>	
Лётчики удивлялись стойкости и выдержке девушек-оружейниц.....	64
<i>Терехова Таусия Васильевна</i>	
Я прошла до Кенигсберга.....	66
<i>Титова Ольга Михайловна</i>	
Рядовая, четвёртый оружейный номер.....	66

<i>Чернова Нина Яковлевна</i>	
Я знаю войну не из книг и кино.....	69
<i>Чистова Анна Павловна</i>	
Мы вели жестокую борьбу с бандитами.....	70
<i>Шамарина Галина Степановна</i>	
До сих пор дают себя знать раны.....	71
<i>Щербакова Александра Ивановна</i>	
Они очень удивились, откуда дети в прифронтовой полосе.....	72
<i>Эрминбрик Лидия Сергеевна</i>	
О работе санитарки много не скажешь.....	74
В ТЫЛУ, КАК НА ФРОНТЕ.....	75
<i>Агеев Владимир Кузьмич</i>	
В эвакуации.....	77
<i>Бакаева Варвара Ивановна</i>	
Копали военным окопы.....	81
<i>Борисова Елена Михайловна</i>	
На колхозных полях.....	82
<i>Букина Екатерина Егоровна</i>	
Настрой был патриотический.....	82
<i>Булаев Г.</i>	
Мне пришлось насмотреться на море слез.....	84
<i>Булова Анна Павловна</i>	
Товарищеская помощь.....	86
<i>Бычков Фёдор Петрович</i>	
Стремление у нас было одно – не дать врагу подойти к Москве.....	86
<i>Гриченко А.М.</i>	
В деревне работы шли своим чередом.....	87
<i>Горенкова Вера Ивановна</i>	
Все остальное время работала в колхозе.....	88

<i>Грюнова Пелагея Фёдоровна</i>	
Но сил не оставалось	89
<i>Джелепов Венедикт Петрович</i>	
Вклад внёс каждый.....	90
<i>Дмитриева Нина Васильевна</i>	
Боялись одного – похоронок с фронта	92
<i>Долгова Нина Яковлевна</i>	
Когда фронт был рядом.....	92
<i>Дьячкова Нина Григорьевна</i>	
Люди тогда настолько были добрые	94
<i>Елецкая Евгения Николаевна</i>	
И мы, студенты, помогали Родине	95
<i>Елецкий Алексей Николаевич</i>	
Точили мы там болванки для снарядов	98
<i>Заливаева Антонина Сергеевна</i>	
Жили с надеждой на лучшее	100
<i>Земскова Антонина Григорьевна</i>	
Мы никогда не плакали – мы терпели	100
<i>Зонова Анастасия Кузьмовна</i>	
В сельском Совете	101
<i>Ильина Мария Никитична</i>	
Мы, девчонки, дежурили на посту	102
<i>Козовкова Валентина Захаровна</i>	
Подросла, стала дояркой.....	103
<i>Куранова Галина Фёдоровна</i>	
У детей тоже был своего рода фронт.....	104
<i>Лимонин Владимир Матвеевич</i>	
Мы работали наравне со взрослыми	104
<i>Малинин Александр Владимирович</i>	
Нам под ноги подставляли деревянные ящики	107
<i>Мещеряков Михаил Григорьевич</i>	
По зову Родины.....	108
Из военных писем М.Г. Мещерякова.....	109

<i>Мирович Татьяна Александровна</i>	
На снопиках мы хорошо зарабатывали	113
<i>Молчанова Мария Ивановна</i>	
Уж ничего нас не страшит (из писем на фронт мужу)	114
<i>Морозова Лидия Алексеевна</i>	
Труд был очень изнурительным.....	117
<i>Никоненко Софья Владимировна</i>	
Но занятия шли.....	117
<i>Попова Любовь Павловна</i>	
Голод и холод был страшный	120
<i>Потапов Александр Николаевич</i>	
Работали тогда с одной мыслью: лишь бы война скорее кончилась.....	121
<i>Седов Дмитрий Андреевич</i>	
Мы всю зиму выносили этот лес на берег	121
<i>Соловьёва Анна Ивановна</i>	
Работали безвозмездно	122
<i>Стрельникова Екатерина Ивановна</i>	
День и ночь шли вооруженные люди и техника.....	123
<i>Тычкина Надежда Ивановна</i>	
Работали очень много, отдыхали мало.....	125
<i>Фёдорова Надежда Григорьевна</i>	
Я была инструментальщик третьего разряда.....	125
<i>Флёров Георгий Николаевич</i>	
У истоков освоения ядерной энергии.....	126
Письма Г.Н. Флёрова руководству страны	130
<i>Франк Илья Михайлович</i>	
Мы считали главной задачей помогать фронту всеми силами.....	137
<i>Чикалина Мария Михайловна</i>	
Несмотря на тяжёлую обстановку, занятия в школе не прекращались	139

<i>Шабаева Евдокия Михайловна</i>	
Несчастье не сломило людей.....	140
<i>Шелаевская Ираида Сергеевна</i>	
Вольнонаемная участница войны	141
ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ	143
<i>Адушкина Валентина Павловна</i>	
Американский мёд	145
<i>Ануфриева Галина Ивановна</i>	
Так как рано пришлось повзрослеть	146
<i>Башимаров Владимир Михайлович</i>	
Школу юнг я закончил с отличием	149
<i>Бушуева Изольда Александровна</i>	
Игрушек не было	150
<i>Быков Анатолий Петрович</i>	
Жили и выживали.....	155
<i>Викторова Валентина Петровна</i>	
Никогда не забуду наши ночные смены	159
<i>Глаголев Виктор Викторович</i>	
Тулу немцы не взяли	161
<i>Гребёнкина Галина Викторовна</i>	
И пошли, куда шли люди	167
<i>Громов Кирилл Яковлевич</i>	
Было и страшно, и интересно	168
<i>Гуринович Юлия Афанасьевна</i>	
Дом писателей.....	169
<i>Демченко Николай Иванович</i>	
Какая же радость была для всех.....	171
<i>Дубинчик Владимир Борисович</i>	
Судьба хранила	172
<i>Дубровский Николай Григорьевич</i>	
Лесник (рассказ-быль)	176

<i>Заточина Галина Ильинична</i>	
Уже ледок на лужах, вязкая грязь, а я – босиком в школу	179
<i>Золотухина Нина Леонидовна</i>	
Не успеваем.....	181
<i>Иванова Надежда Васильевна</i>	
Мы не знали, будем ли мы завтра живы.....	183
<i>Иванова Ольга Сергеевна</i>	
Никто не хотел уезжать (московский дневник).....	184
<i>Калуцкая Александра Ивановна</i>	
Спасали мы раненых.....	187
<i>Каныгина Надежда Семёновна</i>	
В оккупации было трудно.....	188
<i>Карасёв Вениамин Васильевич</i>	
Большевожские пацаны	191
<i>Карнаухов Виктор Александрович</i>	
Настроение сменилось на тревожное ожидание	193
<i>Кирейцева Галина Ивановна</i>	
В эвакуации	194
<i>Кладницкая Евгения Николаевна</i>	
Трудовая закалка.....	197
<i>Крюков Алексей Сидорович</i>	
Не просто было работать	199
<i>Либерман Михаил Абрамович</i>	
Трудная дорога в эвакуации	200
<i>Лигус Луиза Александровна</i>	
Хоть и было тяжело мы, дети, не унывали	203
<i>Лошкарёва Нина Васильевна</i>	
Воевали по-своему	205
<i>Лукашенко Л.</i>	
Жизнь в оккупации.....	208
<i>Малькова Зоя Александровна</i>	
Сидишь за уроками, а сама думаешь, чего бы поесть	212

<i>Маляревский Икар Анатольевич</i>	
Родненькие	214
<i>Матвеев Виктор Иванович</i>	
22 июня закончилось детство	216
<i>Молчанов Юрий</i>	
Из писем на фронт отцу – М.И. Молчанову	218
<i>Орехова Анна Владимировна</i>	
Лошадей не хватало, пахали на коровах	219
<i>Рожин Василий Петрович</i>	
Интересный русский характер	220
<i>Свешников Николай Николаевич</i>	
Много было трудной работы	224
<i>Семёнов Пётр Иванович</i>	
Партизанские были	225
<i>Слепнёв Виктор Иванович</i>	
Работали все с большим энтузиазмом	228
<i>Соловьёва Ольга Дмитриевна</i>	
Трудно вспоминаются те годы	230
<i>Тяпкин Алексей Алексеевич</i>	
Это был очень тяжёлый, непосильный труд	231
<i>Федосеев Борис Николаевич</i>	
Эта война коснулась всех	233
<i>Фефелова Лидия Георгиевна</i>	
Мне было всего 5 лет	233
<i>Харитонова М.</i>	
Мы вышли из войны	234
<i>Чепурченко Илья Андреевич</i>	
Люди изо всех сил старались выстоять, выжить	236
<i>Юдин Иван Степанович</i>	
Голод и жестокость войны не забыть	237
ИСТОЧНИКИ.....	242
ФОТОПРИЛОЖЕНИЕ	247

Литературно-художественное издание

Нам дороги эти позабыть нельзя...

Часть II

Составитель **Прислонов** Николай Николаевич

Ответственный за выпуск **Диваков** С.В.
Подготовка оригинал-макета **Дмитриева** Н.А.

Подписано в печать 24.04.2015. Формат 60х90/16.
Объём 16 усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Издательство Волга»
170002, г. Тверь, ул. А. Завидова, д. 24, оф. 21
Тел.: (4822) 48-30-60; e-mail: info@ivolga.tv; www.ivolga.tv

Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати»
170040, г. Тверь, пер. Беляковский, д. 46.